

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

СОЦИАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ РОССИИ

Сборник научных статей
по докладам XVI Всероссийских Копыловских чтений

НОВОСИБИРСК
2022

ББК 60.524.22я46+60.542.15я46
С 692

Рецензент:

Сивринов Б. С., д-р социол. наук, профессор Сибирского института управления – филиала РАНХ и ГС

С 692 **Социальная онтология России** : сборник научных статей по докладам XVI Всероссийских Копыловских чтений / под ред. М. В. Ромма, В. И. Игнатъева, В. Г. Новоселова, Л. Б. Сандаковой. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2022. – 203 с.

ISBN 978-5-7782-4799-4

Традиционный сборник научных статей по докладам XVI Всероссийских Копыловских чтений «Социальная онтология России» в рамках Научной сессии НГТУ в марте 2022 года составлен из текстов участников Чтений по проблемам социальной философии, социологии, истории России, культурологии и политологии в предметной области социальных и гуманитарных исследований. Тематикой Чтений являлись бытие российского общества в настоящее время, его исторические корни и культурные традиции.

В сборник включены материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции «Человек и его будущее в технологической реальности». В работе конференции приняли участие аспиранты и студенты 20 различных вузов России.

Материалы сборника предназначены студентам бакалавриатов, магистратур и аспирантур, а также преподавателям и специалистам социальных и гуманитарных направлений.

ББК 60.524.22я46+60.542.15я46

ISBN 978-5-7782-4799-4

© Коллектив авторов, 2022
© Новосибирский государственный
технический университет, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Виватенко С.В., Сиволап Т.Е. Русская религиозная эмиграция: история монастыря покровы Пресвятой Богородицы в Бюсси-ан-От (Бургундия)	6
Вихман В.В., Ромм М.В. Конструирование теоретических образов социальных феноменов: между «конечностью» и «бесконечностью».....	14
Данилкова М.П. Какое образование нам нужно?	31
Зайцева Т.И. О сути христианской любви	39
Зима А.А., Дзукаева Т.С. Взгляд на философскую и культурную парадигму в понимании женского образа в искусстве рубежа XIX–XX веков.....	43
Игнатъев В.И. Сообщества интеллектуальных техноагентов: через интеракции к антропоморфности.....	52
Кушечко С.В. К вопросу о российском менталитете	60
Миндигулова А.А. Искусственный интеллект в образовании: вызовы	67
Моргунов Г.В., Городецкий М.В. Основные феномены духовности.....	71
Новоселов В.Г. Философская проблематика сильного искусственного интеллекта	82
Прокаева Е.Г. Актуальность теории общественного развития Ю. Хабермаса.....	93
Пронер Н.С. Цифровые номады: путь в никуда?.....	104
Сандакова Л.Б. Фрейм «технология» и проблемы формирования идентичности в сфере прокреации.....	109
Хандогин Р.В. Первичная онтологизация искусства в контексте объектно-ориентированной философии	118
Черепанов И.В. Аналитические и герменевтические языки в рамках самоопределения личности.....	122

ЧЕЛОВЕК И ЕГО БУДУЩЕЕ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: МАТЕРИАЛЫ III ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ	131
Антоненко А.А. Трансформация взаимодействия людей в системе интернета вещей	131
Бурманов С.А., Данилкова М.П. Антропологические изменения человека в цифровую эпоху.....	134
Гуляев Р.А., Кураев А.А. Метаморфозы любви в технологическом мире.....	137
Ефимкина А.О. Дискурс одежды и телесных модификаций как диагностический материал в психотерапии	141
Зинченко Е.С. Проблемы энергетики и пути решения	144
Золотникова А.В. Социально-нравственные проблемы крионики.....	147
Кистанова К.Е., Данилкова М.П. Искусственный интеллект: этические проблемы и перспективы развития	150
Ларин А.П., Чернова Е.М., Данилкова М.П. Философские аспекты искусственного интеллекта.....	152
Луканина Д.Д. Социально-этические проблемы биотехнологического проектирования «дизайнерских детей»	155
Марданов Д.И., Данилкова М.П. Научная фантастика как метод предвидения	158
Миничев А.В., Вардугин В.Ю. Влияние социальных сетей на личное общение	160
Мустахитдинова Ю.А. Искусственный интеллект в образовании.....	163
Огурцова А.В., Голубовская И.Я. Тенденции развития информационных технологий в цифровом мире	164
Сафина К.Э. Человек и цифровая реальность.....	168
Светлов Ф.В. Цифровые компетенции в профессиональной деятельности инженеров: основные направления формирования	170
Сиразева А.Л. Интернет-мем как феномен цифровой культуры	173
Слабоденюк А.А. Человек и цифровая реальность	176
Спиридонова К.И. Классификация социальных роботов и опыт их применения	180
Сучко П.А. Биоэтические проблемы клинических исследований	184

Чернышова В.В. Понятие «природа человека» и философский взгляд на проблемы современной науки	186
Чернявская Н.В., Мусатова О.В. Развитие эмоционального интеллекта у младших школьников с ограниченными возможностями здоровья во внеурочной деятельности в условиях инклюзивного образования	189
Шатырин А.В., Данилкова М.П. Трансгуманистический постчеловек	193
Шильков К.К. Проблемы и перспективы проектов «улучшения человека»	195
Юсупова Д.Р. Трансгуманизм	198
Сведения об авторах	201

Виватенко С.В., Сиволап Т.Е.

**РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ЭМИГРАЦИЯ:
ИСТОРИЯ МОНАСТЫРЯ
ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ
В БЮССИ-АН-ОТ (БУРГУНДИЯ)**

Аннотация. Статья посвящена истории создания и деятельности основанного в 1946 году женского православного монастыря Покрова Пресвятой Богородицы в небольшом бургундском поселении Бюсси-ан-От. Для организации монашеской общины и строительства обители свое имение «Вишневый сад» передает известный правовед, историк, профессор Парижского университета, находившийся в эмиграции, Василий Борисович Ельяшевич. Монастырь действует более семидесяти пяти лет, является духовным форпостом православного монашества на Западе, привлекает многих русских эмигрантов.

Ключевые слова и словосочетания: эмиграция, православная обитель, монашеская община, подвижничество, храм Преображения Господня, бургундское селение, организация мастерских.

В 1946 году известный адвокат Василий Борисович Ельяшевич (правовед, историк, профессор Петроградского политехнического института; в эмиграции профессор Парижского университета), пережив немецкую оккупацию, после смерти своей жены совершает воистину подвижнический шаг. Он пожертвовал свое имение «Вишневый сад», расположенное в селении Бюсси-ан-От (11, rue de la Forêt) в Бургундии для монашеской общины, под русский женский православный монастырь во имя Покрова Пресвятой Богородицы [1, с. 321].

Василий Борисович Ельяшевич родился в 1875 году. Детство его прошло в городе Иркутске, где он не без успеха учился в 7 мужской гимназии. После окончания юридического факультета Московского университета он занялся одним из направлений юридической науки – цивилистикой. Его магистерская диссертация: «Юридическое лицо, его происхождение и функции в римском частном праве» (Санкт-Петербург, 1910) была отмечена очень высоко в научной среде, в частности известнейшим ученым И.А. Покровским.

Из под пера В.Б. Ельяшевича вышли не утратившие и в настоящее время научной новизны многочисленные труды, среди которых выделяются: «Теоретические и практические комментарии к законам гражд-

данским» (1913), «Очерк развития современных систем вотчинного оборота на Западе» (1913), «Продажа строений на чужой земле» (1916), «История права поземельной собственности в России» (1946).

Кроме научной работы В.Б. Ельяшевич занимался и преподавательской деятельностью, он был профессором в различных высших учебных заведениях Москвы и Санкт-Петербурга. В это время он очень сблизился со своими коллегами и руководителями партии Народной свободы и русского масонства Н. Шингаревым и М. Бернадцким. О политической деятельности самого В.Б. Ельяшевича документов не сохранилось.

Василий Борисович имел высокий авторитет юриста, что позволяло ему быть консультантом известных русских заводчиков и купцов. Он давал консультации руководству Путиловского завода, Морозовым и Мамонтовым. Будучи прекрасным логиком, он раньше других понял о грозящих России потрясениях. Перед Первой мировой войной В.Б. Ельяшевич перевел свои деньги, собственность и ценные бумаги в зарубежные банки.

Незадолго до Октябрьской революции Василий Борисович Ельяшевич стал совмещать научную и педагогическую деятельность с работой в государственных органах. В 1915 году его назначают помощником юрисконсульта при Министерстве финансов. В 1916 году Ельяшевич становится чиновником особых поручений при министре торговли и промышленности, а в 1917 году – членом Совета этого же министра. За годы службы В.Б. Ельяшевич был награжден орденами Святой Анны III степени и Св. Станислава II степени.

К Октябрьской революции у Ельяшевича было резко негативное отношение. Василий Борисович уезжает во Францию, где становится одним из символов русской эмиграции. В. Б. Ельяшевичу, в отличие от большинства эмигрантов, удалось сохранить свои финансовые накопления. Видя бедственное положение беженцев, он стал оказывать безвозмездную финансовую помощь русским литераторам на чужбине. В его доме в Париже, на даче в Приморских Альпах и в имении в Бургундии часто обедали или гостили А. Куприн, И. Бунин, Б. Зайцев, Н. Тэффи, П. Струве и другие соотечественники – деятели литературы и искусства [2, с. 11, 12]. Его имя часто с 1921 по 1946 год упоминается в знаменитом дневнике жены И. Бунина Веры (опираясь на этот дневник кинорежиссер А. Учитель снял знаменитый художественный фильм «Дневник его жены»).

В 1929 году В.Б. Ельяшевич был избран в члены Юбилейного Комитета в честь ознаменования 175-летия Императорского Московского университета, он был инициатором организации на чужбине Академии по спасению русской культуры в лице писателей и ученых. Существует мнение, что он являлся одним из финансистов РОВСа (Русский Общевоинский союз), где главным бухгалтером являлся его старинный коллега по Санкт-Петербургу профессор М.В. Бернадцкий.

Как уже отмечалось, пережив тяжелые годы немецкой оккупации, семидесятилетний и одинокий глубоко верующий В.Б. Ельяшевич¹ летом 1946 года передает свое имение в бургундском селении Бюсси-ан-От под русский женский православный монастырь во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Митрополит Евлогий (Георгиевский) 2 июля 1946 года, в день памяти святого апостола Иуды, благословляет новую обитель [3, с. 517]. Монастырь начинают активно посещать многие русские эмигранты, где они становятся сильнее духом и богаче душой.

Первыми насельницами Покровского монастыря стали монахини: Евдокия Мещерякова, Бландина (Оболенская), Феодосия (Соломянская) и гречанка Глафира (Кириакопулос).

Инокиня Евдокия, в миру Екатерина, родилась в Москве в 1895 года, но выросла в городе Ялте. Ее мать была русской, из семьи Борисоглебских, отец – обрусевший француз. В 1920 году девушка вышла замуж за молодого историка А.Д. Мещерякова, который через два года умер от сыпняка на пути в Москву, где собирался принять сан священника. После смерти мужа вдова ушла в монастырь в Крыму, которым руководил старец Софроний, и в 1927 году приняла в нем тайный постриг. В 1932 году инокиню арестовали, но благодаря французскому гражданству ей удалось освободиться и выехать из СССР [4, с. 146, 147].

В Париже матушка Евдокия вступила в христианскую общину «Православное дело», которой руководила известная монахиня Мария (Скобцова). В этой общине социальная помощь сочеталась с культурно-просветительной и религиозной работой, но не было настоящего монашеского духа.

¹ В.Б. Ельяшевич пережил гитлеровскую оккупацию, но это были для него нелегкие годы. К концу жизни он потерял всю свою семью. В 1956 году Василия Борисовича Ельяшевича не стало, он был упокоен на парижском кладбище Батиньоль рядом со своей семьей и могилой П.Н. Милюкова.

Монахини давно уже жили вместе. Еще в 1938 году инокини Евдокия и Бландина, стремясь к более созерцательной жизни вне городского шума и суеты, покинули общину Марии (Скобцовой) «Православное дело» и поселились в Муазне-ле-Гран близ города Мелэна в 70 км от Парижа, где был найден дом с участком земли, окруженный со всех сторон полями. Вскоре к ним присоединились инокини Феодосия и Глафира. В частном доме они создали церковь в честь иконы Казанской божьей матери. Так как церковь была в подвале дома, инокини быстро согласились на предложение митрополита Евлогия (Георгиевского) переехать на новое место в Бюсси-ан-От.

Монахини не только работали в поле, но и заботились о больных и обездоленных, а во время немецкой оккупации спасали преследуемых, в числе которых однажды оказался американский парашютист. Все эти годы матушку Евдокию не оставляло желание создать настоящий «русский» монастырь, подобный тому, который она помнила на покинутой родине, но «приспособленный к сегодняшнему дню, без узости и фанатизма и, главное, без национальных ограничений».

Со времени своего создания община находилась под юрисдикцией Вселенского Патриархата Константинополя.

Днем основания монастыря считается 2 июля 1946 года, день памяти святого апостола Иуды. Из-за событий Второй мировой войны усадьба «Вишневый сад» была в запущенном состоянии, и на первых порах монахиням было очень тяжело. Они сами обрабатывали землю, питались за счет своего труда и очень редких пожертвований. Помещение старой овчарни стало сердцем монастыря, его часовней.

Хозяйственные постройки, примыкающие к главному зданию, были преобразованы, одна – в кухню и трапезную, а другая – в гостиницу.

Русский архитектор Игорь Иванович Значковский¹ разработал проект церкви в честь Покрова Пресвятой Богородицы, которая вскоре

¹ Игорь Иванович Значковский, родился в 1896 году в России; по образованию – инженер; участник Первой мировой войны; эмигрировал через Константинополь в Болгарию, а затем во Францию; принимал участие в основании Покровского женского монастыря в Бюсси-ан-От (Франция); диакон (1964), священник (1965), протоиерей; состоял в клире Русского Западно-Европейского Экзархата; настоятель Свято-Николаевской церкви в г. Бари (1965–1980); в 1970 году перешел в юрисдикцию Зарубежного Синода; скончался 25 июня 1980 года в Париже; похоронен на монастырском кладбище в Бюсси-ан-От.

была построена руками насельниц и редких помощников [5, с. 513]. Двухъярусный иконостас, аналои и все деревянные украшения в церкви исполнил В.В. Оболенский, брат монахини Бландины, образа написали иконописицы Иоанна Рейтлингер и Мария Струве-Ельчанинова.

В 1948 году митрополит Владимир (Тихоницкий) освятил храм, а также возвел в игуменское достоинство монахиню Евдокию.

В 1953 году в саду появилась часовня преподобного Серафима Саровского, созданная руками монахини Иларии (Бернадцкой).

В монастырском храме находятся: частица животворящего Древа Христова и мощи святых (святителя Иоанна Златоуста, святителя Тихона, патриарха Московского и всея Руси, святого первомученика и архидиакона Стефана, преподобной мученицы Елизаветы, благоверного князя Даниила и многие другие) [6, с. 137–141].

В 1950 году в монастыре скончался и был похоронен великий русский православный писатель Иван Шмелев.

В том же 1950 году в монастырь поступили пять новых монахинь, вскоре к ним присоединились еще две. Так как монастырские поля пришлось продать, то сестры стали работать только в огороде и саду. Матушка Феодосия ухаживала за больными и престарелыми, прибывшая из Женевы матушка Мария руководила хором, монахиня Анна (Грюнвальд) с 1977 года занималась отправкой в Россию религиозной литературы.

Монастырь благодаря гостеприимству инокиний, сделался очень популярным для верующих, странников и туристов. Многие после посещения обители оставались в ней.

Монахиня Бландина (Оболенская Александра Владимировна) родилась 30 марта 1897 года в семье известного общественного деятеля князя Владимира Андреевича Оболенского. Она была княжна по происхождению. В эмиграции – активная участница Русского студенческого христианского движения (РСХД) с момента его возникновения. Александра Оболенская приняла постриг в 1937 году. Она являлась одной из основательниц в 1938 году женской монашеской общины в Муазене совместно с игуменьей Евдокией (Мещеряковой) и монахиней Феодосией (Соломянской), которая в 1946 году обосновалась в Бюсси-ан-От (Бургундия), где был основан монастырь. Заведовала в монастыре работой в огороде и на полях. Последние годы проживала в городе Муазене, где ухаживала за умирающим духовником монастыря архимандритом Евфимием (Вендом). Скончалась 21 декабря 1974 года [1, с. 323].

Игуменья Феодосия (Соломянская Дина Иосифовна, в крещении – Лидия) родилась в городе Одессе в 1903 году. В 1929 году вместе с семьей эмигрировала во Францию. Принимала участие в работе Русского студенческого христианского движения (РСХД). В 1933 году стала послушницей при храме Христа Спасителя в городе Аньер (Франция) близ Парижа. Подвизалась в Аньерском доме призрения для пожилых русских эмигранток, в монашеской обители Воскресения Христова в селении Розэ-эн-Бри в 50 км от Парижа, где приняла монашеский постриг в 1938 году [2, с. 28–35; 7, с. 49]. Одна из основательниц в 1938 году женской монашеской общины в Муазене совместно с игуменьей Евдокией (Мещеряковой) и монахиней Бландиной (Оболенской). Принимала участие в основании Покровского женского монастыря. Была возведена в сан игуменьи в 1991 году. Скончалась 15 сентября 1992 года в Покровском монастыре.

В монастыре производилась огромная работа по переводу, редактированию и распространению литургических текстов и пропаганды веры, поскольку находился монастырь не на территории канонического православия.

В 1969 году в монастыре открылась своя типография, которая печатала главным образом английские переводы православных богослужебных книг. Переводы делала монахиня Мария (Гамбург), англичанка, владевшая церковнославянским и греческими языками. В этой работе также активно принимала участие инокиня Елизавета (в миру – герцогиня Елена Дмитриевна Лейхтенбергская), приехавшая в 1964 году из Канады. Этими переводами в наши дни пользуются многие англоязычные православные приходы.

С 1991 по 1995 год в монастыре проживал и был похоронен Епископ Керамонский, викарий архиепископии западноевропейских приходов русской традиции – Роман Золотов [8].

Благодаря своей пастырской деятельности вокруг монастыря стали селиться православные семьи со всей Франции.

В монастыре было организовано несколько мастерских. Они производят различные лекарственные препараты: настойки зверобоя, масло бессмертника, лаванды и камфоры, бальзам из мяты и лимона. Монахини варят варенье из абрикоса, вишни, айвы, кизила, малины, сливы, а также изготавливают экзотический джем из зеленого апельсина и помидора. Самым популярным продуктом среди местных жителей, который производят насельницы, являются консервированные соленые огурцы.

Большое подспорье для пополнения бюджета обители приносит гостиница.

Благодаря «Обществу друзей монастыря» (Ассоциация Saint-Jude, президент Анн Момзикофф, штаб-квартира расположена по адресу: Париж, собор Святого Александра-Невского, 12 rue Daru), в 2001 году были найдены средства для строительства церкви Преображения Господня. Монах Антоньева монастыря Георгий Субович создал проект церкви в псевдо-византийском стиле. Мэр Бюсси-ан-От-Бернард Ративо дал разрешение на строительство, а епископ Сергей благословил строительство.

В 2003 году храм был открыт. В него сразу были перенесены мощи святых Марфы, Александры и Елены, которые 21 января 2001 года монастырь получил из Дивеево [9]. Также в Преображенском соборе находятся мощи св. Алексея Медведкова (Алексий Южинский), который 16 января 2004 года был канонизирован Священным Синодом Константинопольского Патриархата.

Ассоциация Saint-Jude объединяет друзей монастыря, которые стремятся поддержать общину и внести свой вклад в ее существование. Она обеспечивает оперативный бюджет Преображенской церкви, включая отопительные и ремонтные работы; также оказывает существенную помощь сообществу, обеспечивая участие в ежегодной благотворительной распродаже; берет на себя ответственность за отношения со страховыми компаниями, администрациями; осуществляет организацию общественных мероприятий на благо монастыря; ведет сотрудничество в технических областях; оказывает прямую финансовую помощь.

Сегодня в монастыре живут двадцать монахинь, национальный состав их очень разнообразный: шесть русских монахинь, есть француженки, англичанки, монахини из Румынии, Венгрии, Швейцарии, Египта, США, Канады, Японии. Богослужение идет на церковнославянском языке, Евангелие читается на церковнославянском и французском языках. Нынешней настоятельницей монастыря с 2014 года является игуменья Эмилиания (Шеуэлл).

Монастырь действует уже более семидесяти пяти лет и является духовным форпостом православного монашества на Западе. Он стал приютом для многих русских эмигрантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Братство Святой Софии: Материалы и документы. 1923–1939 / сост. Н. А. Струве. – Москва ; Париж : Русский путь; YMCA-Press, 2000. – С. 321.
2. Покровская обитель: К 50-летию со дня основания Русского православного монастыря Покрова Пресвятой Богородицы в Бюсси-ан-От (Франция) / сост. Ирина Басова. – Париж, 1996.
3. Евлогий (Георгиевский) митр. Путь моей жизни. – Москва, 1994.
4. *Струве Н. А.* Православие и культура / Н. А. Струве. – Москва : Христианское издательство, 1992.
5. *Нивьер Антуан.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995 : биографический справочник / Антуан Нивьер. – Москва : Русский путь; Париж : YMCA-Press, 2007.
6. *Черкасов-Георгиевский В.* Русский храм на чужбине / В. Черкасов-Георгиевский. – Москва, 2003.
7. Вечное. – № 337. – Париж, 1976. – С. 49–54.
8. Русские храмы и обители в Европе / авт.-состав. В. В. Антонов, А. В. Кобак. – Санкт-Петербург : Лики России, 2005.
9. Русская мысль. – 2004. – 15–21 июля. – № 28 (4513).

КОНСТРУИРОВАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ СОЦИАЛЬНЫХ ФЕНОМЕНОВ: МЕЖДУ «КОНЕЧНОСТЬЮ» И «БЕСКОНЕЧНОСТЬЮ»

Аннотация. Отправная точка авторского рассуждения – теоретическое затруднение, связанное с явной непроясненностью в социальной философии вопроса о понимании конечности или бесконечности теоретизаций, с которыми сталкивается исследователь в процессе конструирования теоретических образов социальных феноменов. Научная новизна осмысления проблемной ситуации, поднятой в данной работе, состоит в том, что посредством оперирования с теоретическими социальными конструктами (теоретическими образами), обращения к теории социального конструирования и теории множеств концептуализирован подход к конструированию теоретических образов социальных феноменов, как конечной социальной конструкции.

Ключевые слова и словосочетания: социальный феномен, актуальная бесконечность теоретизаций, теоретический образ социального феномена, множество теоретических образов социального феномена, конструирование теоретического образа.

Введение

Эпоха постнеклассической науки ознаменовала себя доминантной ролью теоретического уровня познания социальных феноменов. Философская активность ученых в процессе анализа рефлексивных практик неизбежно приводит их к поиску абстрактного образца, структуры, которая позволила бы выстроить границы познания феномена, или иными словами приблизиться к «гомогенизации»¹ теоретических зна-

¹ Гомогенизация – переход от гетерогенного (разнородного) множества вещей, феноменов и т. д. к гомогенному (однородному) множеству тех же самых (но уже видоизмененных – гомогенизированных) вещей, феноменов и т. д. Термин «гомогенизация» служит для обозначения целой серии изменений, приведших к возникновению нового типа мышления и знания – нововременного математизированного естествознания. Суть этих изменений заключается в устранении границ между различными, разнородными областями бытия («гомогенный» в буквальном переводе с греческого означает «однородный», напротив, «гетерогенный» – это «разнородный»). Итак, гомогенизация – это процесс, при котором разнородное становится однородным. Гомогенизирующие тенденции привели к появлению новой – научной – формы мышления и знания. См.: Морозов Ф.М. Гомогенизация, компьютерная метафора и поиски онтологии деятельности в когнитивной психологии // Наука глазами гуманитариев. М., 2005.

ний, совершить уход от «гетерогенизации» научных рефлексий, представлений, фактов. Образец или иная абстрактная фигура выступает как некое мыслительное средство познания социального феномена. Возникновение каждый раз нового мыслительного средства, как правило, оголяет новые исследовательские горизонты, вырисовывает иные перспективы. Предметом для проектирования может стать то, что казалось ранее «неслышимым», «неосозаемым» и т. п. Ученые в частности прибегают к новым средствам мыслительной деятельности и актам познания через проблематизацию и выдвижение гипотез. С этой точки зрения Х. Ленк¹ отмечал, что «в актах познания и действия, будь то “пассивный” опыт, или “активный”, “понимающий” опыт, применяются принципы структурирования и различные способы наложения концептуальных сетей, или, выражаясь языком методологии, способы формирования и приложения *образцов* или *абстрактных структур*, которые мы всегда применяем, когда что-то делаем, или пытаемся понять и представить». Он же постулировал: «мир лишь в той степени доступен пониманию, в какой он структурируется, оформляется с помощью выработанных человеком или предназначенных в нас *интерпретационных схем*».

В свое время И. Кант² выдвигал проблему поиска способов, «каким образом разнородное (гетерогенное) множество эмпирических фактов превращается в однородное (гомогенное) множество теоретического знания» и именно в свете решения данной проблемы он предложил обратиться к теоретическим образцам познания. Ему вторил В.С. Степин и двигался в русле стратегии проблематизации, сформулированной И. Кантом и со своей концепцией «фундаментальных теоретических схем»³ и его акцентом на том, что существуют такие знания, которые не предоставляется возможным получить индуктивным способом. Можно предположить, что за именами этих ученых стоит рефлексия новых форматов мышления и стирания границ традиционно устоявшихся. Итак, мы очертили повестку. С одной стороны, выявить и проанализировать, какими абстрактными структурами, конструктами, образцами оперируют ученые с целью репрезентаций и интерпретаций научных теоретических рефлексий относительно теоретического объекта исследования. С другой стороны, заострить проблему конечности или бесконечности теоретических представлений при конструи-

¹ Lenk K.H. Interpretationskonstrukte: Zur Kritik der interpretatorischen Vernunft/ Frankfurt. M 1993. 698 s.

² Кант И. Критика практического разума // Кант И. Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. М., 1994. С. 412–413.

³ Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000. С. 110.

ровании теоретического образа социального феномена, как его целостного представления.

Методология

Решение проблемной ситуации, решаемой в данной работе, базировалось на обращении в общенаучных, специальных научных теориях формирования теоретического знания к теоретическим конструктам (теоретическим образцам, абстрактным структурам (Т. Кун, И. Лакатос, К. Поппер, В.С. Степин, Б.М. Кедров, В.В. Чешев, В.Г. Горохов, В.М. Розов, В.А. Лекторский, И.Т. Касавин, Порус, Л.А. Микешина и др.), обращении к теории социального конструирования П. Бергер, Т. Лукман и др., теории множеств Г. Кантора.

Постановка проблемы

В данной работе предпринята попытка поиска решения проблемы конечности или бесконечности конструирования теоретизаций (теоретических конструктов, представлений) социального феномена в процессе его познания. Возникает вопрос: процесс конструирования теоретического образа (как целостного теоретического представления) социального феномена в процессе его познания имеет ли завершенность? Можно ли утверждать, что последнее зафиксированное нами в научном рефлексивном пространстве теоретическое представление социального феномена является конечным? Можем ли мы претендовать на целостный, завершенный сконструированный теоретический образ познаваемого социального феномена? В процессе конструирования целостного теоретического образа социального феномена с чем мы имеем дело: с бесконечностью теоретических представлений, где никто не видел конечный его элемент или же есть возможность конечной фиксации теоретизаций феномена по какому-то признаку?

Основная часть

Дискурс заявленной проблемы в данной работе предлагаем начать с понимания, как конструируется теоретическое знание, а именно сущности *теоретических конструктов*. Конструирование социальных явлений производится на теоретическом научном уровне, которому свойственно оперирование теоретическими конструктами, образцами, сводимыми к идеально-типическим. Итак, окунемся в терминологическое прояснение генезиса понятий, образцов и иных структур, приме-

няемых исследователями в научном теоретическом познании в общем и социальных феноменов в частности, их сравнительный анализ содержания в тех направлениях философско-методологического мышления, где данные понятия становились предметом и способом научной рефлексии.

Итак, *схема*. История появления схем в философско-методологическом мышлении уходит своими корнями к таким ученым, как И. Кант, Ж. Пиаже, Г.П. Щедровицкий. Схемой И. Кант предлагает именовать «представление об общем способе, каким воображение составляет понятие образ»¹. Именно И. Кант называется в научных источниках первым ученым, «осуществившим философскую рефлексии схемы как теоретического средства» и ему приписывают «первое систематическое развернутое философское учение о схемах». Понятие «схема» использует и известный ученый Ж. Пиаже, но в двух контекстах (узком и широком). «В широком смысле “схема” – это любая нерефлексивная и непрозрачная как для исследователя, так – конечно же – и для ребенка структура действия, мысли или коммуникации. Иными словами, “схема” в широком смысле – это до-формальные и до-понятийные структуры»². «Иными словами, “схема” (schema, мн. число “схемата”) относится к репрезентации реальности без попыток какой бы то ни было ее трансформации»³. Отдельные интересные попытки экспликации понятия схемы были и у других ученых. В частности, Г.П. Щедровицкий предложил свою экспликацию понятия схемы, под которой «понимаются рефлексивно выделяемые исследователем или тем, кто осуществляет деятельность нормативные структуры деятельности, характеризуемой с точки зрения ее средств, операций, предметов, осознаваемых или неосознаваемых целей и т.п.»⁴. Нельзя опять не упомянуть опять классика социологии Н. Лумана, который также обращается к конструкту «схема», когда перед ним возникает необходимость решения задачи теоретического рассмотрения феномена коллективного поведения. Среди работ, посвященных вопросам

¹ *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М., 1994.

² Цит. по *Морозов Ф.М.* Схемы как средство описания деятельности (эпистемол. анализ). М., 2005. С. 69.

³ Там же. С. 69.

⁴ Там же. С. 4

применения понятия «схема», отдельно стоят исследования ритуалов. Ритуалы, которые воспроизводятся «по определенной схеме, имеют определенную схему в своей основе, именно схемы являются условием воспроизведения общности, условием того, что она остается тождественной сама себе во времени», рассматривал П. Бурдые. Он упоминает конструкт «схема» в связи с постановкой вопроса «о том, каким образом происходит воспроизводство во времени ритуалов в традиционных обществах»¹. П. Бурдые утверждал, что «схемы ритуалов не представлены для носителей этих ритуалов в качестве овнешненных внеположенных структур: они вплетены в саму ткань жизнедеятельности, полностью управляют и воспроизводят саму жизнедеятельность»². Конструкт «схема» может быть рассмотрен как «одно из средств мыслительной работы». Хорошим примером *схемы*, на наш взгляд, является «дисциплинарная матрица» Т. Куна. Ученый поясняет, что «"дисциплинарной" матрица называется в силу того, что она учитывает принадлежность ученых-исследователей к определенной дисциплине. "Матрицей" же она является в силу того, что составлена из упорядоченных элементов различного рода, причем каждый из них требует дальнейшей спецификации»³.

Двигаясь далее мы вводим в наш понятийно-категориальный дискурс понятие *теоретическая схема*. Данное понятие научный мир услышал и отрефлектировал благодаря его «создателю» В.С. Степину. Данное понятие не возникло из ничего, оно «материализовалось» из естествознания и было развернуто данным ученым, который внес в него компоненту «теоретическая», в контексте формирования естественно-научного теоретического знания. В.С. Степин посвятил свои научные труды изучению, в частности генезису теоретического знания. По ходу исследований В.С. Степин ввел понятие *фундаментальные теоретические схемы*, под которыми он понимает «взаимосогласованную сеть абстрактных объектов, определяющую специфику данной теории»⁴. Анализируя концепцию этого ученого, отметим, что с *теоретическими схемами* связываются такие компоненты знания, которые

¹ Цит. по Морозов Ф.М. Схемы как средство описания деятельности (эпистемол. анализ). М., 2005. С. 6.

² Бурдые П. Практический смысл. М.; СПб., 2001.

³ Кун Т. Структура научных революций. М., 1975. С. 228–236.

⁴ Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000. С. 110.

«невозможно вывести из опыта чисто индуктивным путем». Исходя из этого позиция В.С. Степина такова: «в качестве фундаментальной проблемы теории познания и методологии науки выдвигается проблема происхождения теоретических схем»¹. Акцентируем, что «степинская» теоретическая схема является развитием понятия *схема*, рассмотренного нами ранее.

Обращение к исторической идеологии, провозглашающей, что знания о науке могут быть представлены в ее разнообразных *образах*, стало отправной точкой нашей исследовательской траектории в анализе возможных образцов конструирования. Под образом науки понимаются способ, форма, метод, модель, представление знаний о науке, которые являются отражением особенностей социокультурного бытия. Немаловажно отметить и тот факт, что специфика образов науки напрямую зависит от точки зрения и практики ученого и являет собой либо его, либо научного сообщества представления о науке. Исходя из этого содержание, способы, источники, контексты из формирования (образов науки) отличаются. Для примера укажем концептуальную полемику относительно понятия «образ».

Под содержанием образов науки понимаются его субъективные экспликации, являющиеся отражением рефлексивного опыта исследователя. Например, И. Элкан складывал образ науки из «составляющих, как представления ученых и широкой общественности о природе и целях науки, о ее социальной роли, о месте среди других культурных форм, а также из их отношения к нормативно-ценностному комплексу самой науки»². В интерпретации А.П. Огурцова³ образ науки предстает как «интегративное, синтетическое представление о структуре и развитии научного знания, которое существует в двух формах – дорефлексивной и рефлексивной». Это наводит нас на мысль, что образы науки, несмотря на явную фрагментарность, неодинаковость, можно представить, как «нечто синтетическое, интегративное»⁴. Философия форми-

¹ Там же. С. 141

² *Elkana Y.A* Programmatic Attempt at an Anthropology of Knowledge II Sciences and Cultures: Anthropological and historical studies of the sciences / In E. Mendelssohn and Y. Elkana eds. Boston: D. Reidel Publishing Company, 1981. P. 21.

³ *Огурцов А.П.* Образы науки в буржуазном общественном сознании. Философия в современном мире. М.: Философия и наука, 1972. С. 349.

⁴ *Власова С.В.* Образ науки в общественном сознании // Вестник МГТУ, том 7. № 1. 2004. С. 106–114.

рует образ науки путем интеграции разных идей, концепций, поэтому наблюдается некая нечеткость, многоуровневость, многослойность получаемого образа науки на социокультурном фоне.

М.В. Шматко¹ видит под образом науки конструкт с «наиболее общей формой познания и освоения окружающего мира, но и важной предпосылкой для перехода субъекта из пассивного осознания своей включенности в действительность к ее активному преобразованию» и утверждает, что «образ науки, в связи со спецификой отображаемого объекта, носит концептуальный характер». Образом науки в экспликации А.Н. Соколова, Ю.Н. Солонина предстает некий объект, «которым оперирует и теоретик, и носитель общенаучных представлений, и представитель обыденного сознания»², на формирование которого оказывают значимое влияние сферы человеческой деятельности. Обнаруживается и тот факт, что «поскольку образ чего-либо проявляется в способности живого существа совершать определенные действия по отношению к внешнему миру, то именно опираясь на действия человека, можно судить о том образе науки, который сформировался в его сознании»³. С.Б. Куликов предлагает рассматривать образы науки как «как символы трансформации смысла идеи науки»⁴. Автор утверждает: «современный этап развития науки демонстрирует разрыв между стремлением философской рефлексии свести многообразие представлений науки в единый образ и множественностью образов науки в рамках самой науки». Причину Куликов видит в том, что наблюдается «интенция ученых гуманитариев, представителей социальных дисциплин руководствоваться иными стандартами, нежели принятыми в естествознании».

¹ Шматко М.В. Образ науки в массовом сознании современного российского общества : дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Шматко Марианна Владимировна; [Место защиты: Ом. гос. техн. ун-т]. Омск, 2007. 187 с.: ил. РГБ ОД, 61 07-9/787.

² Соколов А.Н., Солонин Ю.Н. Предмет философии и обоснование науки. СПб.: Наука, 1993. 158 с.

³ Власова С.В. Образ науки в общественном сознании // Вестник МГТУ, том 7. № 1. 2004. С. 106–114.

⁴ Куликов С.Б. Образы науки как символы трансформации смысла и идеи науки // Омский научный вестник. Серия. Общество. История. Современность. 2016. № 32. С. 26–30.

Если обратиться к В.А. Лекторскому¹ и его «смысловому ядру» в контексте упоминания рациональности как ценности культуры при формировании интегрированного образа науки, то мы приходим к тезису, что наука «как ценность в культуре» находится в тесной взаимосвязи ее образа с типом научной рациональности, который доминирует в общественной культуре и витках ее развития. Это будет в дальнейшем одним из лейтмотивов нашего исследования. С этой точки зрения очень интересно исследование Е.И. Сильновой: «усвоение знания в форме образа является наиболее доступным и оптимальным способом понимания, благодаря чему формируется социальная картина мира человека. Образное “сообщение” включает в себя все социокультурное и культурно-историческое окружение, задействует массив внутреннего опыта, обладает выразительными возможностями в развертывании существа мира как несоизмеримости разных его порядков. Тем самым “образ” показывает социальное бытие из разных перспектив»². Здесь также интересно вспомнить труды В.Б. Устьянцева. Он показывает, что «социальное пространство выступает одним из фундаментальных параметров конструирования социального мира, выполняя формообразующую функцию и способствуя выявлению многообразных связей между различными пространственными формами»³. М.Р. Васильева, обращаясь к образу науки, пишет, что это «...интерсубъективные феномены знания». Конструирование образов науки автор предлагает осуществлять «посредством онтологических и ценностных фильтров, относящихся к одному контексту социальной практики и действующих одновременно в процессе социального конструирования знания».

Интерпретация «своего» образа науки нашла отражение у В.В. Миронова, который у него «рассмотрен как взаимопроникновение трех феноменов: науки, философии и культуры и в нем неизбежно фикси-

¹ Эпистемология: новые горизонты / под ред. В.А. Лекторского. М., 2011.

² Сильнова Е.И. Концептуализация понятия «социальный образ» в социальной философии // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14558> (дата обращения: 14.10.2018).

³ Устьянцев В.Б. Человек, жизненное пространство, риски: ценностный и институциональный аспекты. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2006. 81 с.

руются «полярные отношения», существующие между теми элементами культуры, для которых характерной является установка на рациональное постижение мира, и ее элементами, сориентированными на ценностно-эмоциональное восприятие бытия»¹. Конструкт «образ» «как конституирующий компонент публичной коммуникации» упоминается в работе Р.В. Патюковой², которая исследовала его «в их синхронической и диахронической системности». Это согласуется с нашей логикой исторического генезиса конструирования теоретического образа исследуемого объекта. Обращение к процедуре конструирования образа имеет место быть в работах таких ученых, как Д.Н. Замятина³ (и его учеников-последователей Н.Ю. Замятиной, И.И. Митина⁴) и его моделирование географических образов в культуре, в рамках гуманитарной географии, носящие синтетический и междисциплинарный характер. Под «географическими образами» ученый понимал «образы пространства, порождаемые изучаемой культурой». Замятин писал «...любая культура самоопределяется, идентифицирует себя посредством рядов, или серий различных образов (или образов-архетипов). ...определенные географические образы являются существенным компонентом рассматриваемой культуры, а также культуры вообще (взятой в ее абстрактном, высшем смысле) ... моделируемые или реконструируемые географические образы являются частью феноменологии культуры, а сама география в целом есть феномен культуры». Ученый постулирует: «...географические образы рассматриваются ... как самоорганизующееся, достаточно автономное целое, развивающееся в различных по своей социокультурной ориентации контекстах». В.Г. Пан-

¹ *Миронов В.В.* Наука и философия в системе мировоззренческих ориентаций современной культуры: автореф. д-ра филос. наук. специальность 09.00.01 – Онтология и теория познания / В.В. Миронов. М., 1997. С. 9.

² *Патюкова Р.В.* Образ как конституирующий компонент дискурса публичной коммуникации: синхроническая и диахроническая системность (на материале английского и русского языков): диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Патюкова Регина Валерьевна; [Место защиты: ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет»]. Краснодар, 2014. 350 с.

³ *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2000. 488 с.

⁴ *Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И.* Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы / отв. ред. Д.Н. Замятин. М.: Институт Наследия, 2008. 760 с.

телеев¹ в рамках социологического ракурса изучал регионы через конструкты «образы», являющиеся отражением социокультурных ценностей. В контексте проблемы конструирования будущего посредством образов и моделей особый интерес представляет работа исследователей Н.А. Лукьяновой, Е.В. Фелл, Й.И. Сиберса². В ключе данной работы авторы образы будущего «воспринимаются как некое предчувствие, принимающее зримые символические формы» и выстраиваются как синтез «трех моделей: первая, функциональная модель, позволяет описать процесс конструирования будущего в определенной последовательности этапов; вторая модель может быть представлена как взаимосвязь и взаимообусловленность символических и когнитивных элементов, доминирующих в представлениях о будущем; объектом третьей модели, рефлексивной, являются когнитивные процессы, формирующие реальность субъектов в представлении о будущем».

Л.Н. Иванская обратилась к понятию «образ» в контексте психологических исследований психотехники актеров – «структура воспринимаемого объекта и ее воспроизведение в образе представления, который является основополагающим и главнейшим звеном психических свойств человека (ощущений, восприятия, памяти, речи, воображения, мышления, эмоций), изучаемых общей психологией». Автор изучал сравнение «влияния на процесс формирования образа представления образования, пола, возраста и двух видов профессионального тренинга»³. Далее тему «образа» в психологии продолжают А.О. Прохоров, Л.В. Артищева⁴, Л.С. Сироткина⁵. В научных источниках встречаются

¹ *Пантелеев В.Г.* Образ регионов как предмет социологических исследований // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 12-2. С. 244–250.

² *Лукьянова Н.А., Фелл Е.В., Сиберс Й.И.* Динамика конструирования образов будущего: исследование проблемы // Вестник науки Сибири. 2015. № 2(17). С. 37–46.

³ *Иванская Л.Н.* Образ – главное звено психики человека и «психотехники» актера. Книга 1. Теоретические вопросы и методика исследования. СПб.: Астерион, 2010. 250 с.

⁴ *Прохоров А.О., Артищева Л.В.* Образ психического состояния: динамические и структурные характеристики // Эксперим. психология. 2012. Т. 5. № 2. С. 63–73.

⁵ *Сироткина Л.С.* (2015) Теоретические компоненты образа психологии в русской логико-философской мысли конца 19 в. в контексте проблемы психологизма русской логики конца XIX – начала XX вв., АЦИО.ру, №. 15. С. 196–221.

работы изучающие образы в сравнительно-аналитическом контексте, например, взаимосвязи образа жизни и здоровья у Д.А. Изуткина¹, этно-мифологические образы и символы в декоративно-пластической композиции у И.В. Демьяненко². К понятию образа обратились в своих исследованиях М.А. Макиенко А.Ю. Чмыхало, И.Б. Ардашкин при формировании «образа инженера новой генерации»³.

Для нас значимым представляется позиция авторов не только применить понятие «образ», но проанализировать механизмы конструирования образа феноменов, которые они исследуют. Исходя из проведенного нами экспликационного дискурса отметим, что поиск способов и абстрактных образцов репрезентаций теоретического знания весьма гетерогенен. Но несмотря на это многообразие, четко прослеживается частотность и востребованность применяемых понятий: *образ, схема, теоретическая схема, теоретический образ*. Одни занимают явную позицию лидера, другие пока не нашли своего широкого применения в научных исследованиях. Но данный факт, на наш взгляд, говорит не о том, что одни образцы познания лучше или хуже по сравнению друг с другом, а лишь о том, что обращение к ним основывается на научных предпочтениях и рефлексивном опыте исследователей, обращающихся к ним.

Зафиксировав явную традицию познания феноменов на теоретическом уровне посредством обращения к теоретическим абстрактным конструктам, мы подошли ко второй части значимой части нашего дискурса. В поисках ответа на вопрос, конечно или бесконечно число теоретических представлений социального феномена, обратимся к исследованиям, посвященным понятиям потенциальной и актуальной

¹ Изуткин Д.А. Концептуальные основы взаимосвязи образа жизни и здоровья: дис. ... д-ра филос. наук. Н. Новгород, 2005. 356 с.

² Демьяненко И.В., Марамзина Н.Ю. Этно-мифологические образы и символы в декоративно-пластической композиции «легенда о сихиртя»: теоретический аспект (часть 2) // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 01(55) Часть 3. С. 13–15. URL: [https:// research-journal. org/ art/etno-mifologicheskie-obrazy-i-simvoly-v-dekorativno-plasticheskoy-kompozicii-legenda-o-sixirtya- teoreticheskij-aspekt-chast-2/](https://research-journal.org/art/etno-mifologicheskie-obrazy-i-simvoly-v-dekorativno-plasticheskoy-kompozicii-legenda-o-sixirtya-teoreticheskij-aspekt-chast-2/) (дата обращения: 24.03.2019). doi: 10.23670/IRJ.2017.55.178/

³ Макиенко М.А., Чмыхало А.Ю., Ардашкин И.Б. Теоретические и методологические основания формирования образа инженера новой генерации в современных зарубежных и отечественных исследованиях // Вестник науки Сибири. 2016. № 4(23). С. 54–64.

бесконечностей. Погружение в анализ понятия «актуальная бесконечность», актуализированное Г. Кантором, на наш взгляд, позволяет увидеть исследовательские перспективы и обоснование в решении задачи конечности теоретизаций в научных исследованиях, о возможности процесса познания социального феномена в конструировании его теоретизаций. На наш взгляд, говорить о бесконечности теоретических образов социального феномена можно с двух сторон. Во-первых, как о бесконечно большой величине, т. е. количество теоретических образов феномена будет постоянно возрастать, но не достигнет никогда определенного значения. Иными словами, эта бесконечность существует в принципе. Во-вторых, мы можем найти «ограничитель» бесконечности и зафиксировать ее. Образно эти два случая можно свести к аналогии с прямой. Если мы говорим, что прямую можно продолжать в любую сторону сколь угодно долго, то это потенциальная бесконечность. Иная ситуация, если мы фиксируем конечный отрезок данной прямой, который в данном случае состоит из бесконечного множества бесконечно малых математических точек. Этот формат носит название актуальной бесконечности, или завершенной к данному моменту времени.

В философии споры о бесконечности велись задолго до наших времен, на протяжении веков ломались устоявшиеся традиции, возникали новые. В свое время Аристотель ввел в научный оборот знаковые понятия потенциальности и актуальности, или другими словами, возможности и действительности [1]. Обращаясь к данным понятиям, Аристотель аналитически пытался длительное время рефлексировать над понятием бесконечности и в результате его трудов оформляются новые понятия «потенциальная бесконечность», как процесс роста, который не останавливается, «актуальная бесконечность» как имеющуюся величину, но не имеющую конечной меры. Аристотель¹ утверждал: «...всегда возможно придумать большее число, потому что количество частей, на которые можно разделить отрезок, не имеет предела. Поэтому бесконечность потенциальна, никогда не действительна» [2]. Иными словами, Аристотель отрицал существование актуальной бесконечности². Обратим внимание, что задолго до учений Аристотеля

¹ Аристотель. Физика III, 6.

² Второй постулат Евклида утверждает не бесконечность длины прямой линии, а всего лишь то, что «прямую можно непрерывно продолжать». Это потенциальная бесконечность. Если же рассмотреть всю бесконечную прямую, то она дает пример актуальной бесконечности.

о потенциальной бесконечности философ Зенон предложил свою интерпретацию бесконечности [3]. Речь идет о логическом парадоксе Зенона, появившемся еще в античности, известном как Парадокс Ахиллеса и Черепахи. Контекст данного парадокса можно свести к утверждению «Ахиллес никогда не догонит черепаху, если она начинает свое движение раньше его». Необходимо подчеркнуть всю глубину данного парадокса: Ахиллес юн и быстр, черепаха медлительна и неповоротлива, но черепахе дают возможность начать движение ранее, а потом выпускают стремительного Ахиллеса. Несмотря на «фору» данную черепахе, Ахиллес так никогда и не догонит это медлительное существо. Зенон объясняет это тем, что налицо ограниченность человеческого мышления, которое заключается в следующем. Не может человек (в данном случае Ахиллес) представить, что его траектория движения – это совокупность бесконечных шагов, которые с одной стороны уже прошла черепаха, а с другой – они не имеют своей завершенности. Ведь совершая один шаг, ему предстоит сделать следующий и следующий, и сколько их впереди, ему не ведомо, т. е. человеческое мышление не представляет конечного элемента. Таким образом, мы получаем еще одно доказательство, возникшее ранее Аристотеля в пользу существовании лишь потенциальной бесконечности [5].

Казалось, что человечество зашло в тупик в попытке представить завершенную бесконечную совокупность, или в терминах Аристотеля, актуальную бесконечность. Возникшее затруднение было разрешено лишь в 19 веке, когда Г. Кантор выдвинул тезис о существовании актуальной бесконечности, подтвержденное созданной им же теорией множеств [4]. Кантору удалось разрушить устоявшееся убеждение ученых в том, что существует только лишь потенциальная бесконечность. Г. Кантор раскрыл понятие множества, под которым понимает следующее: «под “множеством” мы понимаем соединение в некое целое M определенных хорошо различимых предметов m нашего созерцания или нашего мышления (которые будут называться “элементами” множества M)» [7].

Идеи, выдвинутые Г. Кантором, породили основательное сопротивление и среди математиков, и среди философов. Ученый предпринял попытку разделить эти два понятия, который тысячелетиями нередко смешивались и подменялись, как в случае его обращения к учениям Аристотеля, где понятие бесконечности было противоречивым: «с одной стороны, оно должно представлять собой определенное количество, а с другой – любое количество превосходить» [8]. Если

окупнуться в размышления Г. Кантора, то в них явно доминирует актуальная бесконечность. Кантор писал: «Я говорю о множестве как о завершённом, и такие множества, если они содержат бесконечно много элементов, я называю “трансфинитными”... Таким образом, множество должно мыслиться как единая вещь в себе, т. е. должна существовать возможность помыслить множество как актуально существующую целостность всех его элементов»¹. Нельзя не согласиться, что если мы говорим о потенциальной бесконечности, то подразумеваем некий процесс, в котором множество чисел (например, натуральных 1, 2, 3, ...) выстраивается следующим путем: с каждым числом n берется большее $(n + 1)$. При упоминании о актуальной бесконечности рассматривается множество взятых разом чисел, целостной как совокупности всех ее элементов $N = \{1, 2, 3, \dots\}$.

Вслед за Г. Кантором П.А. Флоренский признает истинной бесконечностью актуальную, а потенциальная бесконечность для него переходит в статус «вспомогательной». Сами понятия говорят за себя: потенциальная – это иметь возможность что-то сделать, осуществить неограниченный процесс, а актуальная скорее претендует на результат, если эту возможность реализовать, т. е. нечто свершенное, реализованное [6]. Можно ли предположить, что формат актуальной бесконечности это «упрощенная» потенциальная бесконечность? Ведь никто не видел параллельных прямых, но нельзя отрицать что они существуют, а вот отрезки этих прямых наблюдать могут все, графически изобразив их на листе бумаги, т. е. упростив изучение объекта (в данном случае параллельных прямых). Опрокидывая данные постулаты на область теоретизаций социальных феноменов, отметим следующее. Наша основная задача заключается в том, чтобы осмыслить и убедиться в том, что когда речь идет о теоретизациях, с которыми работает исследователем, он имеет дело с целостной совокупностью элементов, объединенных в множество по какому-либо существенному признаку (актуальной бесконечностью). Переводя на «язык» нашего исследования, если мы говорим, что имеем дело с множеством теоретических образов социального феномена, то это означает, что объектом изучения выступает *актуальная бесконечность* теоретических образов феномена как единая совокупность. В противном же случае налицо потенциальная

¹ Кантор Г. Труды по теории множеств. М.: Наука, 1985. С. 268.

бесконечность теоретизаций феномена, гласящая о том, что это процесс выявления теоретизаций и к каждой теоретизации можно добавить следующую, иными словами, количество теоретизаций может быть бесконечно увеличено.

Отметим следующие противоречия, лежащие на поверхности. Когда перед исследователем стоит задача изучения социального феномена, это значит, что он задается целью выявления всех его сущностных характеристик, связей, свойств и отношений. Предположим первую ситуацию в формате «потенциальной бесконечности»: в процессе познания социального феномена, через процедуру конструирования его теоретических образов (представлений, интерпретаций), исследователь аккумулирует в своих трудах все многообразие этих теоретизаций. Каждый научный подход (парадигма), в призме которого познается и конструируется социальный феномен, на выходе генерирует свой присущий только ему теоретический образ изучаемого феномена. Иными словами, исследователь на выходе имеет некую бесконечную последовательность теоретических образов социального феномена (ТОСФ), сконструированных научной парадигмальной оптикой. Формат такой последовательности можно представить записью:

$$\text{ТОСФ}_1, \text{ТОСФ}_2, \dots \text{ТОСФ}_N + 1.$$

Возникает вопрос: насколько достоверным и отражающим реальные факты является этот набор бесконечный теоретических образов? Способен ли он описать все сущностные характеристики изучаемого феномена, если нам не известен конечный теоретический образ в этой последовательности? Налицо следующая проблемная ситуация: *мы не можем отрицать тот факт, что теоретических образов может возникать сколь угодно много, и никто не знает какой будет последним.* От чего это зависит? Несомненно, лишь от пытливого ума ученого и его желания подключать всю новую исследовательскую оптику в процессе конструирования теоретических образов. Но как в подобной проблемной ситуации бесконечного зарождения новых теоретических образов мы можем говорить, что социальный феномен мы изучили полностью, воссоздали его целостную теоретическую интерпретацию? Обратимся к противоположной ситуации.

Вторая ситуация меняет свой характер с «потенциальной бесконечности» на «актуальную бесконечность». Если теоретические образы

социального феномена (ТОСФ), с которыми «работает» исследователь, представить как нечто целое, то запись приобретает вид

$$\text{ТОСФ} = \{\text{ТОСФ}_1, \text{ТОСФ}_2, \text{ТОСФ}_3, \dots \text{ТОСФ}_N\}.$$

Эта запись читается «мы имеем множество теоретических образов социальных феноменов ТОСФ, содержащее в качестве элементов теоретические образы социального феномена $\text{ТОСФ}_1, \text{ТОСФ}_2, \text{ТОСФ}_3, \dots \text{ТОСФ}_N$ ». Данный формат говорит, что мы принудительно «ограничиваем» набор теоретических образов социального феномена через множество и его элементы. Обращение к канторовскому множеству, на наш взгляд, предоставляет исследователю познать социальный феномен в процессе конструирования его теоретических образов, наиболее полно зафиксировав все его сущностные характеристики. Данным тезисом мы не претендуем на единственно верный подход к теоретической рефлексии социальных феноменов. Мы всегда принимаем во внимание тот факт, что в любой другой момент времени множество приобретет другой вид и состав своих элементов.

Заключение

Осуществляя дискурс относительно познания социальных феноменов посредством конструирования их теоретических образов и заостряя его на проблемной ситуации конечности или бесконечности их, мы пришли к следующему. Обращение к теории множества Г. Кантора позволило нам найти противоречие между острой потребностью в теоретическом познании социальных феноменов через конструирование его теоретических образов и отсутствием ясности, с какими теоретизациями имеет дело исследователь: конечными или бесконечными, и как рефлексировать бесконечность теоретизаций. Делаем вывод о ее целесообразности и пригодности применения теории множеств в нашем исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Физика III, 6.
2. *Aristotelis physica*. Ed. W. D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1950.
3. Гайденко П. П. Эволюция понятия науки (становление и развитие первых научных программ). Глава «Элейская школа и первая постановка проблемы бесконечности» и далее / П. П. Гайденко. – Москва : Наука, 1980.

4. *Кантор Г.* Труды по теории множеств / Г. Кантор. – Москва : Наука, 1985.
5. *Богомолов С. А.* Актуальная бесконечность. Зенон Элейский и Георг Кантор. Пг.: Academia, 1923.
6. *Russell B.* Principles of Mathematics. Cambridge: Cambridge University Press, 1903.
7. *Georg Cantor.* Beiträge zur begründung der transfiniten mengenlehre. Mathematische Annalen, 46:481–512, 1895.
8. Новая философская энциклопедия. В четырех томах / Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. – Москва, Мысль, 2010, т. I, А–Д. – С. 246–247.

КАКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НАМ НУЖНО?

Аннотация. Статья посвящена одной из актуальных тем современности – вопросам университетского образования, его целям и смыслам в условиях новых социальных вызовов. В работе акцентируется внимание на активизации роли университетов как интеллектуальных и духовных центров, формирующих новый образ всесторонне образованного человека будущего.

Ключевые слова и словосочетания: университетское образование, ценность образования, мотивация к самообразованию, гуманитарная подготовка.

Введение

Современное образование в высшей школе претерпевает значительные трансформации, предъявляя особые требования к будущим специалистам в различных сферах деятельности. Новые требования к системе образования детерминированы различными факторами, важнейшие из которых сопряжены с глобальными изменениями социокультурной ситуации, столь характерными для нынешнего состояния общественного развития и динамичного техногенного мира в целом.

Ответом на возникающие вызовы становится модернизация высшей школы, в частности ее базовых структур – университетов, ориентированных на подготовку специалистов с высоким профессиональным уровнем, успешно адаптирующихся к новой социальной реальности. Формирование университетов нового поколения – таков стратегический вектор реформирования, заданный еще в начале XXI века. Однако сегодняшнее состояние развития университетского образования свидетельствует о неоднозначности результатов произошедших реформ. Университетское сообщество весьма противоречиво характеризует специфику модернизационных процессов в высшей школе. Количество публикаций, форумов, конференций свидетельствует о том, что данная тема находится в фокусе научного и педагогического дискурса [1–4]. В связи с неоднозначностью итогов реформирования, активизация поиска ответа на вопрос: какова роль университетов в подготовке научных кадров в новой реальности, остается одной из первостепенных.

Действительно, анализ итогов реформирования университетского образования и его значимости в становлении новой интеллектуальной элиты находит продолжение в научных и педагогических кругах,

и с учетом новых социальных трансформаций приобретает новое смысловое звучание. Причины столь широкого обсуждения связаны с многими факторами. Выявим некоторые из них.

Специфика современных общественных процессов состоит в техноцентричности социально-культурной жизни. Научно-технические инновации становятся неотъемлемой частью человеческого бытия и определяют способы и качество общественных отношений в усложненной реальности, которую принято называть технологической. Реформирование системы образования связано, прежде всего, с необходимостью поиска новых механизмов для более успешной адаптации человека к технологической реальности, представляющей собой «симбиоз коммуникаций, знаний, фактов и объектов» [5].

Кроме того, в современном техногенном обществе, основой которого являются наука, технологии и инновации, появляется острейшая необходимость формирования через систему образования нового образа человека будущего, способного повернуть вектор социального развития в сторону человека-созидателя, обладающего не только набором профессиональных навыков, но и подлинно человеческих качеств. Ответом на столь серьезные запросы может и должно стать акцентирование внимания на аксиологических аспектах образования, формирующих ценностные и мировоззренческие позиции молодых специалистов.

По мнению ученых, университеты всегда выполняли, как минимум, две основные задачи: формирование научных кадров и реализация воспитательной функции. Если в текущий момент первую функцию университеты как-то пытаются отстаивать (хотя к ней есть немало вопросов), то вторая функция – воспитательная в последнее время совсем утрачивает свои целевые позиции. Государственная образовательная политика частично предпринимает попытки активизировать этот вид деятельности. Это можно продемонстрировать на примере новых образовательных стандартов. Однако в реальном образовательном процессе реализация таких целей весьма проблематична, и эти вопросы требуют значительного переосмысления и проработки.

Отметим, что, к сожалению, современное университетское образование постепенно превращается в простую трансляцию знаний, а между тем исторически складывалось так, что классические отечественные университеты всегда стремились соответствовать статусу научных и культурных центров, внутри которых формировалась научная элита,

обладающая не только набором знаний, но также высокой степенью образованности в самом широком смысле этого слова.

Однако здесь возникает еще одна проблема, требующая особого внимания. Динамика происходящих социальных и культурных трансформаций, обострение экономических и политических кризисов оказывают существенное влияние на образовательные структуры, в том числе и на профессиональное высшее образование. В условиях социальной нестабильности образование в высшей школе утрачивает не только мотивирующее начало, но и фундаментальную базу. Произошедшие процессы реформирования нацелили университеты на выработку разного уровня компетенций: от профессиональных до личностных. Последнее, безусловно, необходимо, но недостаточно в конкретных социальных условиях.

Поэтому в текущий момент следует сконцентрировать внимание на том, что фундаментальная миссия университетского образования состоит в сохранении университетов как важнейших культуротворящих центров в целостной системе общественных отношений. Постоянная «оглядка» на экономическую ситуацию и формирование узкопрофессиональных навыков разрушает базовые основы образования, его ценность и значимость [6].

Понятно, что университеты вынуждены реагировать на вызовы социальной реальности, но вместе с тем они не должны превращаться в учреждения «по штамповке кадров» для рыночной экономики. С учетом новых реалий университетам особенно важно сохранять статус центров научной и духовной культуры в обществе. Это означает, что основная задача университетов заключается в выработке стратегии развития, целью которой является гармоничное сочетание фундаментальных традиций и инновационных образовательных технологий и их эффективное использование в образовательном процессе.

Здесь уместно отметить, что современные медиаинструменты, широко используемые в последнее время, открывают не только новые способы трансляций информационных материалов, заданных стандартами компетенций, но и открывают возможности для воздействия неконтролируемых информационных потоков на обучающихся. Поскольку возникает риск «неполноценной информации», то необходим тщательный контроль над содержанием передаваемой информации и «говорящих учебников» [7]. Указанные аспекты приобретают ключевое значение для разработки и внедрения новых критериев оценки

эффективности современного образования в ситуации высокотехнологичного и одновременно динамично меняющегося мира.

Таким образом, в условиях усложненной социальной обстановки приоритетной задачей университетов является ориентация на разумное, детально проработанное сочетание традиций и инноваций в образовании. Посильна ли эта задача для отечественных университетов?

Как уже отмечалось, первые итоги реформирования высшего образования в сторону становления университетов третьего поколения вызывают немало критических замечаний. Данная критика обусловлена несколькими причинами: во-первых, это связано с бездумным подражанием западным стандартам без учета традиций высшей отечественной школы; во-вторых, этому способствует разросшаяся бюрократизация и снижение академических свобод. В-третьих, можно указать на противоречивость сочетания научной и предпринимательской научно-образовательной деятельности. В-четвертых, наличие формализма в критериях оценок образовательной деятельности. Данный перечень можно было бы продолжить, но и этого достаточно, чтобы понять, что высшая отечественная школа требует серьезных конструктивных, содержательных и структурных исследований. Бесконечная череда модификаций в образовательных программах в высших учебных заведениях привела к нестабильности учебных процессов, что, в свою очередь, резко понизило качественный уровень подготовки специалистов. Не секрет, что некоторые учебные программы менялись прямо в середине семестра.

Сегодня университетское образование продолжает претерпевать существенные изменения как структурного, так и содержательного свойства. Современные университеты все больше отклоняются от классической модели университета, предложенной Вильгельмом фон Гумбольдтом. Как известно, в классической модели университета присутствовали основополагающие принципы, важнейшие из которых следующие: автономия университета, связь обучения исследовательской деятельностью студентов, свобода преподавания и обучения и другие. Понятно, что такая модель университетского образования в силу объективных обстоятельств значительно трансформировалась. И что же мы имеем на данный момент?

К сожалению, приходится констатировать, что результаты модернизационных процессов в системе университетского образования не привели к желаемым результатам и, безусловно, требуют дополни-

тельной проработки [1]. В настоящее время наблюдается «переформатирование» университетов из научно-исследовательских центров в бизнес-структуры, в которых такая деятельность, как «зарабатывание денег», превращается в один из важнейших критериев оценки эффективности функционирования образовательного учреждения. Преобладание в обновленных моделях университетского развития таких видов деятельности, как коммерция, значительно снижает статус университета, превращая его в организацию по оказанию образовательных услуг. Современные университеты рассматриваются не как учреждения по воспитанию нового человека, «не как институт по возделыванию человека», а как структура, в которой человек учится быть социально-экономическим существом. Такая позиция подвергается существенной критике в университетском сообществе [4]. Следует помнить: без осмысления роли университетов как центров формирования фундаментальных знаний, невозможно достичь существенных прорывов в производстве новых технологий и, следовательно, обеспечить качественный скачок в развитии общества в целом.

Таким образом, приходится констатировать, что в такой ситуации университеты утрачивают прежние позиции интеллектуальных и культурных центров и превращаются в «предприятия» по оказанию образовательных услуг [8]. Ориентация на западные стандарты, коммерциализация образования вызывают острую полемику внутри педагогического сообщества. Постоянная смена образовательных стандартов, непрерывная корректировка учебных программ делают систему образования неустойчивой, а учебный процесс – нестабильным, что не может не сказываться на его базовых характеристиках.

Следующий важный момент, на который необходимо обратить внимание, относится к ценностным аспектам высшего образования. Сегодня, в условиях активизации формирования цифрового общества, следует определиться с тем, на какие аксиологические основания будет опираться образование уже в самом ближайшем будущем? Кризис классического университетского образования, все более нарастающая спецификация образования и тенденция к «компетентностной узкопрофильности» – все это актуализирует вопрос о том, не исчезает ли ценностный компонент из образования в целом?

Бесспорно, получение необходимых компетенций можно рассматривать в качестве ценности, но насколько данный подход соответствует пониманию образования как интеллектуальной и духовной основы

культуры? Другими словами, какое место в образовательном пространстве отводится ретрансляции ценностей, если основная функция университета состоит в передаче профессиональных знаний и компетенций? Не секрет, что в некоторых случаях разработчики учебных программ для технических инженерных специальностей отказываются от «лишних» гуманитарных дисциплин, минимизируют их, мотивируя это тем, что они не направлены на формирование необходимых компетенций.

Выбор подобных моделей образования, в основании которых находится не продуцирование новаторских идей, а образовательные услуги, лишает университеты статуса «культуротворящих центров». Будущим специалистам стараются вложить готовое знание и ориентируют на получение навыков в практической деятельности, нацеленной на разработку проектов, успешных с финансовой точки зрения. Все это ставит под сомнение самоценность и самодостаточность университетов. А между тем классическое университетское образование устремлено в будущее, и как учреждение, фокусирующее интеллектуальный потенциал, способно определять стратегические направления социального развития.

В условиях новых вызовов серьезным испытаниям подвергаются гуманитарные аспекты университетского профессионального образования. Непоследовательность ряда реформ и неподготовленность высшего образования отвечать новым вызовам и оперативно решать возникающие проблемы можно рассматривать как неготовность высшей школы к модернизации в целом. Совершенно очевидно, что сегодня время «узких» профессионалов-технократов постепенно уходит, уступая место специалистам нового формата с критическим мышлением и высоким уровнем общекультурных компетенций.

В этом контексте усиление гуманитарной составляющей в университетском образовании, в том числе и в технических университетах, становится первостепенной задачей на сегодняшний день. В современных условиях качество подготовки научных кадров резко актуализируется: «Современная модель образования должна предполагать обязательные гуманитарные курсы, в том числе и философские, для формирования творчески и критически мыслящих личностей, способных ответить на вызовы современности» [9, с. 28].

Не требует доказательств тот факт, что в условиях доминирования современных технологий важным инструментом для качественной

подготовки специалистов высшей квалификации становится гуманитарное знание. В ситуации резкого усиления динамики социально-культурных трансформаций проблемы гуманитарных аспектов университетского образования приобретают особое смысловое значение. Однако на данный момент процессы формирования общекультурных компетенций сопряжены с множеством трудностей, одна из которых состоит в том, что сегмент гуманитарных дисциплин в целом неуклонно сокращается [10].

Особо отметим, что, несмотря на усиливающуюся потребность в специалистах широкого профиля, с критическим мышлением и высоким общекультурным уровнем, технические университеты продолжают тенденцию «однобокого» образования и подготовку профессионалов только в рамках базовых технических направлений. Современное гуманитарное образование остается оторванным от технического и по сей день.

В завершение подчеркнем, что вопросы университетского образования, его качественных трансформаций и их последствий до конца не исследованы. Каким будет университет будущего и в каких формах он будет развиваться: в гумбольдтовских традициях или смешанных – зависит от культурно-исторических контекстов. Неизменной должна быть его основная роль – центра научной и культурной жизни общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красинская А. Ф. Модернизация, оптимизация, бюрократизация. Что ожидает высшую школу завтра? / А.Ф. Красинская // Высшее образование в России, 2016. – № 3. – С. 73–81.
2. Ольшанникова Н. А. Контент-анализ миссий современных университетов / Н. А. Ольшанникова // Идеи и идеалы, 2018. – № 2(36). – С. 100–112.
3. Агацци Э. Идея общества основанного на знаниях / Э. Агацци // Вопросы философии, 2012. – № 10. – С. 3–19.
4. Ридингс Б. Университеты в руинах / Б. Ридингс. – Москва : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. – 304 с.
5. Сапунова А. А. На пути к наблюдателю технической реальности / А. А. Сапунова // Идеи и идеалы, 2016. – № 3(29). Т.2. – С. 45–55.
6. Щелкунов М. Д. Университеты перед лицом глобальных вызовов: российский путь / М. Д. Щелкунов // Поиск. Альтернативы. Выбор, 2016. – № 3. – С. 48–54.

7. *Пружинин Б. И.* Культурные смыслы образования и медиамир / Б. И. Пружинин, Т. Г. Шелкунова // Вопросы философии, 2020. – № 5. – С. 98–102.

8. *Щелкунов М. Д.* Проблемы российских образовательных реформ / М. Д. Щелкунов // Вопросы философии, 2018. – № 6. – С. 19–33.

9. *Кирабаев Н. С.* Воспитание гражданина: о преподавании философии в высших учебных заведениях России / Н. С. Кирабаев // Вопросы философии, 2018. – № 6. – С. 19–33.

10. *Данилкова М. П.* Проблемы гуманитарного образования в условиях новых вызовов / Данилкова М. П. // Вестник ОмГУ. Гуманитарные исследования, 2021. – № 2(31). – С. 158–163.

О СУТИ ХРИСТИАНСКОЙ ЛЮБВИ

Аннотация. Данная статья посвящена пониманию любви в восточном христианстве. В статье выявляются ключевые смыслы христианской любви, раскрывается ее онтологическая суть, формулируются основные установки межличностного общения на основе заповеди любви.

Ключевые слова и словосочетания: любовь, Бог, человек, православие, святоотеческое наследие.

Одним из ключевых смыслов христианства является принципиальный отказ от насилия в пользу любви. Согласно святому апостолу Иоанну Богослову «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4:16). Иными словами, Бог не просто проявляется в любви, любовь есть суть, природа Бога. Эта идея наиболее отчетливо звучит в православии, где Боговоплощение и крестные муки Христа воспринимаются прежде всего как олицетворение всеобъемлющей любви: «...ради любви к нам уничтожил себя сам, приняв образ раба... и весь ради нас, от нас и через нас настолько стал человеком, что, наверное, и Богом его не считали» [1, с. 148]. В католицизме же догмат о Боговоплощении расценивается исключительно с юридических позиций: приход Христа как прощение человеческих грехов, взявших их на себя.

Смертью на кресте во имя любви, несмотря на непонимание и ненависть, – писал яркий представитель восточно-христианской традиции М. Исповедник, – Христос ясно указал людям истинный путь – путь любви, завещая любовь в качестве главной заповеди [1, с. 77, 151]. Преподобный Максим Исповедник называл любовь «противницей себялюбия». И действительно, именно эгоизм замыкает человека в узкие рамки индивидуальности, обособляет его от остального мира. В любви же человек переносит центр тяжести на предмет любви, усматривая в другом такое же абсолютно-ценностное начало, как и он, т. е. воспринимает другого, по словам П. Флоренского, не как не «я», а как другое «я», т. е. ты. Но в этом-то «обнищании» или «истощании я», в этом «опустошении или кенозисе», – замечал П.Флоренский, – происходит обратное восстановление «я» в свойственной ему норме бытия» [4, с. 59].

Таким образом, человек, включая свое «я» в «я» другого человека, выходит из узких рамок своей самости, сосредоточенности только на себе, тем самым подрывая «мать всех зол» – себялюбие. А это, в свою очередь, влечет за собой искоренение таких пороков как гордыня, тщеславие, зависть, ярость, гнев, лицемерие, злоба, жадность – то, «чем разделяется единый человек» [1, с. 149]. Именно любовь преобразует человека, благодаря силе любви человек, по словам М. Исповедника, «добровольно освобождает себя от самого себя...» [Там же] и значит собирает себя в единую простоту и тождество. Человек, отдавая себя другому, сливаясь с ним, ничего не теряет, а напротив, приобретает, так как вбирая в себя другое «я», он восполняет себя, делается более целостным, а следовательно, личностным.

Любовь возвышает человека над его узким мирком и приобщает к Вечности, человек как бы приобретает внутреннее зрение, начинает видеть то, что раньше не замечал в силу своей абсолютной сосредоточенности на самом себе. Именно любовь является той дверью, которая открывает путь к Богу. При этом следует подчеркнуть, что любовь к Богу и ближнему в православии не разделяется. Это очень хорошо сумел выразить авва Дорофей, символически представив мир в виде круга, в центре которого – Бог, а из центра исходят лучи, изображающие жизненные пути людей. Согласно этому изображению, чем ближе люди находятся к центру, т. е. Богу, тем больше они сближаются друг с другом, так как лучи у центра смыкаются. И наоборот, чем дальше они удаляются от центра, т. е. от Бога, тем более они удаляются друг от друга (лучи расходятся). «Сколько приближаемся к Богу любовью к Нему, столько соединяемся любовью и с ближними, и сколько соединяемся с ближними, столько соединяемся с Богом». [2, с. 198].

А потому человеколюбие, сочувствие, сострадание, доброта, смирение, кротость, миролюбие по отношению к ближнему являются прямым руководством к действию для человека, избравшего путь к Богу. Преподобный Максим Исповедник постоянно указывал, что подобное отношение относится ко всем, что заповедь любви распространяется на всех людей без изъятия: своих и чужих, верующих и неверующих, рабов и свободных, мужчин и женщин [1, с. 86, 108, 111]. Иными словами, любовь к Богу несовместима с ненавистью или равнодушием к другому человеку, ибо любовь есть «всецелая внутренняя связь, соединяющая людей друг с другом» [1, с. 150]. Ненависть же, сея раздор и ссоры, разделяет людей не только друг с другом, но также с Богом.

Итак, заповедь любви распространяется на всех, включая врагов и закоренелых преступников. Не будем забывать, что христианство учит любить своих врагов. Ведь человек создан по образу и подобию Бога, а потому представляет собой абсолютную ценность. Следовательно, единственной установкой по отношению к другому может быть только следующая: «всех принимать как образ Божий» [2, с. 187] и думать, что «в каждом из них пребывает Христос» согласно свято-отеческой традиции [2, с. 197]. Таким образом святые отцы учили фокусировать внимание на общем и неизменном – общей духовной природе людей, игнорируя преходящее и изменчивое – индивидуальные качества и характеристики людей, их стиль поведения и образ жизни.

Ибо дурное начало в человеке, проявление в нем пороков или девиантное поведение рассматриваются как искажение, умаление образа Бога, но не его отсутствие, вызванное болезнью души, а следовательно, оно может быть искоренено путем развития и взращивания в себе доброго. И поэтому к такому человеку следует относиться как к больному, т. е. с сочувствием, состраданием, желая ему выздоровления, а не отвергая его: «не брата, а страсти ненавидь, борющиеся его», – поучал Симеон Новый Богослов [Там же].

Но в наибольшей степени, на наш взгляд, любовь как жизненная позиция проявляется в неравноценности своих и чужих прав и безусловном приоритете для христианина чужих прав над своими. Ф. Затворник писал: «Для сердца самолюбивого наши права на других ценнее, нежели права других на нас. Но христианам не следует так делать, по слову Господа им должно забывать свои права. Напротив, к правам других должно питать полное уважение и благоговение» [3, с. 98].

Казалось, эта позиция расходится с заповедью «люби ближнего как самого себя», но лишь на первый взгляд. В этой установке – не просто безусловное уважение и признание достоинства в каждом, но трепетное, «благоговейное» отношение к другому. Иными словами, личность другого человека должна быть некой заповедной зоной, за границы которой нельзя переступать: это – запрет на воздействие извне, запрет на насилие над личностью, ибо ее рост происходит внутри самого человека путем самоизменения. Подобный взгляд формирует представление о человеке как цели, но не средстве.

Любовь в православной трактовке есть явление не психологического, а онтологического порядка. Именно любовь составляет нерасторжимое единство Лиц Божественной Троицы, ибо истинное единение

возможно только в любви, оно не может быть результатом необходимости. Поэтому между лицами Божественной Троицы и нет противоречий и разногласий, они действуют как единая общая воля, взаимно отдаваясь друг другу «так, что жизнь одного становится жизнью другого. Таким образом, бытие Бога осуществляется как событие, как любовь, в которой собственное существование личности отождествляется с самоотдачей» [5, с. 73]. Любовь есть образ Божественного бытия и, следовательно, – норма для бытия тварного, которое оживотворяется силой этой любви. Греческий богослов и философ Х. Яннарас назвал Троицу тринитарной моделью жизни вообще [Там же].

Подобный принцип утверждает единство всего человечества в Боге, соединенное узами любви. Все территориальные, национальные, конфессиональные границы покрываются этой всеобщей, преодолевающей все земные различия связью всех в Боге. Исторической заслугой христианства является то, что оно устраняет архаическое деление на своих и чужих, ибо то, чем люди отличаются друг от друга, отходит на второй план, не является существенным перед тем, что связывает и объединяет их по-настоящему, т. е. любовь.

Именно любовь освобождает от страха, лежащего в основе ксенофобии, агрессии и насилия, ибо она позволяет увидеть связь всех со всеми, принять этот мир во всем его разнообразии, ибо нельзя враждовать с тем, чьим продолжением являешься ты сам: «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх...» (1 Ин. 4:18).

ЛИТЕРАТУРА

1. Максим Исповедник. Творения преподобного Максима Исповедника. Богословские и аскетические трактаты. Кн. 1. – Москва : Мартис, 1993. – 354 с.
2. Монашеское делание. Сборник поучений святых отцов и подвижников благочестия / сост. священник В. Емеличев. – Москва : Свято-Данилов монастырь, СП «Квадрат», 1991. – 208 с.
3. Феофан Затворник, святитель. Начертания христианского нравоучения в 2 т. – Т. 2. – Москва : Изд-во Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и изд-ва «Паломник», 1994.
4. *Флоренский П.* Столп и утверждение истины / П. Флоренский. – Т. 1(1). – Москва : Правда, 1990. – 496 с.
5. *Яннарас Х.* Вера церкви. Введение в православное богословие / Х. Яннарас. – Москва : Центр по изучению религий, 1992. – 232 с.

ВЗГЛЯД НА ФИЛОСОФСКУЮ И КУЛЬТУРНУЮ ПАРАДИГМУ В ПОНИМАНИИ ЖЕНСКОГО ОБРАЗА В ИСКУССТВЕ РУБЕЖА XIX – XX ВЕКОВ

Аннотация. Серебряный век в русской культуре – удивительный период, сочетающий в своей эстетике декаданс и ренессанс. Эта уникальная ситуация достаточно убедительно отразилась на характере понимания образа женщины в культуре. Поэтому переосмысление образа женщин и их традиционной роли в обществе стало одной из выразительных и значимых особенностей искусства рубежа XIX – XX вв. Создание новой философско-эстетической основы творчества способствует обращению писателей и художников к индивидуальным особенностям своих персонажей, стремлению проанализировать и постичь их психологию, глубины сознания, структуру подсознания. Мир искусства активно взаимодействует с философской антропологией и психологическим анализом, которые невероятно расширяют культурную парадигму женского образа в обществе и искусстве. Возникает мобильный образ женщины-деятели новой культуры. И одновременно создаются новейшие женские образы в изобразительном искусстве, литературном и театральном творчестве.

Ключевые слова и словосочетания: Серебряный век, культура рубежа XIX – XX веков, система ценностей, философско-эстетическая основа творчества, женский образ, эстетика, моделирование, парадигма.

Серебряный век стал в русской культуре удивительным периодом, сочетающим в своей эстетике два чрезвычайно отличных друг от друга понятия – декаданс и ренессанс. Отход от многих традиционных основ классической культуры и литературы, ломка устоявшейся ценностной системы и поиск ценностей новых заставляют художников и философов рубежа XIX–XX веков по-иному оценить образ женщины в искусстве и в жизни, иначе, чем в XIX столетии, понимать женскую красоту.

Интерес философии Серебряного века к вопросу восприятия женщины в обществе, культуре, к пониманию эстетики женственности во многом связан с меняющейся исторической ситуацией в стране, с эпохой подъема женского движения в России. Этот процесс затрагивает не только сферу искусства, он активно проявляется в экономических, правовых, исторических и психологических аспектах.

Стремление культурного сообщества создать новую философско-эстетическую основу творчества, отойти от тем, проблем и образов, которые утвердились в реалистической литературе, от понятия «типический герой», «средний представитель своего класса» способствует тому, что писатели этого периода обращаются более всего к индивидуальным особенностям своих персонажей, стараясь проанализировать и постичь их психологию, глубины сознания, структуру подсознания. Мир искусства активно взаимодействует с философской антропологией и психологическим анализом, которые открывают невероятное творческое пространство для художника.

Эта уникальная ситуация достаточно убедительно отразилась на характере понимания образа женщины в культуре. Поэтому переосмысление образа женщин и их традиционной роли в обществе стало одной из выразительных и значимых особенностей искусства конца XIX и начала XX веков. Актуализация женского вопроса стала настоящим признаком «духа времени», проявлением либерализации и гуманизации национальной культуры. Уже сами принципы модернизма как мировоззренческой системы давали женщине больше прав и возможностей для культурного развития, для участия в создании искусства. Они меняли моральную, этическую и эстетическую специфику понимания женщины в обществе и восприятие женщиной самой себя. Поэтому, возможно, следует говорить не столько об отдельных явлениях и персоналиях, а о рождении женского дискурса, который интегрировал определенные культурные феномены и типы мировоззрения, популярны в конце XIX и в начале XX веков.

Один из крупнейших русских философов рубежа XIX и XX вв. Н.А. Бердяев отмечал, что процессы эмансипации мобилизовали женскую активность на поле культуры и материализовались в ряде произведений литературы и искусства [2, с. 72].

Здесь необходимо подчеркнуть, что философия и эстетика образа женщины реализуется не только в контексте произведений искусства, на первый план выходят женщины-личности, женщины-творцы, чьи реальные судьбы становятся жизнетворчеством. Зинаида Гиппиус – один из идеологов русского символизма, поэт, прозаик, драматург, критик, чей союз с Д. Мережковским во многом определил развитие культуры Серебряного века. Мирра Лохвицкая – без ее имени трудно представить себе «женскую» поэзию XX века. Тэффи (Надежда Лохвицкая) – юмор и сатира ее произведений перерастают свой комиче-

ский пафос и переходят в категорию философского постижения бытия. Черубина де Габриак (Елизавета Дмитриева), создавшая удивительную биографию-судьбу-мистификацию. Анна Ахматова – «златоустая Анна Всея Руси» (М. Цветаева), одно из главных имен русской поэзии, чье творчество отразило многие голоса, лица и судьбы женщин России. Марина Цветаева, открывшая всем свою жизнь как поэтический дневник. Зинаида Серебрякова – одна из первых женщин-художниц, не только вошедших в историю русского искусства, но и значительно повлиявших на его дальнейшее развитие; удивительно органично сочетавшая в своем творчестве мощь реалистической живописи и утонченную изысканность модерна. Наталья Гончарова – художник авангарда, синтезировавшая новейшие формы искусства; живописец, график, иллюстратор, театральный сценограф. Анна Павлова – прима-балерина Мариинского театра на рубеже двух столетий, одна из величайших фигур мирового балета, сочетавшая отточенную классику танца с необыкновенной импровизацией. Тамара Карсавина – солистка Мариинского театра, блиставшая в «Русских сезонах» в Париже. Ида Рубинштейн – танцовщица и актриса, женщина-миф, сломавшая стереотипное понимание женской красоты и сценического действия. Надежда Ламанова – модельер, создавшая русскую школу искусства костюма, понявшая запросы новой среды на образ женщины, отраженный в дизайне костюма.

Мы можем проследить две особенности формирующегося вопроса о влиянии философии эпохи на восприятие женского образа. Возникает мобильный образ женщины-деятели новой культуры. И одновременно создаются новейшие женские образы в изобразительном искусстве, литературном и театральном творчестве.

Женщина отваживается не только говорить о себе, но и выразить в слове сложные и тонкие ощущения. Если в традиционном обществе женщины скрывают от посторонних свой частный опыт, свой внутренний мир, пытаясь вписаться в границы уже созданного образца поведения, то женщина эпохи модернизма ломает структуру этих границ. Появляется новый тип женщины-героя произведения: она противопоставляет свою активную позицию не только мужскому патриархальному обществу, но и традиционной женской пассивности. Конечно, без этой фигуры было бы невозможно говорить о модернизме вообще. Точкой отсчета здесь становится отказ от традиционной роли: ее абсолютным выражением является обычная мораль, приписывает женщине функцию матери-хранительницы, верной жены и никак иначе.

Интересно наблюдать, как меняется на рубеже веков сам образ женщины в культуре. Речь идет о том образе, который создают, как правило, мужчины, однако сама его изменчивость изменяет влияние новейших идей и практик. Проблема женского идеала, соотношение мужского и женского занимает важное место в философской мысли русского Серебряного века, в частности в трудах Вячеслава Иванова, Николая Бердяева, Сергея Булгакова, Павла Флоренского. Эти мыслители стремились по-своему синтезировать тогдашнее состояние знания о природе женского, о женском факторе в культуре. С одной стороны, они внимательно отслеживали с этой целью культурную традицию, анализировали классические произведения искусства. Но, с другой, живо интересовались современными процессами, отдавали должное эмансипации и изменению гендерных ролей в общественной жизни. Русские философы размышляют о мужском и женском началах как о двух универсальных факторах бытия, которые глубоко характеризуют основы мира и должны определять полярность нашего существования. Одно не должно и не может заменить другое. В. Соловьев сформулировал это следующим образом, выражая суть символистской религиозной антропологии: «Подлинным субъектом любви должен быть другой, причем он должен во всем от нас быть отличным, чтобы “быть действительно другим”» [6, с. 228]. Эту философию мы прочувствуем в поэтических образах символистов Александра Блока, Андрея Белого, будет звучать она и в акмеистических произведениях Николая Гумилева.

С. Булгаков пишет о двух измерениях человеческого бытия: метафизического и эмпирического, двух порядков существования человека – извечного, вневременного и земного, после грехопадения, которое одновременно «имеет полноту» и является «половинчатым» [3, с. 208]. Именно в земном существовании, по мнению С. Булгакова, мужское и женское приобретают значение «половых модусов существования человека». В измерении метафизическом, вне грехопадения, в задуманном Богом образе человека мужское и женское само по себе, как Адам и Ева, однако это не является обозначением пола. В начальном смысле телесное значение пола отсутствует, считает философ. Адам и Ева объединяются на других началах, чувствуя духовную общность. С. Булгаков избегает элементарности популярных представлений, о которой предостерегал ранее В. Соловьев. То есть он не объясняет утверждение об активности мужчины и пассивности женщины в их связи. Стоит, однако, заметить, что мыслитель до определенной степени

отдает дань господствующим в тогдашней культуре представлениям, общепринятым схемам мышления, когда он однозначно связывает мужское начало с «приматом разума и воли над чувством», а в женском видит «примат чувства, переживания над разумом и волей» [3, с. 212].

Эти особенности проявлены в аксиологическом диапазоне. «Человек – истина в красоте, женское – красота в истине: истина и красота, неразделимы и единосущны, но вместе они и разделены как два образа единого начала, откровения единого Отца рождает Сына и приводит Духа Святого. Эти образы принадлежат к полноте образа Божия в человеке» [3, с. 212].

Вопрос симбиоза полов также становится важным вопросом в исследовании теологической антропологии С. Булгакова. Это размышления о природе человеческой двойственности, что проявляется в наличии «двух духовных возможностей в человеке, из которых каждая в отдельности полностью ее не выражает» [3, с. 149]. Мужское и женское рассматриваются как «половинчатые, неполные сущности», которые «могут раскрыть себя во взаимном дополнении» [3, с. 218]. «Такая дихотомия присутствует в самом существовании человека», утверждает С. Булгаков [3, с. 218]. Далее он развивает эту мысль: «человек не только мужское или только женское начало, но он содержит в себе и то, и другое, причем не как пол, то есть половинчатость и неполноту, а именно как полноту своего бытия» [3, с. 218].

Иначе говоря, принцип полноты выражается не в одном, но в наличии двух начал. Эта основа двойственности, своеобразной андрогинности, относится как к небесному, так и к земному измерению бытия человека: и там, и там мужское и женское должны сочетаться, стремясь к идеалу. Однако на небе (в метафизическом плане) такая полнота дана человеку, а на земле она только задана. На земле ее еще нужно осуществить. В процессе ее создания должны принимать участие как Адам, так и Ева, проявляя и совершенствуя свои духовные возможности и начальные склонности. В приведенном философском постулате легко узнать мотивации популярной в ту пору, на заре модернизма, идеи антрогинности. В нем видим также разделение двух образов женщины – небесного и земного, а затем двух проявлений женственности – идеального и реального. Тем самым ставится вопрос о природе женщины, о сущности и тайне женского, ведь представление об этой тайне становится общим местом размышлений о женщине в философии и искусстве. Именно в этом аспекте чаще брала слово литература,

особенно поэзия, поэтическая интуиция. В работах русских философов Серебряного века нередко встречается определенный схематизм в осмыслении оппозиции мужского и женского, которые ассоциируются с активным и пассивным началами человеческой природы. Это напоминает нам о весе культурных стереотипов представлений о женщине, прочно укорененных в системы мышления XIX века. «Патриархальное сознание утверждает, что женщина не может творить, ей недоступна трансцендентность и активность (и потому творческая судьба выдающихся женщин-художников всегда невероятно сложная), но она вдохновляет создателя, в своей пассивном внешнем совершенстве служит напоминанием о тайном, неподвластном рациональному познанию. И в роли покорной женщины, домохозяйки, и в качестве Прекрасной Дамы (в последнем случае, может, больше) она лишь данность, идол, иногда объект поклонения, но полностью лишена активности, способности к самоутверждению» [1, с. 132].

Несмотря на это, стоит отметить, с другой стороны, выразительность самой схемы, которая позволяет оценить ее составляющие во взаимной оппозиции. При герменевтическом прочтении приведенных рассуждений можно увидеть в них скрытый смысл, просвечивающий сквозь внешнее восприятие. На глубинном, более высоком уровне прочтения так называемая женская пассивность оборачивается своей внутренней стороной и прочитывается как духовная способность принять и вместить другую энергию, как открытость на другое/другого, как участие (сочувствие, соучастие) в нем. Тем самым женское сочувствие, готовность принять новую данность становится этической предпосылкой утверждения другой сущности, иных ценностей. Вместе с тем эти качества являются фундаментальной характеристикой женской субъектности, женского как такового. В такой экстремальной форме женское предстает как готовность и смирение личного участия в общей ответственности. Речь идет о такой ответственности за другого, литературным образцом которой в русской и мировой словесности стала Соня Мармеладова из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Пример этот оправдан и даже показателен, поскольку, несмотря на принадлежность к иному времени, Достоевский воспринимался писателями и философами рубежа XIX–XX вв. как «живой соучастник» эпохи. Не случайно эта героиня, точнее сказать, сцена встречи Сони с Раскольниковым, так вдохновляла философа Э. Левинаса, который находил в ней, как и в романах Достоевского вообще,

«пре-философский опыт», существенный для осмысления другой категории [4, с. 216]. Для Левинаса пример, взятый из Достоевского, своего рода свидетельство правды о тайне женского начала и прозрение того, что желание другого противостоит бытию для себя.

Возможно, это та самая «красота в истине», которую отмечал С. Булгаков как дефиницию женской сущности [3, с. 132]. Формула Булгакова знаменательная и существенная еще и потому, что она обнаруживает и позволяет осознать глубинную связь между культом женственности («вечной женственности») и культом красоты (панестетизм) в литературе раннего модернизма, в частности ориентированной на символизм. Тем самым она указывает на важность эстетического опыта в жизни человека, а также особенность эстетического восприятия женского.

Определяя функцию женщины, писатели и публицисты того времени отличали несколько ведущих признаков, которые должны стать ее основой. Они предлагали три направления самореализации женщины. Суть первого состояла в индивидуальном самосовершенствовании, развитии духовных сил, знаний, в смелой борьбе за настоящую красоту жизни, за великое и прочное человеческое счастье. Такой идеал, рожденный еще французским Просвещением, развитый в период романтизма, приобрел новые оттенки смысла в обстоятельствах нового периода. Второй путь женщины постулировал ее роль как рядового рабочего и борца за общественный прогресс. Она становится представителем огромной человеческой массы, которая требует интеллигентных рабочих. Это путь образованных женщин, которые проникнуты судьбой народа и от которых народ ждет помощи в процессе своего культурно-образовательного развития. Третий вид деятельности становится доступен женской натуре в условиях ее активной личной эмансипации. Женщина в этом случае становится служительницей культа искусства. Ее цель – быть связью между земным и неземным, быть свидетелем перед небом – человеческого горя, перед человечеством – неземного высокого идеала. Этот род деятельности появился в связи с модернистским служением чистоте. В проявлении своей общественной активности, следовательно, женщина имеет небольшой выбор. Она может стать поклонницей женского движения и может стремиться «быть себе целью», создавая свою жизнь так, чтобы она могла служить образцом для подражания другим женщинам. Или же должна «идти в народ», принося в жертву собственные амбиции, силу

и разум темной и невежественной массе, которая, кстати, порой враждебно относится к своим учителям. Также женщина сама может стать творцом прекрасного, т. е. служить искусству или быть музой для других – художников, поэтов, музыкантов. На рубеже веков уже существовали эти три типа новых женщин – общественные деятельницы-феминистки, учительницы, писательницы, художницы. Они присутствовали как в реальной жизни, так и в литературных произведениях – как образ женщины или женский идеал. Однако если типы «интеллигентных тружениц», хотя редко, все же случались в литературе реализма, то третий тип является абсолютно новым. В рамках эпохи рубежа веков были попытки найти экзистенциальное выражение женского начала. При этом женское символизирует не только красоту и обаяние (в ее амбивалентном варианте, в котором соблазнение красотой выступает в искусстве), но неразгаданную тайну, скрывает женское призвание способствовать процессу мужской духовной инициации, а также индивидуализации. Речь идет о таком назначении, которое свидетельствует об активной роли женщины в отношении мужа, его духовного становления. Ведь женщина творит мужчину не только самим актом физического рождения, она побуждает рождение в нем духовной энергии, духовной сущности. Женская самопрезентация в культуре на рубеже XIX и XX веков, однако, в значительной мере обусловлена стереотипами, которые довлеют над обществом [5].

Именно поэтому женщина с трудом утверждает свою роль в искусстве, а женская активность вообще наталкивается на большое сопротивление. Все это обуславливает в основном драматический или трагический характер, который приобретают образы новых женщин в литературе. Ощущение культурного разрыва вызывает попытки утверждения типа новой женщины, активного творца эстетических ценностей. Отсюда – утопический характер моделирования женских образов, признаки которого можно наблюдать как в философской мысли, так и в литературном творчестве, в изобразительном искусстве, в балете, в драматургии этой драматической эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айвазова С. Г.* Женщина в обществе: мифы и реалии / С. Г. Айвазова. – Москва : Информация XXI века, 2000.

2. *Бердяев Н. А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н. А. Бердяев. – Москва : Наука, 1990.
3. *Булгаков С. Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков. – Москва : Республика, 1994.
4. *Левинас Э.* Избранное. Тотальность и бесконечность / Э. Левинас. – Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2000.
5. *Мижув П. Г.* Женский вопрос и женское движение / П. Г. Мижув // Мужские ответы на женский вопрос в России (вторая половина XIX – первая треть XX вв.). Антология; сост. и общ. ред. В. Успенская. Тверь : Феминист-Пресс, 2005. – С. 243 – 293.
6. *Соловьев В.* Чтения о богочеловечестве; Краткая повесть об Антихристе / В. Соловьев. – Санкт-Петербург : Художественная литература, 1994.

СООБЩЕСТВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ТЕХНОАГЕНТОВ: ЧЕРЕЗ ИНТЕРАКЦИИ К АНТРОПОМОРФНОСТИ

Взаимодействуя между собой, устройства с искусственным интеллектом приобретают антропоморфные черты.

Аннотация. Анализируется процесс формирования антропоморфных характеристик у устройств с искусственным интеллектом. Развитие робототехники рассматривается через призму проверки эффективности создаваемых человекоподобных функций. Описаны требования, предъявляемые к конструкции робота как агента социальных отношений. Выделены характеристики искусственного интеллекта как технического агента социальных отношений.

Ключевые слова и словосочетания: искусственный интеллект, робот, антропоморфность, технический агент, сообщества техноагентов.

Введение. Технологии становятся умнее своих создателей, что, возможно, позволяет технологиям все более управлять человеком. Причем эта смена власти происходит добровольно, скорее всего, это не захват, а передача человеком своих полномочий искусственному интеллекту (ИИ). Об этом говорят и сами его разработчики. «Передача власти машинам, как ее описывают некоторые ученые, практически неотличима от того, что мы с вами наблюдаем сейчас, – она будет постепенной, безболезненной и даже веселой», – отмечает Дж. Баррат [1, с. 64].

Развитие технических устройств с функциями, близкими человеческим, пошло по направлению, изначально связанному с антропоморфизацией машины, направлению, ставшему научной и производственной отраслями. «Робот» как идея, мечта и проект появляется на достаточно высокой ступени индустриального общества и связана с поиском решения технологических и социальных проблем. Это проблемы возможности дальнейшей совместимости машины и человека в производстве и в социальной жизни вообще. Будет ли это мирным сосуществованием, или же перерастет в конфликтный – процесс с непредсказуемым исходом.

Обсуждение. Попытка предсказать ход событий была предпринята на уровне социально-фантастического прогнозирования. Появление

слова «робот» относится к 1920 году. Писатель К. Чапек употребил его в фантастической пьесе «Rossumovi univerzální roboti». В этой пьесе робот – искусственно созданный человек, чей труд использовался на тяжелых и опасных производствах взамен человеческого труда [6]. Исходная идея: работа необходимо отличать от простых технологий и автоматов. Это техническое устройство обладает способностью к взаимодействию с пользователем и внешней средой. Простой механизм при выполнении действия лишь следует заранее заложенному в нем алгоритму, а робот способен воспринимать подаваемые ему извне сигналы и адаптировать действия под него. Его взаимодействие с пользователем и окружающей средой становится более гибким, точным и универсальным.

Создатель первого робота – американский инженер Р. Уэнсли. Разработанный им в 1928 году робот «Герберт Телевокс» представлял собой человекоподобную машину, способную открывать двери и окна, отключать духовку, электродвигатели и т. д. Значительным отличием «Герберта Тевлокса» от автоматов являлось умение отвечать и реагировать на команды, подаваемые ему пользователем. Робот был не подключен к линии напрямую – он, подобно человеку, с помощью встроенного микрофона слушал указания и реагировал на них. Робот получил возможность слышать команды и подчиняться им. Да, он был не такой совершенный, как человек, не обладал многозадачностью, но мог выполнять определенные команды. В этом же году Макото Нисимура создал первого действующего робота в Японии. Этот управляемый по проводам антропоморфный механизм мог по командам выполнять различные манипуляции подобием «рук», например, писать. Также робот мог отвечать на некоторые вопросы и даже шутить.

Это были роботы для демонстрационных целей, не имеющие в большинстве своем практических навыков. Позже стали создавать роботов-помощников для определенных трудовых задач. Так, в 1948 году был создан первый промышленный робот для использования на атомном реакторе. Его особенностью было наличие обратной связи – оператор мог не только видеть его перемещение в рабочем пространстве, но и чувствовать силу, которую развивал захват манипулятора, что позволяло управлять механизмом более точно.

В настоящее время роботы используются практически во всех сферах деятельности человека. Совершенствование роботов идет по следующим направлениям: улучшение механизмов и приводов, совершенствование алгоритмов, внедрение самообучающихся систем, раз-

работка и внедрение новых интерфейсов «человек-компьютер». Достаточно рано был установлен факт, что люди не только взаимодействуют с роботами, но и подвержены эмоциональным реакциям по отношению к ним. Роботы способны манипулировать человеком, используя его эмоции. Это было, в частности, подтверждено исследованием немецких ученых из Университета Дуйсбурга-Эссена. Для эксперимента была использована роботизированная кошка, которую должны были поочередно отключать участники исследования. Когда кто-то собирался выключить машину, она неожиданно начинала просить его не делать этого. Участники эксперимента не знали, что «кошка» будет просить их не выключать ее, поэтому колебались в решении и испытывали сострадание к роботу [7]. Возможности робота все более приближаются к возможностям человека: он также может манипулировать эмоциями взаимодействующих с ним субъектов.

В процессе взаимодействия людей с роботами возникает нечто подобное социальным отношениям. Люди сочувствуют роботам, когда они ломаются, принимают их как коллег по работе, создают и применяют нормы общения с ними, встают на их защиту, подражают, проявляют вежливость, отдают предпочтение, ревнуют [2, с. 221]. Радикальное и катастрофическое последствие тотальной роботизации для статуса человека – это вытеснение человека роботами. Вероятно, оно произойдет, когда клонирование интеллекта и роботов с программным обеспечением по цене станет ниже расходов на найм работников и когда в организациях появится возможность реплицировать и масштабировать заключенный в информационных технологиях интеллект [2, с. 226–232]. Возможно в скором времени возникнет ситуация во взаимодействии машин и специалистов высокой квалификации, так как их могут вытеснить устройства. Многие профессии будут вытеснены техническими устройствами, а значит, людям придется переквалифицироваться, научиться новым видам деятельности, которые пока не подвластны машинам.

Робототехника и разработка ИИ – это неразрывно связанные технологии. Усиление антропоморфных характеристик робота связано с основной направленностью совершенствования ИИ как области компьютерной науки, которая занимается автоматизацией разумного поведения [4, с. 40]. В этом случае ИИ понимают как часть компьютерной науки, опирающейся на теоретические и прикладные принципы, сводимые к данным, используемым для представления знаний, алго-

ритмам применения этих знаний, а также языкам и методикам программирования, используемым при их реализации.

Однако, как отмечает Д. Люгер, данное определение имеет недостаток, поскольку не опирается на определение интеллекта. Проблема определения ИИ, по мнению автора, сводится к проблеме определения интеллекта в целом. В своей работе «Искусственный интеллект: его истоки и проблемы» он поставил ряд вопросов: «является ли он чем-то единым, или же этот термин объединяет набор разрозненных способностей? В какой мере интеллект можно создать, а в какой он существует априори? Что именно происходит при таком создании? Что такое творчество? Что такое интуиция? Можно ли судить о наличии интеллекта только по наблюдаемому поведению, или же требуется свидетельство наличия некоего скрытого механизма? Как представляются знания в нервных тканях живых существ, и как можно применить это в проектировании интеллектуальных устройств?» [4, с. 55]. От определения термина «интеллект» также зависит выявление наличия антропоморфных характеристик у технических устройств с ИИ.

Разработчики, создавая ИИ, создают его по подобию человека, улучшая в нем функции, схожие с поведением людей [3, с. 217]. Для того чтобы ИИ мог эффективно взаимодействовать с человеком, его действия должны быть до некоторой степени узнаваемыми и понимаемыми людьми. Это учитывают разработчики при создании технических устройств, что позволяет пользователям эффективно распознавать сигналы, подаваемые ИИ [2, с. 135]. Создатели ИИ не всегда преследуют цели замены человека в каких-либо областях, например, на рабочих местах. Так, Р. Брукс исходил из того, что разработанное им техническое устройство *Waxter* не будет заменять человека, а поможет ему, взяв на себя скучную и неинтересную работу, оставив людям пространство для творчества [5, с. 217]. Может ли ИИ стать подобным человеку как агенту сообщества себе подобных?

Д. Люгер отмечает, что агента можно определить как элемент сообщества, который в некоторых случаях может воспринимать свое окружения и давать обратную реакцию на действие окружающих его агентов, т.е. взаимодействовать с этой окружающей средой непосредственно или сотрудничая с другими агентами. Некоторые задачи требуют наличия множества агентов. Здесь в работу включаются:

– простые агенты-механизмы, которые могут собирать и передавать информацию;

- агенты-координаторы, обеспечивающие взаимодействие между агентами;
- агенты поиска, перебирающие информацию и возвращающие какие-то избранные частицы;
- обучающие агенты, формирующие обобщающие концепции, на основе полученной информации;
- агенты, принимающие решения. Они раздают задания, делают выводы на основе обработки и анализа ограниченной информации [4, с. 34].

В таком случае, опираясь на определение интеллекта и тот факт, что агенты в целом обладают интеллектом, можно сформулировать следующее определение: агенты – это механизмы, способные обеспечивать выработку решения в условиях ограниченных ресурсов, при условии взаимодействия между собой в данном сообществе. В этом проявляются их антропоморфные характеристики: наличие интеллекта и умение работать во взаимодействии с другими агентами.

Д. Люгер выделяет следующие характеристики ИИ как технического агента [4, с. 43].

Во-первых, агенты автономны или полуавтономны. Это означает, что у каждого агента есть определенный для него круг задач. Агент в данном случае имеет мало знаний (или вовсе не имеет знаний) о том, что делают остальные агенты или как они это делают. Каждый агент выполняет свою определенную задачу, выдает результат или сообщает результат другим агентам.

Во-вторых, агенты являются «внедренными» в определенную среду. Знание агента ограничено его текущими задачами, которыми он в данный момент занят. Это может быть обработка файла, анализ определенной задачи, кодирование информации и т. д. Такой агент выполняет свою задачу и не может знать, какую задачу сейчас выполняет другой агент.

В-третьих, агенты взаимодействуют между собой. Они формируют «коллектив», который объединяется для решения определенной задачи, поэтому их можно рассматривать как «сообщество». По аналогии с человеческим сообществом, знания, умения и обязанности в данном сообществе распределяются среди отдельных индивидуумов.

В-четвертых, сообщество таких агентов структурировано: каждый, работая с поставленной ему задачей, координирует общий ход решения с другими агентами. А окончательное решение можно рассматривать не только как коллективное, но и как кооперативное.

В-пятых, явление интеллекта в этой среде является «эмерджентным». Совместный результат всех агентов становится нечто большим, чем отдельные вклады в этот результат каждого агента. Интеллект в данном случае тоже следует рассматривать как явление, возникающее в сообществе агентов, а не только как свойство отдельного агента.

Последующие опыты проектирования все более совершенных роботов показали необходимость и возможность пойти путем создания социальных сообществ роботов, которые благодаря взаимной кооперации на основе принципов взаимодействия в человеческих сообществах, создают эффект синергии и в состоянии решать задачи, недоступные возможностям отдельных устройств [8].

Особый вид агентов, имеющих характеристики техносубъектов, возникает на основе синтеза гаджетов и ИИ. Опции обеспечивают интеллект этих устройств через подключение к программному обеспечению и к платформам баз данных. К ним добавляются «носимые технологии» – часы, браслеты, «умные» очки. Все это результат модификации технических устройств под запросы человека. Эти устройства дополняют современных людей, происходит слияние человека и устройства, что влечет за собой передачу части функций человека технике. Современные алгоритмы способны полностью заменить человека, изучая опыт его предшественников. Прогностическая информация, полученная из Больших Данных, начинает использоваться в качестве замены таких человеческих способностей, как опыт и способность суждений. Как субъекты ведут себя и программы. ИИ на основе программ получит возможности, превосходящие человеческий разум и уровень его активности.

У агента-техносубъекта можно обнаружить собственную мотивационную систему, представленную первичными побуждениями, аналогичными биологическим потребностям человека: эффективность, самосохранение, приобретение ресурсов, творчество. Это антропоморфные черты технических устройств. Возникают гибридные агенты активности. Техно- и антропоморфизация – два нераздельных процесса, две стороны, основанных на особом субстрате, синтеза человека и устройств с ИИ.

Заключение. До эпохи ИИ у машин с человеком был не синтез, а однонаправленный от человека к машине симбиоз. Первым свидетельством появления гибридов стало формирование антропоморфных

черт у устройств с ИИ. Функции машин с ИИ стали дублировать биологические функции человека, такие как запоминание информации и ориентация в пространстве. В будущем технические устройства с ИИ будут содержать в своей основе молекулы – нейрокомпьютеры, использующие центральную нервную систему человека и непосредственно его мозг. Первые шаги для этого уже сделаны. Человек дополняет себя функциями технического устройства, а устройство, в свою очередь, становится *человекосоразмерным*. Устройства с ИИ продолжают развиваться, становятся все более удобными и незаменимыми для человека: уменьшаются в размерах, объемах, становятся легче, гибче, что необходимо для того, чтобы человек мог взять гаджет с собой в любую точку пространства, тем самым становясь постоянно связанным с ним. Технологии, создаваемые по подобию человека, пытающиеся заменить его биологические функции и повторить человеческий мозг, уже сейчас в некоторых случаях становятся умнее и совершеннее человека. Также устройства с ИИ обладают способностью к самообучению, становясь еще более схожими с человеком.

Открылась способность устройств с ИИ *подчинять* себе человека, как это делают люди в отношении друг друга. Подстраиваясь под человека и становясь незаменимыми для него, технологии с ИИ могут диктовать людям собственные условия, как в случае, например, с сенсорным экраном смартфона, который подчинил себе руки людей. Технические устройства с ИИ учатся *говорить*. Они копируют способность коммуницировать с человеком, используя жесты, мимику и эмоции. Голосовые помощники могут вести с человеком диалог, отвечать на вопросы и на основе получаемых данных искать информацию. Устройства приобрели способность обрабатывать информацию, используя принцип нейросети *человеческого* мозга и действовать на ее основе. Роботы, как особые устройства с ИИ, обладают антропоморфной технологией получения, анализа информации и выполнения на ее основе действий. Они умеют слышать информацию, обрабатывать ее, отвечать на вопросы и даже шутить. Тем самым, копируя человеческое *поведение*, современные роботы могут *манипулировать* людьми и даже вызывать у них эмоции: жалость, сострадание и ревность. Все эти антропоморфные черты, конечно, созданы не самими машинами с ИИ, а человеком, но фактом остается превращение машин в человекоподобных агентов действий и взаимодействий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баррат Дж.* Последнее изобретение человечества: Искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens / Джеймс Баррат; пер. с англ. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2015. – 304 с.
2. *Джордан Д.* Роботы / Д. Джордан; пер. с англ. – Москва : Издательская группа «Точка», 2017. – 272 с.
3. *Йонк Р.* Сердце машины. Наше будущее в эру эмоционального искусственного интеллекта / Р. Йонк; пер. с англ. Э. Воронивич. – Москва : Эксмо, 2019. – 464 с.
4. *Люгер Д.* Искусственный интеллект: стратегии и методы решения сложных проблем / Д. Люгер; пер. с англ. – 4-е изд. – Москва : Издательский дом «Вильямс», 2003. – С. 27–55.
5. *Маркофф Д.* Homo roboticus? Люди и машины в поисках взаимопонимания / Д. Маркофф; пер. с англ. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2016. – 406 с.
6. Первые роботы и краткая история развития робототехники. – URL: <https://robo-sapiens.ru/stati/pervyie-robotyi-i-kratkaya-istoriya-razvitiya-robototehniki/>.
7. Роботы научились манипулировать эмоциями людей. – URL: geekometr.ru.
8. *Карнов В.Э., Карнова И.П., Кулинич А.А.* Социальные сообщества роботов. – Москва : ЛЕНАНД, 2019. – 352 с.

К ВОПРОСУ О РОССИЙСКОМ МЕНТАЛИТЕТЕ

В данной статье предпринимается попытка анализа такого сложного и дискуссионного понятия, как «российский менталитет». Не претендуя на бесспорность своих выводов, автор данной статьи предлагает свой анализ в качестве материала для дискуссии.

1. К определению понятий

Менталитет

В определении понятия «менталитет» автор данной статьи присоединяется к тем исследователям, которые считают, что менталитет – это способ мышления и деятельности людей. Термин «менталитет» ввел в научный оборот французский этнограф и психолог Л. Леви-Брюль, который считал, что у первобытных людей было особое, «дологическое мышление». Во французской исторической Школе «Анналов» термин «менталитет» стали рассматривать как коллективную характеристику всей нации. Слово «менталитет» латинского происхождения и переводится на русский язык как «душа», «дух» (*mentis*), склад ума, присущий конкретной нации или социальной группе. Все это не противоречит краткому определению менталитета как способа мышления и деятельности людей.

Деятельность

Понятие «деятельность» автор данной статьи рассматривает традиционно, как способ существования человека, как человеческий способ отношения к миру. Деятельность характеризует всю систему проявления сущностных сил человека. Субъект через свою деятельность воплощает свои ценности, жизненные смыслы. Деятельность рассматривается как целостность, большая чем сумма ее частей, предполагающая необходимость учета объективной диалектики части и целого, стихийного и сознательного.

Мышление

Как отмечает А.В. Иванов, «мышление – это важнейшая познавательная способность, благодаря которой человек получает знание о мире и о самом себе, а также планирует и осуществляет свою практическую деятельность. Это способность к познанию существенных

свойств и связей бытия, лежащих за пределами непосредственного чувственно-перцептивного и эмоционально-аффективного опыта... Это необходимое средство осмысления действительности, наделения ее смыслами различного уровня...» [4, с. 344].

Необходимо отметить, что в процессе мышления человек получает знание не только о внешнем мире, но и о своем внутреннем мире, и этот внутренний мир потому и считается «внутренним», что не предназначен для вербального озвучивания, артикулирования. Очевидно, что внутренний мир – это совокупность таких смыслов, которые человек сформулировал только для самого себя и которые ему не нужно обозначать вербально, так как эти смыслы не предназначены для коммуникации с другими людьми. В ряде своих публикаций я рассматриваю внутренний мир человека через анализ соотношения рационального и внерационального (подробнее см. [1]). Исходя из такой характеристики внутреннего мира человека можно констатировать, что в структуре понятия «мышление» есть такой элемент, который невозможно выразить вербально, потому что этот элемент не предназначен для вербальной коммуникации и недоступен для внешнего «наблюдателя». Единственным способом выражения этого внерационального элемента мышления считается человеческий взгляд. Анализ человеческого взгляда – это фундаментальная научная проблема, известная с древнейших времен, от решения которой во многом зависит поиск ответа на вопрос о том, что же такое «менталитет» (подробнее см. [2, с. 41]). В моем варианте человеческий взгляд имеет полевую природу, это социально-информационное поле, состоящее из двух элементов – рационального и внерационального (подробнее см. [1]).

Российский менталитет

В человеческом взгляде в невербальной форме может выражаться ментальная сущность человека. Этот вывод можно считать общеизвестным, но одновременно и недоступным вербальному, спекулятивному обозначению в силу своей внерациональной природы. Яркое, убедительное подтверждение этому я увидел в одной из телевизионных передач на канале «Культура» 23 сентября 2021 г. Эта передача была посвящена Д.Д. Шостаковичу. О своих встречах с Д.Д. Шостаковичем оставил воспоминания М.Л. Ростропович. Привожу дословную цитату из воспоминаний М.Л. Ростроповича о встречах с Д.Д. Шостаковичем.

М.Л.Ростропович: «Иногда Дмитроий Дмитриевич просил меня приехать к нему. Я приезжал. Он сидел за столом и усаживал меня на стул рядом с собой. Потом Дмитрий Дмитриевич говорил:

– Давайте помолчим.

Мы молчали, долго молчали. Через некоторое время Дмитрий Дмитриевич говорил:

– Спасибо, что приехали. Стало легче жить». Конец цитаты.

В этой же телепередаче о Д.Д. Шостаковиче пианист Денис Мацуев сказал: «Чтобы исполнять музыку Д.Д. Шостаковича, надо самому обладать невероятной силой внутренней энергией».

В наших рассуждениях о понятии «менталитет» внутренний мир человека занимает центральное место. Во внутренний мир человека входит не только внерациональное, многозначащее молчание, но и такие внерациональные понятия, как «душа» и «совесть». В подтверждение этого приведу еще одну цитату – слова выдающегося русского писателя В.Г. Распутина. В интервью корреспонденту газеты «Советская Россия» 15 января 2002 г. Виктору Кожемяко, озаглавленному «И в душу лезут диверсанты», В.Г. Распутин говорил о том, что в душу русским людям без стыда лезут враги России: «Эх, бесстыдники, и на шею России сели, и все вам нейметя, все надо жалить ее и жалить!» [5]. Эти слова В.Г. Распутина можно оценить как исконно русское выражение русского менталитета – возмущение бесстыдством врагов России, однако в этом возмущении нет злобы, мстительности, но есть апелляция к стыду, к душе, т. е. к высоким нравственным качествам человека, которые без стыда нарушают враги России. В этих словах В.Г. Распутина очевидна реакция сильного духом человека, которому скорее жаль тех бесстыдников, которые лезут к нему в душу. В.Г. Распутин сожалеет о том, что врагам России «все нейметя», в его восклицании «Эх, бесстыдники!» можно увидеть подспудное желание сильного духом, доброго человека скорее помочь «этим бесстыдникам», чем как-то наказать их за их бесстыдство и злобу по отношению к России.

Понятия «сила» и «доброта» вполне соответствуют, на мой взгляд, сущностным характеристикам русского менталитета, которые проявляются и у большинства людей всех других наций и народностей, живущих в России. Не случайно за рубежом всех граждан России называют русскими, независимо от их национальности. Свою силу и доброту русские люди проявляют всегда, на протяжении всей тыся-

четлетней истории России. В качестве убедительного примера этому достаточно привести процесс освоения русскими людьми территории Сибири и Дальнего Востока. После непродолжительных боев с племенной знатью сибирских народов русские цари «приняли под свою руку» все эти народы и всемерно способствовали их развитию. За пять столетий после вхождения (а у многих народов – добровольного вхождения) в состав России ни один из этих народов не исчез, более того, все они успешно развивались, получали образование.

Для сравнения можно отметить процесс колонизации территории Северной и Южной Америки выходцами из Западной Европы – англичан, немцев, французов, испанцев, португальцев. С приходом в Новый Свет эти завоеватели грабили и убивали местное население. Североамериканских индейцев первоначально было 11 миллионов человек, в настоящее время их осталось 2 миллиона человек и живут они в резервациях, мало пригодных для жизни. Это сравнение имеет важное значение для характеристики российского менталитета, так как отражает принципиальное отличие российского менталитета от западноевропейского. Глубинная, сущностная основа российского менталитета – сила и доброта русских людей; а для западноевропейского менталитета характерно стремление к своему господству над другими странами и народами, к корыстному ущемлению прав других народов.

Необходимо отметить, что указанная основа российского менталитета – сила и доброта россиян – не является секретом, она известна буквально всему населению земного шара. Это не преувеличение, а всего лишь констатация общеизвестного факта. Именно эта особенность российского менталитета – сила и доброта россиян – и вызывает злобу у «этих бесстыдников», врагов России, потому что российский менталитет основан на фундаментальном принципе человеческого общежития – бескорыстии. Россиянам не нужна корысть, т. е. ущемление интересов других людей, потому что Россия самодостаточна, России не нужно ничего ни у кого отбирать. Наоборот, Россия готова делиться своими богатствами, но только при условии равенства всех стран и народов. Враги России, а сейчас это «коллективный Запад», корыстны, они хотят установить свое господство за счет ущемления интересов многих стран и народов. Эта борьба корысти (со стороны Запада) и бескорыстия (со стороны России), к сожалению, продолжается много столетий. В русской культуре эта борьба корысти и бескорыстия обозначается как борьба Правды (бескорыстия) с Кривдой (корыстью).

2. Вариант структуры российского менталитета

Как было отмечено, в определении понятия «менталитет» предполагается наличие понятия «мировоззрение». В силу этого я использую оба эти понятия как синонимы.

В настоящее время, в первой четверти XXI века, в русском мировоззрении идет синкретический процесс борьбы субъектов с разными типами общественного сознания. Возникает вопрос: «Какая доминанта появится после окончания этого синкретического смешения и смещения разных типов общественного сознания?» Автор данной монографии считает, что, во-первых, нужно исходить из того, что указанный синкретический процесс смешений и смещений неизбежно закончится. Во-вторых, уже сейчас видно, что постепенно на роль доминанты в русском мировоззрении разные субъекты с возрастающей активностью выводят идеологию русской государственности как матрицу, в рамках которой формируют более конкретную форму идеологии – идеологию Русской Победы, в которой России предназначается функция объединения мира на основе равенства и бескорыстия.

Такой вывод позволяет сделать, на наш взгляд, отмеченная особенность русского менталитета – самодостаточность и самоорганизация. Исходя из этой особенности можно сказать, что русский народ, безусловно, в начале любой своей деятельности верит в свою силу, и лишь потом верит во все, что может помочь ему в его борьбе за выживание, в том числе в Бога. Не случайно в русском менталитете важное значение имеет поговорка: «На Бога надейся, а сам не плошай». Русское мировоззрение, т. е. воззрение на мир русских людей, не тождественно традиции понимания мира. Понимание мира – это лишь часть русского мировоззрения. Главное для русских людей – это их бескорыстная (т. е. без ущемления интересов других людей) Победа в борьбе за свое выживание. У русских людей нет желания (именно так) заниматься наблюдением за жизнью общества. Русское мировоззрение – это сама жизнь во всем ее бесконечном многообразии. Русский человек сам создает свое видение мира и действует в соответствии с ним. Стратегическая цель русского человека – своя бескорыстная Победа в борьбе за выживание и помощь всем другим народам мира в решении общечеловеческих материальных и духовных проблем.

В структуру русского мировоззрения как большой системы можно включить следующие элементы.

Наблюдение

Понимание

Изменение

Победа

Победа – это органическая, неотъемлемая часть русского мировоззрения. Без движения к победе русский человек страдает, становится «лишним» человеком (как Евгений Онегин у А.С. Пушкина). В этой связи можно отметить слова литературоведа культурно-исторической школы С.А. Венгерова (годы жизни 1855–1920): «Русской литературе как исключительному явлению в истории мировой культуры присущи «тоска по подвигу», «жажда самопожертвования» [3, с. 89]. Русское мировоззрение – это путь к Победе, а не спекулятивные рассуждения, оторванные от реальности. В годы Великой Отечественной войны советские люди в подавляющем большинстве верили в победу над фашизмом, а не абстрактным теоретическим рассуждениям. Вера всегда внерациональна, без веры Победа невозможна. Советские люди верили в победу даже тогда, когда враг стоял у стен Москвы. Советские люди верили в Победу и победили вопреки всему.

Для русского народа доминантой в мировоззрении всегда была вера в свою Победу. Из опыта российской истории для многих людей стало очевидно, что когда у русского народа возникает осознание угрозы и необходимости победы, русские люди всегда побеждают.

Таким образом, в ходе анализа заявленной темы мы определили исходные понятия – менталитет, деятельность, мышление и попытались сформулировать, не претендуя на бесспорность выводов, свою авторскую точку зрения на определение понятия «русский менталитет» и его структуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кущенко С. В.* Социально-информационный аспект проблемы соотношения рационального и внерационального в общественном сознании (философско-методологический анализ) / С. В. Кущенко. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2007. – 248 с.

2. *Kushchenko S. V.* Philosophy of a view (To statement of a problem) / S. V. Kushchenko // KORUS-2002. The 6-th Russian – Korean international symposium

sium on science and technology: materials, Novosibirsk, Russia, June 24–30 2002. – Ulsan: NSTU, 2002. – V. 3.

3. Русская философия. Малый энциклопедический словарь. – Москва : Наука, 1995. – 624 с.

4. Словарь философских терминов / Научная редакция профессора В. Г. Кузнецова. – Москва : ИНФРА-М, 2004. – XVI, 731 с.

5. Советская Россия, 15 января 2002 г. – № 4 [12200].

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОБРАЗОВАНИИ: ВЫЗОВЫ

Аннотация. Данный материал представляет собой попытку автора представить контурный набросок возможных рисков полноценного внедрения технологий искусственного интеллекта в образовательный процесс. По мнению автора, качественное внедрение технологий искусственного интеллекта в сферу образования невозможно без всесторонней оценки рисков подобного процесса.

Ключевые слова и словосочетания: искусственный интеллект, ИИ, образование.

Среди основных маркеров действующего на данный момент периода времени, так называемой Индустрии 4.0, исследователи выделяют среди прочего повсеместное внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) [1]. Разумеется, не могла остаться в стороне от подобных изменений и сфера образования. Использование потенциала технологий ИИ в перспективе может положительно повлиять на образовательную деятельность учащихся, преподавателей, руководителей учебных заведений, родителей, а также на деятельность органов управления образованием. Правильное и эффективное использование ИИ позволит сократить время на подготовку к занятиям, разработать творческие и инновационные методы по повышению уровня усвоения знаний и подбору индивидуальных образовательных траекторий для учащихся с учетом их сильных и слабых сторон, способностей и поставленных задач. Сила и потенциал ИИ определяются его способностью устанавливать взаимосвязи между различными данными – прогнозировать будущие результаты, чтобы обеспечить корректировку курса в режиме, приближенном к режиму реального времени, и делать выводы, которые позволят всем заинтересованным сторонам принимать более обоснованные решения [2]. Спектр возможных примеров применения технологий ИИ в образовании достаточно велик. В настоящем материале автор не будет подробно на них останавливаться, поскольку основной целью является анализ возможных рисков активного внедрения технологий ИИ в сферу образовательных отношений.

Говоря об общем случае внедрения технологий ИИ в образовательный процесс, можно обозначить следующие риски: проблемы равен-

ства, равноправия и доступа, этические аспекты использования технологий, зависимость от них, а также необходимость соответствовать все более и более быстро развивающимся технологиям ИИ. Подробнее остановимся на каждом из вышеобозначенных пунктов.

Проблема равенства, равноправия и доступа. С 1990-х годов огромную популярность приобрело понятие «цифрового разрыва». Первоначально оно означало возникающий разрыв между теми, кто имеет доступ к информации, и теми, у кого этого доступа нет. Несмотря на то что при использовании данного термина сейчас основной акцент смещается в сторону разницы между уровнями обеспечения более дорогим оборудованием или более современным программным обеспечением, его исконный смысл остается как никогда актуальным. Хотя, казалось бы, сейчас практически у каждого из нас в кармане смартфон, в сумке планшет или ноутбук, и дома персональный компьютер, но при этом один из последних глобальных отчетов об уровне проникновения интернета [3] сообщает, что 43 % населения мира по-прежнему не имеют доступа к интернету, и, согласно оценкам, 40 % людей никогда не пользовались им. Существует огромный разрыв между регионами, имеющими наиболее и наименее развитую сетевую инфраструктуру. В Северной Америке и Северной Европе доступ к информации посредством сети интернет имеют 95 % граждан, а в Центральной Африке – только 12 %. Пандемия COVID-19 особенно остро поставила вопрос неравномерного удаленного доступа, в том числе и к образовательным ресурсам.

Этические аспекты. К этическим принципам технологий ИИ в общем случае могут быть отнесены следующие характеристики.

1. **Уважение, защита и поощрение прав человека и основных свобод и человеческого достоинства.** Это означает, что в процессе деятельности технологий не должны наблюдаться зависимость, какой-либо вред или ограничение свобод человека.

2. **Обеспечение разнообразия и возможности выбора.** Технологии ИИ должны предлагать человеку различные варианты своего использования, изменение параметров конкретных технологий, адаптацию их под собственные нужды.

3. **Жизнь в справедливых сообществах.** Любые процессы, относящиеся к технологиям ИИ, не должны вести к дискриминации, ущемлению свободы или обезличиванию.

4. **Безопасность и защищенность, а также соразмерность и непричинение вреда.** При наличии какой-либо, пусть даже потенциаль-

ной, угрозы безопасности или жизни человека ИИ должен оценить возможные риски и предпринять максимально возможные действия для их предотвращения.

5. Устойчивость. Применение технологий ИИ должно проходить с постоянным соотношением их влияния на устойчивость развития. Под устойчивостью развития понимается набор целей, сформулированных Организацией Объединенных Наций (ООН) в качестве маркеров устойчивого развития общества.

6. Право на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных. Эти права являются основополагающими для защиты человеческого достоинства и независимости личности. Крайне важно, чтобы на любом этапе работы технологий ИИ любая обработка данных осуществлялась в полном соответствии с нормативными документами.

7. Подконтрольность, прозрачность и подотчетность. Неоспоримым является тот факт, что в любой момент времени человек должен осознавать, что происходит в технологиях ИИ, как они развиваются в каждом конкретном случае. Без такого понимания человек способен лишиться базового ощущения безопасности своего существования [4].

8. Зависимость от технологий. Существует опасность того, что возможность переложить на компьютер решение задач и реализацию когнитивных функций повысит зависимость человека от технологий, а собственные способности человека, в свою очередь, к выполнению этих функций ослабнут – такое развитие событий можно условно назвать сценарием «применяй навык или ты его утратишь». Не утрачивают ли учащиеся, предпочитающие использовать клавиатуру компьютера, каллиграфические навыки? Не утрачивают ли те, кто выполняет вычисления с помощью электронной таблицы или калькулятора, навык считать в уме? Не повлияло ли использование навигатора для определения маршрута на способность человека ориентироваться в пространстве – в буквальном смысле слова «искать свой собственный путь»? По мере того как эти технологии становятся все совершеннее и эффективнее, более важным чем когда-либо оказывается осознание того, в каком направлении человечество в действительности желает двигаться [2].

9. Необходимость соответствовать технологиям. Среди навыков XXI века, помимо прочего, эксперты выделяют информационную,

цифровую и медиаграмотность [5]. Острая необходимость освоения этих навыков человеком продиктована, помимо всего прочего, увеличивающимися масштабами использования технологий ИИ, в том числе и в сфере образования. Личность, вовлеченная в образовательные отношения, должна, как минимум, стараться не отставать в уровне своих знаний от технологий критическим образом. В этом контексте становится необходимым постоянное, порой на уровне зависимости, обучение, повышение своей квалификации.

Таким образом, с одной стороны, прикладной потенциал технологий ИИ в образовании значителен, но с другой стороны, как и у любой другой технологии, возникает вторая сторона медали. Авторская позиция состоит в следующем: качественная интеграция технологий ИИ в сферу образования возможна только после максимально возможной оценки всех возможных рисков данного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – Москва : Эксмо, 2016.
2. Искусственный интеллект в образовании: Изменение темпов обучения. Аналитическая записка ИИТО ЮНЕСКО / Стивен Даггэн; ред. С. Ю. Князева; пер. с англ.: А. В. Паршакова. – Москва: Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, 2020.
3. *Pensworth L.* 2019 Internet Statistics, Trends & Data / L. Pensworth. – Daily Wireless. – 2019. – URL: <https://dailywireless.org/internet/usage-statistics/>.
4. *Миндигулова А. А.* Этика и искусственный интеллект: проблемы и противоречия / А. А. Миндигулова // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2022. – № 3. – С. 146–150. – EDN MENBGM.
5. *Trilling B.* 21 century skills. Learning for life in our times / B. Trilling, Ch. Fadel. – September 2009.

ОСНОВНЫЕ ФЕНОМЕНЫ ДУХОВНОСТИ

1. Нравственность как первое из явлений духовности; соотношение нравственности и морали.

2. Понятие совести; отличие совести от нравственности.

3. Красота и культура как явления духовности.

1. Нравственность как первое из явлений духовности; соотношение нравственности и морали

В данной статье речь пойдет о тех явлениях, которые образуют состав духовности как силы. Напомним: духовность – это совокупность явлений, воплощающих некое фундаментально-этическое учение в поступках человека. Итак, речь идет о «совокупности явлений». Первым из этих них является нравственность. Что такое нравственность?

Нравственность – это совокупность личностных качеств, позволяющих выполнять мораль. Рассмотрим это определение подробно.

Что такое «совокупность личностных качеств» и прежде всего что такое «личностные качества»? Под личностными качествами понимаются способности, которые присущи личности неотделимо от нее. Личностные качества – это внутренние способности личности, т. е. такие качества, которые присущи личности изнутри, а не извне, и которые невозможно приобрести и, стало быть, невозможно потерять. Можно сказать, что это врожденные качества – ведь если некое качество личности является не приобретаемым, то это означает, что это качество существует у личности всегда, т. е. как бы с рождения (хотя это не следует понимать так, будто качества, о которых идет речь, являются генетически обусловленными).

Что относится к таким личностным качествам? К ним относятся способности, называемые талантами. Например, если человек обладает музыкальным слухом или способностью к рисунку, эти качества принадлежат ему изначально, хотя раскрываются они, конечно, не с момента рождения, а с определенного возраста. И еще примечательнее то, что эти качества нельзя утратить: можно отнять у человека все, но если он обладает, например, музыкальностью, то это его качество – как неотъемлемое свойство, как неотчуждаемая собственность – будет с ним до конца сознательной жизни.

Так вот, нравственность – это способности, подобные талантам. Но определяются эти способности в образуемой ими общности по специфической функции – они все нужны для исполнения морали. Если способность к рисунку нужна для изобразительного искусства, музыкальный слух – для исполнения музыки, то нравственные способности нужны для исполнения морали и только для этого.

Что относится к нравственным способностям? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть понятие морали.

Итак, что такое мораль? *Мораль – это нормы, являющиеся: 1) осознанными, 2) социально выраженными и 3) обусловленными представлением о добре и зле.*

Мы не зря подчеркиваем здесь слово «нормы». Дело в том, что наибольшей проблемой в понимании того, что такое нравственность, является смешение ее с моралью. В обыденном словоупотреблении часто «мораль» и «нравственность» упоминаются как синонимы, что является недоразумением. Для преодоления этого недоразумения нужно понять следующее: мораль – это нормы, а нравственность – это личностные качества – чтобы выполнять эти нормы. Это различие радикально: нормы – это то, что всегда имеет общественный характер, т. е. объективный и внешний по отношению к отдельному человеку; личностные качества – это то, что всегда имеет внутренний и субъективный характер.

Нормы – это устойчивые в обществе и не зависящие в своем содержании от отдельных людей повелительные утверждения – *императивы*. Например: «не кради», «не убивай», «не прелюбодействуй», что означает утверждения: «нельзя красть», «нельзя убивать», «нельзя прелюбодействовать». Эти утверждения имеют общественный характер, они выработаны обществом и принадлежат ему, а не человеку: человек может лишь исполнять их или не исполнять, т. е. применить к себе или не применить, но он не может их «признать» или «отменить». Это относится к любым нормам, не только моральным.

Специфика моральных норм (т. е. морали) состоит в том, что их исполнение происходит только осознанно – через понимание причины или условия этих норм. Это значит, что если человек в своем поступке не нарушает моральную норму потому, что находится под принуждением (боится, например), то он *не исполняет мораль*. В этой осознанности заключается специфическая строгость морали и отличие ее от других норм, главным образом от правовых норм (правовая норма

(закон) исполняется самим фактом соответствия действия норме, безотносительно того, что при этом человек осознает).

Что является условием моральных норм, лишь через понимание которой возможно исполнение морали? Это и есть главное в понятии морали.

Главным условием морали является представление о добре и зле. Именно это представление делает мораль необходимым атрибутом и специфическим продуктом фундаментально-этического учения. Ведь добро это всегда то, что соответствует утверждаемой основе мира, а зло – то, что ей противоречит. Моральная норма утверждается и исполняется потому, что она выражает добро и противостояит злу. Именно только тогда, когда человек осознает добро как некое этическое представление, отражающее основу мира, он действительно исполняет норму, социально признанную соответствующей этому представлению, т. е. являющуюся моралью. То есть человек исполняет мораль, когда он понимает соответствие реализуемой им в поступке нормы добру, понимая одновременно с этим, что такое добро.

Итак, несколько конкретизируя изложенное выше определение, можно резюмировать так: мораль – это обусловленное фундаментально-этическим учением осознанное представление о добре и соответствующие этому представлению нормы.

Теперь вернемся к отложенному вопросу о составе нравственности – о том, что является нравственными способностями.

Прежде всего: не существует и невозможна в общекультурном смысле какая-то универсальная номенклатура нравственности, общая для всех ее случаев, набор личностных способностей, образующих исполнение морали. И это обусловлено самой целью нравственности – исполнением морали. Мораль, напомним, всегда есть часть фундаментально-этического учения, а фундаментально-этические учения могут быть разными. Это значит, что разными являются морали, принадлежащие разным фундаментальным учениям: т. е. разными являются сами нормы, образующие мораль в разных фундаментальных учениях. Если разными являются нормы, то разными должны быть и нравственные качества для выполнения этих норм. Таким образом, получается, что людям, исполняющим в своих поступках разные фундаментально-этические учения, требуются для этого разные личностные способности. Иными словами, относительность духовности в общекультурном ее понимании означает относительность нравственности.

Например, христианская мораль содержит требование (норму) любви к ближнему, выражающейся в помощи другому человеку посредством способности к состраданию (эта способность называется милосердием). Отметим: способность к состраданию (т.е. милосердие) есть здесь нравственная способность, позволяющая исполнять любовь к ближнему как норму. Но, скажем, в буддизме то, что христиане называют милосердием, не может считаться нравственным качеством, так как помогая ближнему в преодолении его страданий, человек мешает ему исправить его *кармический* долг и препятствует возможному достижению этим человеком нирваны, которая есть цель в буддизме. Таким образом, одно и то же качество является в применении к одному фундаментальному учению нравственным, а в применении к другому – нет.

Пожалуй, можно назвать только два относительно универсальных нравственных качества, т. е. такие качества, которые применимы ко всем или почти ко всем моралям. Это разум, способность рассудительно находить истину, мужество, способность подчинять психически присущие человеку слабости некой сознательной воле. О разуме как об основной нравственной способности будет идти речь подробно в одной из последующих тем.

2. Понятие совести; отличие совести от нравственности

Совесьть – это «особое состояние нравственной активности» и «нравственный самоконтроль». Что это значит? Это значит, что совесть это что-то при нравственности, некая особая контролирующая нравственная функция. В чем особенность совести как нравственной и контролирующей функции?

Совесьтью мы называем неприятное внутренне переживаемое сознательное и психическое ощущение, которое возникает в определенных случаях, а именно, когда человек совершил противоречащий морали поступок. Очень важно, что совесть действует не постоянно, но именно и только после аморального поступка. В этом состоит ключ к пониманию совести как нравственного контроля.

Конечная цель совести такая же, как у нравственности – исполнение морали. Поэтому совесть не представляет собой что-то отдельное от нравственности: это не посторонняя по отношению к нравственности, а внутренняя и подчиненная ей, помогающая ей способность. Обратим внимание: нравственность как совокупность личностных

качеств есть то, что позволяет исполнить мораль, предотвращая аморальный поступок и как бы предостерегая человека от него. Это значит, что нравственность действует до поступка, обеспечивая заранее соответствие поступка морали. Это некая сила, которая непрерывно и превентивно действует в человеке, обладающем нравственностью, ориентируя его на моральное поведение.

Можно сравнить нравственность с иммунной системой организма, которая непрерывно работает в здоровом организме, отражая постоянно воздействующие на него со всех сторон угрозы. Нравственность работает так же: всем комплексом составляющих ее способностей она отражает воздействующие на человеческое сознание соблазны. Соблазны как вирусы, только не биологические, а информационные, постоянно атакуют человеческое сознание, провоцируя его: «укради», «ударь», «соблазни» и т. д. А действующие в человеке разум, мужество и другие нравственные способности постоянно отражают эти атаки. Но как организм, даже здоровый, может не справиться с атакой сильного вируса и заболеть, так и нравственная система может не справиться с особо пронзительным соблазном: человек в таком случае уступает соблазну, совершает аморальное действие. И вот тут в действие вступает совесть.

Совесть есть специальная нравственная функция, которая позволяет человеку, обладающему нравственностью, осознать совершение аморального действия, когда это все же вопреки нравственности случается. Совесть создает тревожное психико-сознательное состояние, требующее: «исправь ошибку: верни украденное; извинись за оскорбление; попроси прощения; либо – в особых и необратимых проступках (как с Родионом Раскольниковым) – покайся, понеси наказание». Можно сказать, что совесть – это тревога, сигнализирующая сознанию: «проникли враги!». То есть совесть это, так сказать, пожарная, а не постоянная функция: она срабатывает в случае совершения аморального действия и психологически принуждает человека к скорейшему исправлению или смягчению последствий, по возможности. Таким образом, принципиальное отличие совести от нравственности: нравственность действует постоянно и превентивно, т.е. до поступка, а совесть действует только после аморального поступка.

Итак, *совесть – это особая нравственная функция, действующая после противоречащего морали поступка и проявляющаяся в дискомфортном (тревожном) состоянии сознания и психики.*

Можно сказать, что совесть – это программное дополнение к нравственности. Представим, что нравственность – это программа, которая выполняет определенную задачу – исполнение морали. И представим, что при этой программе есть дополнительная программа, контролирующая ее работу. Эта дополнительная программа включается только тогда, когда первая программа дает сбой, и исправляет ошибку первой программы. Когда ошибка исправляется, эта дополнительная программа выключается.

Важно, что совесть есть не самостоятельная, но прикрепленная, так сказать, к нравственности функция. Совесть не существует без нравственности. Это значит, что «угрызения совести» может, в принципе, испытывать только обладающий нравственностью человек.

3. Красота и культура как явления духовности

Красота – второе и большее по значимости, чем нравственность, по силе воздействия на человека, явление духовности. Красота формирует эстетическую сферу в жизни человека. Эстетическая сфера выражается не в исполнении норм, но в восприятии, оценке и переживании образов, непосредственно открывающихся человеку в природе и в культуре. Эстетическая сфера более важна, чем нормативная, потому что она более постоянна. С нормами человек имеет дело не постоянно, а пунктирно, так сказать, по случаю. А эстетическая позиция действует в восприятии: т. е. всегда, когда человек воспринимает чувственно – зрением, слухом, осязанием – окружающий мир, он производит эстетическую оценку. Красота задает центральную координату такой непрерывно поддерживаемой оценки.

Итак, что же такое красота? *Красота – это благо, непосредственно воспринимаемое чувственным, т.е. внешним образом.* Рассмотрим это определение подробно.

Главным в этом определении является слово «чувственный». Что значит чувственный? У этого слова в русском языке есть два значения: 1) эмоциональный, склонный к проявлению *чувств*, в смысле эмоций; 2) данный посредством способов внешнего восприятия, т. е. посредством «органов чувств». Так вот, в контексте понятия красоты (в эстетическом контексте) первое из этих значений следует отбросить и использовать только второе значение. То есть красота есть, прежде всего, нечто чувственное, в смысле данное посредством восприятия, т. е.

данное визуально, или на слух, или на ощупь, или на вкус, или на запахах.

Чувственное и внешнее – одно и то же. Почему? Потому что чувственное, т. е. визуальное, звуковое, данное на ощупь, на вкус и на запах это и есть то, что образует в нашем опыте представление о внешнем мире, о внешнем как таковом. Поэтому сфера действия красоты и именуется эстетикой – от греческого слова *aisthesis*, что значит «внешний; чувственно данный». Таким образом, красота есть, прежде всего, явление *внешнее*. Пойдем дальше.

Итак, красота – это явление внешнего мира, в котором непосредственное воспринимается или непосредственно присутствует благо. Что значит «непосредственно воспринимаемое благо»? Это значит, что красота, как нечто видимое, слышимое (например, в музыке, в звуках природы, человеческого голоса), осязаемое, обоняемое или воспринимаемое на вкус, есть то, что непосредственно переживается как *благое* – как то, что можно определить только как благо, как чистое благо. Итак, красота – это внешнее и благое. Можно сказать, что красота есть синтез внешности и блага: это внешнее в благе или благо во внешнем.

Например, красивым является звездное небо. Что именно мы имеем в виду, когда, взглянув на небо в летнюю ясную ночь и не произнося вслух, но переживая непосредственно изнутри, говорим: «красиво»? Что происходит при этом? Во-первых, мы нечто *видим*: буквально мы воспринимаем нечто зрительно данное (черный фон и светящиеся точки). Во-вторых, мы непосредственно переживаем присутствие в этом видимом того, что мы можем назвать только словом «благо». Вот это единство видимого (внешне воспринимаемого) и некоего чисто и непосредственно переживаемого блага в звездном небе (в виде и шуме моря, в горном пейзаже, в музыке, в картине, в облике человека и т. д.) и есть красота в данном явлении.

То, что благо в красоте дано непосредственным образом, означает в частности, что это благо переживается вне утилитарной, обусловленной инстинктом или иной прагматической оценки. Когда мы смотрим на звездное небо, нам *ничего от него не нужно*. Это и образует непосредственность блага в его переживании нами в красоте. То есть это переживание не отягощено чем-то, связанным с нашими жизненными обстоятельствами, но является совершенно чистым в отношении к ним и поэтому как бы приподымающим нас над уровнем жизненных обстоятельств – в этом смысл красоты.

Итак, красота есть воздействующее внешне на человека непосредственное и чистое благо. В этом смысле красота это сила, воздействующая на человека (на его сознание). То есть красота – это не нейтральное, но сильно мотивирующее и ориентирующее человека явление – в оценке мира, самого себя и совершаемых поступков. В каком направлении осуществляется эта ориентация и мотивация? Всегда в направлении каких-то фундаментальных идей. Иными словами, всегда переживание красоты направляет человека к осознанию и исполнению обнаруживающих и описывающих основу мира идей. Сама красота есть внешнее и из самого мира действующее указание на иерархичность и фундаментальность мира. «Если красота есть, то у мира не может не быть основы» – вот мысль, порождаемая у человека действием красоты.

Таким образом, красота способствует исполнению фундаментальных идей, а такие идеи существуют только в рамках неких исторически возникших фундаментальных учений. Поэтому красота – это независимо от человека непосредственно в мире действующее духовное явление. Почему важно, что красота – это именно внешнее, т. е. миру, а не человеку присущее духовное явление? Потому что именно это и означает то, что было сказано в начале параграфа: что красота – это большая духовная сила, чем нравственность. Поясним этот тезис.

Красота – свойство мира, а нравственность – свойство личности. Мир больше и богаче, чем какая-либо личность: мир – это макрокосмос, а личность – микрокосмос. Личность в своем органическом и сознательном подобии мира повторяет его и вторит ему, подчиняясь ему, а не наоборот. Поэтому сила, присущая миру, больше силы, присущей личности. В действии красоты на сознание человека ее превосходство над нравственностью проявляется в том, что оно осуществляется без внутренней борьбы и сознательного принуждения, которые всегда имеют место в действии нравственности – в том, как нравственность работает. Когда нравственный человек следует морали, он как бы борется внутри себя с самим собой: в нем борются его нравственная способность и его соблазн. А красота действует иначе: показывая непосредственно действующее в мире и укорененное в самой его основе благо, она как бы демонстрирует уродство противостоящего этой основе соблазна. Тем самым красота эстетически нейтрализует и разоблачает соблазн для человека, понимающего красоту, и делает ненужной саму борьбу с ним – освобождает от самой такой нравственной

необходимости. То есть красота ставит человека по отношению к соблазну в более свободную и поэтому более сильную позицию, чем та, которая образуется нравственностью.

В этом глубинный смысл закрепленного в традиции именовании и почитания красоты как «высшей силы». Хотя, как будет показано сейчас, все же не красота является наивысшим среди явлений, образующих духовность.

Мы переходим к рассмотрению культуры как явления духовности. Именно культура есть последнее и наивысшее из явлений духовности. Что такое культура?

Прежде всего это предмет отдельной науки, а в контексте нашей темы является не полным, но подчиненным духовности как доминирующему аспекту.

Итак, *культура есть исторически устойчивая и действующая в сознаниях носителей культуры структура знаковых систем и ценностей*. В аспекте духовности значимым является определение культуры как структуры ценностей. Но что же такое ценности? Ценность следует понимать как предмет или явление, которое обладает самодостаточным и исторически устойчивым значением. Такими значениями обладают: научные и технические знания; системы норм, образующие политически-государственный строй (правовая система прежде всего); произведения искусства; религиозные или мифологические символы. При этом особенностью ценностей является то, что значение имеющего статус ценности предмета или явления – делающее его ценностью – действует одновременно внешне и внутренне. Что это значит?

Ценность – это прежде всего нечто внешнее по отношению к отдельному человеку. Этот внешний характер ценности обеспечивается историческим и общественным статусом ценности как конкретного предмета или явления. Это то, что производится обществом и утверждается историей, а не отдельным человеком. То, что музыка Баха является ценностью и элементом культуры, а не моды или «масскульта» – не решение отдельного человека и не кратковременное явление, но общественное и устойчивое во времени. Общественностью и устойчивостью обеспечивается ценностный статус, и этим образуется внешний характер ценности по отношению к человеку, в самом воздействие ценности на человека. Ведь общество и история – это аспекты внешнего, а не внутреннего мира.

В то же время ценность – это внутреннее в человеке действующее значение и знание. То, что теория Лобачевского, классическая музыка и живопись Ренессанса являются ценностями, следует не только видеть, но и понимать – без чего действие ценностей не образуется. То есть ценность – это не только внешнее явление, но и обязательно дополняющее его и соответствующее ему внутреннее знание. «Мона Лиза Джоконда» (картина Л. да Винчи) ничего не говорит дикарю, не понимающему, что такое искусство, и поэтому не является для него ценностью. С другой стороны, для человека, являющегося носителем ценностей в своем сознании (т. е. для культурного человека), внешнее проявление ценности необходимо для поддержания актуального ее состояния: важно видеть действие научной теории, видеть картину, слушать музыку, т. е. воспринимать их как внешние явления или объекты, а не просто помнить о них. Поэтому, например, упомянутая картина так строго охраняется в Лувре.

Итак, культура как структура ценностей – это внешнее и внутреннее воздействие на человека различных явлений и предметов – знаний, образов, символов и идей – которые насквозь пронизывают и организуют человеческое существование, делая его тотально подчиненным себе, т. е. делая его ценностным. Тотальность, т. е. всеохватность ценностей в их действии в человеческой жизни обеспечивается тем, что они действуют на него с двух сторон: изнутри, со стороны сознания, и извне, со стороны внешнего объективного мира. Таким образом, тогда, когда человек является носителем культуры, он оказывается как бы в тисках ценностей, он становится как бы обреченным на ценностное поведение. А что такое ценностное поведение? Это реализация в поступках ценностей как высших культурных смыслов, содержащих какие-то идеи. Такие идеи всегда имеют фундаментальное значение, укорененное в представлениях о мире как таковом в данной культуре. Вот почему культура – это даже не сила, а система сил, образующих всецелое присутствие и реализацию фундаментальных идей в жизни человека. И поэтому культура – высшее духовное явление.

Следует отметить, что фундаментальные идеи, пронизывающие существование человека в культуре, не образуют какое-то конкретное фундаментальное учение, исторически присущее данной культуре. Они образуют некое универсально средство, которое можно применить в реализации любого фундаментального учения. Это значит, что человек определенной культуры может исполнять в поступках такое

фундаментальное учение, которое исторически является чуждым данной культуре. Сама культура, которой владеет человек, используется в таком случае как сила и средство, а не как цель. Вот почему человек европейской культуры, например, может быть буддистом.

Итак, вывод. Нравственность, красота и культура – это основные явления духовности. Они образуют законченный и полный, так сказать, набор явлений, образующих духовность. Это значит, что какие-нибудь другие явления духовности подчиняются этим трем явлениям и являются внутренними в них. Полнота и исчерпанность того, что называется духовностью, этими тремя явлениями обусловлена логикой соотношения этих явлений в их действии на человека. Напомним эту логику: нравственность – это внутреннее явление, красота – это внешнее явление, а культура – это одновременно внутреннее и внешнее явление. Таким образом, в самом образуемом набором этих явлений порядке логически нет ничего дополнительного, ничего «четвертого».

Нравственность, красота и культура – внутренне законченная система явлений духовности, образующая духовность как целое. Объединяя этот вывод с определением духовности как общекультурного явления, дадим такое определение.

Духовность – это нравственность, красота и культура, воздействующие на сознание человека как силы, позволяющие исполнять в поступках некое фундаментальное учение: вероучение, либо философию, либо идеологию, либо мифологию.

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА СИЛЬНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. Данная глава посвящена проблеме философского обоснования сильного искусственного интеллекта. В ней выдвигается идея, что не существует принципиальных преград для существования искусственного интеллекта. Внешние и внутренние возражения не являются достаточно убедительными. Имеется серьезное позитивное основание утверждать, что имплементация надлежащего вычисления повлечет за собой появление сознательного опыта. Так что перспективы машинного сознания можно признать хорошими, если не на практике, то хотя бы в принципе.

Ключевые слова и словосочетания: сильный искусственный интеллект, имплементация, нередуктивный функционализм.

Введение

Философию интересует проблема сравнения двух архитектур – человеческой и машинной. Более того, она традиционно ставит вопрос не о максимизации ожидаемой полезности, а о том, «Могут ли машины думать?» и «Могут ли машины сознавать?».

Одним из способов решения этих вопросов является разделение «думающих машин» на «слабый» и «сильный» искусственный интеллект.

Утверждение о том, что машины могут действовать так, как если бы они были разумны, философы называют слабой гипотезой искусственного интеллекта, а утверждение о том, что машины, которые так делают, на самом деле мыслят (а не просто имитируют мышление), называется сильной гипотезой искусственного интеллекта.

Большинство исследователей воспринимают слабую гипотезу как само собой разумеющееся, до тех пор, пока программа работает, их не волнует, называете ли вы это симуляцией интеллекта или реальным интеллектом.

В настоящее время мало кто сомневается в существовании искусственного интеллекта в узком смысле. Таким образом, слабый искусственный интеллект – это машинный интеллект, равный или превосходящий человеческий интеллект для решения конкретных задач. Каждый раз, когда вы посылаете электронное письмо или звоните по

мобильному телефону, интеллектуальные алгоритмы направляют информацию, программы диагностируют заболевания сердца, летающие и сухопутные транспортные средства, направляют автономное оружие, принимают автоматизированные инвестиционные решения и направляют производственные процессы.

Основным для решения проблемы сильного искусственного интеллекта является вопрос: могут ли машины действительно думать?

Есть два типа возражений против сильного искусственного интеллекта. Это могут быть внешние возражения, когда пытаются показать, что вычислительные системы никогда не смогли бы вести себя подобно когнитивным системам. Люди обладают определенными функциональными способностями, которых не может быть у компьютеров, поскольку эти системы следуют правилам, и они никогда не смогут демонстрировать творческое или гибкое поведение¹. Другие доказывают, что компьютеры никогда не смогут воспроизвести математические интуиции человека². Внешние возражения наталкиваются на трудности, связанные с успехами вычислительных симуляций физических процессов в целом.

Внутренние возражения связаны с тем, что компьютер может симулировать, но не воспроизводить ментальность, так как у него нет ни сознательного опыта, ни подлинного понимания.

Таким образом, ключевой момент на самом деле связан с феноменологией или изучением непосредственного опыта: машина должна действительно испытывать эмоции. Некоторые исследователи сосредотачиваются на интенциональности, т. е. на вопросе о том, являются ли предполагаемые убеждения, желания и другие представления машины на самом деле о чем-то реальном. Сочетание возможности получения феноменологического опыта и интенциональности составляет неотъемлемые компоненты сознания.

Можно утверждать, что «реальность» мышления в сильном смысле (т. е. возможность искусственного интеллекта) является необходимым условием для возможности искусственного сознания. Следовательно, основной философский вопрос об искусственном интеллекте заключается в том, могут ли машины быть сознательными.

¹ *Dreyfus H.* What Computers Can Do. New York. 1972. P. 17.

² *Penrose P.* The Emperor's New Mind: Concerning Computers, Minds and The Laws of Physics. 1989. P. 121.

Материалы и методы исследования

Д. Чалмерс выдвигает следующую гипотезу: любая система с надлежащим типом функциональной организации наделена сознанием – не важно, из чего она сделана.¹

Стандартная теория вычисления имеет дело с исключительно абстрактными объектами. Это – математические сущности, населяющие математическое пространство. Когнитивные системы, существующие в реальном мире, это конкретные объекты, имеющие физическое воплощение и каузально взаимодействующие с другими объектами физического мира. Но если мы хотим использовать теорию вычисления для получения выводов о конкретных объектах в реальном мире, то для этого нужен мост между областью абстрактного и областью конкретного.

Таким мостом является понятие имплементации – отношения между абстрактными вычислительными объектами и физическими системами, когда вычисление описывает физическую систему.

Объяснение имплементации выглядит следующим образом: вычисления – это абстрактные объекты, формальная структура которых определяется их состояниями и отношениями перехода от состояния к состоянию. Физические системы – это конкретные объекты, каузальная структура которых определяется их внутренними состояниями и каузальными отношениями между ними. Таким образом, физическая система имплементирует вычисление, если каузальная структура этой системы отражает формальную структуру вычисления. То есть система имплементирует вычисление, если можно установить такое соответствие между состояниями этой системы и вычислительными состояниями, при котором каузально соотнесенные физические состояния соответствуют формально соотнесенным формальным состояниям.

Любое объяснение имплементации вычисления будет зависеть от того, о каком классе вычисления идет речь. Д. Чалмерс объясняет имплементацию для формализма комбинаторных автоматов, так как этот класс вычислений достаточно абстрактен².

Комбинаторный автомат – более рафинированный родственник конечного автомата. Конечный автомат (КА) специфицируется заданием

¹ Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 391.

² Чалмерс Д. Указ. соч. С. 393.

конечного набора данных на входе, конечного набора внутренних состояний, конечного набора данных на выходе и указанием сопряженного с ними набора отношений перехода от состояния к состоянию. Внутреннее состояние КА – это простой элемент S , лишенный внутренней структуры. Отношения перехода специфицируют для каждой возможной пары данных на входе и внутренних состояний новое внутреннее состояние и имеющийся на выходе результат. Если дано начальное состояние какого-то КА, то эти отношения перехода от состояния к состоянию специфицируют, каким образом он будет изменяться во времени и что он будет давать на выходе в зависимости от того, что он получает на входе.

Комбинаторные автоматы (КоА) ничем не отличаются от КА, за исключением того, что их внутренние состояния структурированы. Состояние комбинаторного автомата представляет собой вектор. Элементы этого вектора можно мыслить в качестве компонентов внутреннего состояния; они соответствуют клеткам клеточного автомата или ячейкам ленты. Каждый элемент может иметь конечное множество значений. Эти значения можно трактовать в качестве подсостояний общего состояния.

КоА детерминируется специфицированием наборов векторов внутренних состояний и векторов данных на входе и на выходе и специфицированием набора правил перехода от состояния к состоянию, определяющих изменение состояния КоА во времени. Для каждого элемента вектора внутреннего состояния правило перехода от состояния к состоянию определяет то, как его новое значение зависит от прежних значений вектора внутреннего состояния. Эта структура имеет ключевое значение при использовании КоА для уяснения той организации, которая лежит в основе ментального.

Таким образом, Д. Чалмерс дает объяснение имплементации. Вычисления, такие как КоА, – это абстрактные объекты, формальная структура которых определяется их состояниями и отношениями перехода от состояния к состоянию. Физические системы – это конкретные объекты, каузальная структура которых определяется их внутренним состоянием и каузальными отношениями между ними. В неформальном плане говорится, что физическая система имплементирует вычисления, если каузальная структура этой системы отражает формальную структуру вычисления. То есть система имплементирует вычисление, если можно установить такое соответствие между состоянием этой

системы и вычислительными состояниями, при которой каузально соотнесенные физические состояния соответствуют формально соотнесенным формальным состояниям.

Утверждение о том, что физическая система имплементирует комплексное вычисление, равносильно утверждению о каузальной структуре этой системы, которое может быть полезным для когнитивных объяснений. Лишь системы с очень специфичной разновидностью каузальной организации могут рассчитывать на соответствие сильным ограничительным условиям имплементации.

Предложенная Д. Чалмерсом концепция имплементации проясняет связь между каузальной и вычислительной организацией. При применении вычислительных описаний к физическим системам они, по сути, предоставляют нам формальное описание каузальной системы. Вычислительный язык оптимально подходит для спецификации подобной абстрактной каузальной организации. В объяснении поведения сложной когнитивной систем наибольшее значение имеет абстрактная каузальная организация системы, и вычислительные формализмы оказываются идеальным каркасом, с помощью которого может быть описана и проанализирована подобная организация.

Функциональную организацию лучше всего трактовать в качестве абстрактной схемы каузального взаимодействия различных частей системы. Функциональная организация определяется конкретизацией количества абстрактных элементов, множества различных возможных состояний для каждого из компонентов и системы отношений зависимости, уточняющих, как состояние каждого из компонентов зависит от предыдущих состояний всех компонентов и от их данных на входе в систему, и как данные на выходе системы зависят от предшествующих им состояний ее компонентов.

Физическая система реализует данную функциональную организацию, если эта система может быть разделена на надлежащее множество физических элементов, каждый из которых наделен надлежащим множеством состояний – таких, что отношения каузальной зависимости между компонентами данной системы и данными на входе и выходе в точности отражают отношения зависимости.

Наличная функциональная организация может быть реализована разными физическими системами. Организация, реализованная мозгом на нейронном уровне, может быть реализована кремниевой системой. Описание функциональной организации мозга абстрагируется от

физической природы задействованных частей, и от того, как именно реализуются каузальные соединения.

Функциональная организация физической системы предстает на множестве разных уровней. Если нас интересует познание, то мы сосредоточимся на уровне, достаточно детальном для того, чтобы определять связанные с мозгом поведенческие способности. На нейронном уровне функциональная организация будет определять поведенческие способности.

Тезис Д. Чалмерса состоит в том, что сознательный опыт порождается высоко детализированной функциональной организацией. Тем самым обосновывается принцип организационной инвариантности, согласно которому, если имеется система, обладающая сознательными переживаниями, то любая система с точно такой же высоко детализированной функциональной организацией будет обладать качественно тождественными переживаниями. В соответствии с этим принципом сознание – это организационный инвариант: свойство, остающееся неизменным у всех функциональных изоморфов данной системы. Если эта функциональная организация такова, какой она должна быть, это определит сознательный опыт¹.

Таким образом, так же, как можно верить в то, что сознание порождается физической системой, но не является физическим состоянием, можно верить в то, что сознание порождается функциональной организацией, но не является функциональным состоянием. Эта позиция называется Д. Чалмерсом нередуктивным функционализмом.

Данная связь упрощает защиту сильного искусственного интеллекта. Принцип организационной инвариантности утверждает, что относительно любой системы, наделенной сознательными переживаниями, верно, что система, обладающая такой же высоко детализированной функциональной организацией, будет обладать качественно идентичными сознательными переживаниями.

Против существования сильного искусственного интеллекта выступает Дж. Серл. В качестве аргумента Серл просит нас представить себя англоязычным человеком, запертым в комнате, и получившим большую «партию» китайской письменности плюс вторую «партию» китайской письменности, а также набор правил на английском языке

¹ Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 412.

для соотношения второй партии с первой¹. Правила соотносят один набор формальных символов с другим набором формальных символов; «формальный» (или «синтаксический») означает, что мы можем идентифицировать символы полностью по их форме. Третья партия китайских символов и дополнительные инструкции на английском языке позволяют соотносить элементы этой третьей партии с элементами первых двух партий и дают инструкции таким образом возвращать в ответ определенные виды китайских символов с определенными формами. Те, кто дают нам символы, называют первую партию «прописями», вторую партию они называют «историей» и третью партию они называют «вопросами»; символы, которые мы возвращаем, они называют «ответами на вопросы». Набор правил на английском языке они называют «программой»: мы сами ничего из этого не знаем.

Тем не менее мы настолько хорошо следуем инструкциям, что с точки зрения человека, находящегося за пределами комнаты, наши ответы абсолютно неотличимы от ответов говорящего на китайском языке. Просто глядя на наши ответы, никто не может сказать, что мы не говорим ни слова по-китайски.

Но, представляя себя человеком в комнате, Серл делает вывод, что «совершенно очевидно, что я не понимаю ни слова из китайских историй. У меня есть входы и выходы, которые неотличимы от настоящих для носителя китайского языка, и я могу иметь любую формальную программу, которая вам нравится, но я все равно ничего не понимаю»².

Вместе с публикацией «китайской комнаты» Серл сразу приводит свои ответы на несколько возможных опровержений.

«Аргумент о системе» предполагает, что пример китайской комнаты побуждает нас сосредоточиться на неправильном агенте: мыслительный эксперимент заставляет нас перепутать потенциального субъекта, обладающего умственными способностями, с человеком, находящимся в комнате. Системный ответ утверждает, что «человек, запертый в комнате, не понимает истории», но утверждает, что «он просто часть целой системы, и система действительно понимает историю».

¹ *Searle J.* Intentionality. An essay in the philosophy of mind. Cambridge. 1983. P. 67

² *Searle J.* Ibid. P. 69

Основная реплика Серла на это заключается в том, чтобы «позволить индивидууму усвоить всю систему», запомнив правила и сценарий, а также выполняя поиск и другие операции в своей голове. «Все равно», – утверждает Серл, – «он ничего не понимает в китайском языке, как и в системе, потому что в системе нет ничего, чего не было бы в нем»¹.

П. Кугель в своей статье «Китайская комната – это фокус» указывает на формальную проблему эксперимента².

В поддержку своего заявления Серл просит нас представить себе «китайскую комнату», которая имитирует то, что могут сделать компьютеры, чтобы создать видимость понимания китайского языка, не имея внутри ничего, что соответствовало бы «пониманию».

Большинство из тех, кто выступал против аргумента Серла (а их было много) приняли (1) и (2) и попытались найти «понимание» в этой комнате. Это ошибка, потому что Серл прав: понимания нет.

Понимание не потому отсутствует, что компьютеры не могут его иметь. Оно отсутствует потому, что утверждение (1) – что комната может делать все, что могут компьютеры, – ложно. Имитация комнатой компьютера настолько плоха, что утверждение (2) – что комната может хорошо притворяться свободно владеющей китайским языком, – тоже ложно.

Причина, по которой комната не может справиться с подобными вещами, заключается в том, что она не может записать ничего из того, что может прочитать ее пользователь. Согласно Серлу, он может писать только китайские иероглифы, которые Серл не может прочитать³.

Д. Чалмерс считает, что главная проблема Серла состоит в том, что он не придает должного значения ключевой роли имплементации. Программы – это абстрактные вычислительные объекты, и они сугубо синтаксичны. Ни одна программа как таковая не может претендовать на наличие в ней ментального. Но имплементации программ – это конкретные системы с каузальной динамикой, и они не есть нечто сугубо синтаксическое. Имплементация имеет каузальный вес в реальном мире, и благодаря этому весу возникает сознание и интенциональность.

¹ Там же.

² Kugel P. The Chinese room is a trick. Behavioral and brain sciences, 27, 2004. P. 153.

³ Kugel P. Ibid. P. 154.

Синтаксична програма, имплементация же има семантичко содржание¹.

Формална система, способна на это, ќе ја има сложеноста, споредлива со сложеноста на човечкиот мозок. Може да се постави следно прашање: што, всушност, е способноста да се одговори на било кои прашања различно од разбирањето на јазикот? Такво определување «разбирањето» вистинито одговара на тоа, како еден човек *убедува* во разбирањето на предметот преку друг човек.

Резултати на истражувањето

Најсложена проблематика за свесноста на роботот – тоа е можноста роботот да има реални субјективни переживања. Иако многу пристапи на современ етап на развој на роботизирано свесноста имаат набор од предважати предпоставки, кои се користат за истражување на тоа, што може да се нарече «старо добро уметничко свесноста».

Уметничко свесноста подразбира физичкиот свет, во кој свесноста се јавува како резултат на одредено интермедиумно ниво. Теорија, заснована на идејата, што свесноста се јавува од интермедиумно ниво, треба да објасни, што е тоа ниво и зошто тоа произведува свесноста. Иако објаснувањето е проблематично, бидејќи наместо тоа, што би објаснувало свесноста, теоријата воведува ново ниво како интермедиумна суштност, која само изгледа помалку проблематично. Интермедиумно ниво, напротив, е деструктивно средство на објаснување, бидејќи тоа додава две нови проблеми: карактеристики на новото ниво и неговата врска со свесноста. Такво пристап може да се нарече «заблудување на интермедиумно ниво», и тоа изгледа привлечно, бидејќи воведеното ниво изгледа помалку плашеливо и повеќе познато, отколку само свесноста.

Поискот на свесноста во физичкиот свет е потребен, кога целта е проектирање на свесноста на роботот. На роботот не се даваат други ресурси, освен оние кои ги предлага физичкиот свет. Тоа може да се покаже како баналност, но сите пристапи работат по овој принцип. Затоа било кои неспособни решенија ќе бараат отстапувања од претпоставката, која до сè порепреградвала на било кој

¹ Чалмерс Д. Свесноста на ум: во повој на фундаментална теорија. М.: УРСС: Книжниот дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 412.

прогрессу – т. е. от «трудной проблемы» с общим убеждением, что сознание это нечто отличное от физического мира. Мы должны пересмотреть этот вопрос с самого начала.

Заключение

Представляется возможным сформировать радикальную альтернативу, которая проистекает из отхода от некорректных теоретических рамок, порожденных принятием «трудной проблемы сознания». В-первых, следует считать, что сознание должно быть таким же, как и все остальные окружающие физические свойства, тем, что можно измерить, наблюдать. Более того, сознание является причинно-следственным и расположено в пространстве-времени. Наконец, оно сделано из материи или энергии. Эти предпосылки являются не более чем повторением предположения, что сознание является физическим. Фактически, все, что является физическим, – пространственно-временное, причинно-следственное, состоит из материи/энергии и наблюдаемо.

В настоящее время развитие теорий искусственного интеллекта и некоторых теорий сознания идет рука об руку. Однако мы видим, что принятие гипотезы «сильного» искусственного интеллекта приводит к несовместимости с ним многих существующих теорий сознания, в особенности идеалистических.

Несмотря на то что вопрос о возможности «сильного» искусственного интеллекта остается открытым, основные аргументы против него, такие как «китайская комната», все больше уступают под давлением новых разработок в области «умных машин».

Таким образом, не существует принципиальных преград для существования искусственного интеллекта. Внешние и внутренние возражения не являются достаточно убедительными. Имеется серьезное позитивное основание утверждать, что имплементация надлежащего вычисления повлечет за собой появление сознательного опыта. Так что перспективы машинного сознания можно признать хорошими, если не на практике, то хотя бы в принципе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чалмерс Д.* Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории / Д. Чалмерс. – Москва : УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 512 с.

2. *Dreyfus H.* What Computers Can Do / H. Dreyfus // New York, 1972. – 287 p.
3. *Kugel P.* The Chinese room is a trick / P. Kugel // Behavioral and Brain Sciences. – 2004. – № 27. – P. 153–168.
4. *Searle J.* Intentionality. An essay in the philosophy of mind / J. Searle // Cambridge, 1983. – 375 p.
5. *Penrose P.* The Emperor's New Mind: Concerning Computers, Minds and The Laws of Physics / P. Penrose. – New York, 1989. – 529 p.

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ Ю. ХАБЕРМАСА

Аннотация. В данной статье автор рассматривает актуальность эволюционной теории общества Юргена Хабермаса в настоящий период. Связав теорию коммуникативного действия, проекцию общества в виде двойной структуры, состоящей из жизненного мира и системы, и теорию позднего модерна, Хабермас выстраивает теорию общественного развития. Он рассматривает, как в условиях колонизации системой жизненного мира рациональная коммуникация делает возможным создать новое равновесие между этими двумя структурами и приблизиться к достижению социального равенства и справедливости в обществе.

Ключевые слова и словосочетания: Хабермас, общество, теория общественного развития.

Введение. Технологический прогресс в современном обществе ведет к усилению социального неравенства, отторжению традиционных ценностей, падению нравственности, усугублению изоляции и отсутствию нормального взаимодействия, сотрудничества и диалога как между индивидуумами, так и между группами людей. В поисках зерен истины, которые можно было бы посеять в хаосе современности, мы решили обратиться к эволюционной теории общественного развития немецкого философа Юргена Хабермаса. Как он отметил в интервью газете «Frankfurter Rundschau», если раньше общество сталкивалось с неопределенностями локально и неравномерно и их незаметно разрешали компетентные специалисты той или иной подсистемы, то, «напротив, экзистенциальная неопределенность теперь распространяется глобально и одновременно, а именно в умах самих медиально связанных людей» [10]. Юрген Хабермас создал эволюционную теорию общественного развития, в которой рассматривал общество как двойную структуру жизненного мира и системы с изменяющимся равновесием. Семья, культура, традиция составляют поле жизненного мира. Совокупность социальных институтов и структур составляет систему. Жизненный мир взаимодействует со сферой коммуникативного действия и нацелен на взаимопонимание людей при помощи языка. Система – это государство и экономика, действующими силами кото-

рой являются власть и деньги. Развиваясь, система все больше дифференцируется и усложняется, постепенно «колонируя» жизненный мир, отделяя человека от коммуникативных и интегративных процессов. Как считает Хабермас, результатом этого процесса становятся кризисы в управлении системы и патологии жизненного мира. Общество, в котором социальное взаимодействие регулируется посредством власти и денег, не может стать социально справедливым. Хабермас предлагает строить рациональную коммуникацию, которая приведет к достижению консенсуса между участниками. Он понимает, что общественный дискурс в глобальном обществе сложно осуществить, тем не менее, начав достигать согласия в малых группах, общество сможет перейти к решению глобальных вопросов, стремясь достигнуть социальной справедливости для всех. Хабермас также призывает к критике социальных структур существующей системы с целью установления нового равновесия между системой и жизненным миром и формированию нового социального порядка.

Теория общественного развития. Ю. Хабермас в теории общественного развития комплексно связывает теорию коммуникативного действия, общество в виде сочетания жизненного мира и системы, теорию позднего модерна и колонизации жизненного мира. Он не считает, что индивидуальное однозначно довлеет над социальным, на поведение индивидуума также влияют взаимодействующие система и жизненный мир. Выстраивая теорию коммуникативного действия, Ю. Хабермас разделяет общественную жизнь людей на сферу труда и сферу коммуникации. Сфера труда подразумевает воздействие человека на природу с помощью инструментов с эгоистичными целями и стремлением достигнуть результата. Человеческое взаимодействие в сфере коммуникации ограничено интерсубъективно значимыми нормами, которые ориентированы на общепризнанные поведенческие ожидания участников и нацелены на достижение консенсуса между ними.

Хабермас признает коммуникацию рациональной, если соблюдаются четыре нормы истинной коммуникации: ясность, правда, моральная чистоплотность, искренность. В противном случае коммуникация будет асимметричной и являться принуждением для одной из сторон. «Рациональное общество будущего», по мнению Хабермаса, возможно только при открытой и свободной коммуникации [1, с. 2]. Язык коммуникативной рациональности способен стать общим языком всех действующих лиц диалога и привести к добровольному согласию, вза-

имопониманию действующих индивидов по фундаментальным вопросам, в первую очередь по вопросам социальной справедливости. Хабермас считает, что общественные нормы справедливости и правила поведения могут быть не заданы, а выработаны непосредственными участниками общественных отношений в процессе открытого дискурса. Дискурс для него – не просто диалог ради процесса общения, а форма коллективного размышления с рефлексией, реконструкцией и критикой социального бытия, направленной на достижение нормативной истины и приводящей к согласию по основным общественно значимым вопросам. «Нормы, предлагаемые на обсуждение такому форуму, могут быть обоснованы и одобрены лишь тогда, когда они отвечают общему интересу всех, кого они касаются. Поэтому значение дискурсивно обоснованных норм двойное: они в каждом конкретном случае позволяют выяснить, что именно представляет равный интерес для всех; они также выражают всеобщую волю, вобравшую в себя волю всех без всякого ущемления» [6, с. 24]. Таким образом, коллективный разум становится тем авторитетом, который определяет общественную мораль и нормы поведения. Нормы, выработанные в ходе общественного дискурса, могут быть приняты только тогда, когда все интересы участвующих индивидов учтены и последствия прямые или побочные принимаются ими без принуждения. Достигнуть такого согласия можно, признав изначальную равноценность интересов и желаний всех участников дискурса, для чего они должны абстрагироваться от своих частных интересов и признать реальность любого другого индивида или абстрактного, совокупного Другого. Хабермас допускает в качестве способа воздействия на участника дискурса, даже скептически настроенного, только аргументированное убеждение, которое исключает давление и насилие в любой его форме. Есть одна оговорка: несмотря на то что результат определяется свободной дискуссией, участники не имеют права отказаться от нее. Хабермас осознавал, что идеальная ситуация, когда участники жизненного мира по своей доброй воле идут к достижению полного согласия, труднодостижима в реальном мире. Но он также считал, что общество добилось определенного прогресса в объективном и недискриминационном применении норм морали. Скептика, являющегося членом общества, но пытающегося уклониться от участия в общественном дискурсе, Хабермас обличал в недоразвитости, противоречивой и саморазрушительной позиции, к которой ведет обособление от общества. Таким образом, он

видел, что достижение всеобщего дискурса является сомнительным, но в малых группах оно вполне возможно, и существует необходимость максимального расширения числа участников рациональной коммуникации. Компромисс и солидарность стоят в основе рациональной коммуникации. Она, став основой общественного договора, способна привести к социальной справедливости, миру и стабильности в обществе. Хабермас предупреждает, что коммуникация с элементами манипуляции мыслями и поведением людей, в том числе через средства массовой информации и другие различные информационные системы, приведет к искаженной коммуникации, следовательно, к формированию некритичного и фрагментарного обыденного сознания. Подобная коммуникация, в первую очередь, является признаком преобладания личного эгоистичного интереса и попыткой выдать его за общественный. Настоящее согласие основывается на общих убеждениях, к которым общество приходит, как говорилось ранее, через осуществление свободного дискурса.

Хабермас разделяет общество на две составляющие: жизненный мир и систему. Жизненный мир – это совокупность убеждений и установок, собранных в общее поле (конкретного исторического периода и культурных традиций), к которому обращаются участники коммуникации и находят нужные интерпретации для достижения взаимопонимания. Можно сказать, что содержание жизненного мира в предрефлексивной форме уже присутствует в их сознании. «Для того, чтобы можно было распознать и понять содержание жизненного мира, он стандартизируется с помощью языка. Содержание жизненного мира всегда неявно, поэтому может быть представлено в бесконечных смыслах (тем более, предложениях, текстах). Это целостное структурированное знание, элементы которого указывают друг на друга» [2, с. 131]. Жизненный мир у Хабермаса может выступать как фон в ситуации действия, поскольку участники коммуникации изначально находятся в языковой и культурной среде. Понятие «жизненный мир» дополняет понятие «коммуникативное действие», поскольку является отражением реальности в сознании переживающего субъекта. Хабермас пишет, что не считает целесообразным теоретическое понимание жизненного мира. Культура, общество и личность воспроизводятся через повседневную практику. «Культурой я называю запас знания, из которого участники интеракции, стремясь достичь понимания относительно чего-либо в мире, черпают интерпретации. Обществом

я называю легитимные порядки, через которые участники коммуникации устанавливают свою принадлежность к социальным группам и тем самым обеспечивают солидарность. Под личностью я понимаю компетенции, делающие субъекта способным к владению речью и к действию, т. е. позволяющие ему принимать участие в достижении понимания и тем самым позволяющие ему утверждать свою идентичность» [2, с. 209]. Жизненный мир социализирует индивидов через согласование личных историй с коллективной историей. Преемственность и сохранение традиций в повседневной практике происходит с помощью языка культурологической составляющей жизненного мира. Хабермас отмечает, что жизненный мир «равнозначим обществу только в ограниченных исторически, домодернистских сообществах. В реальности действия координируются не только посредством процесса понимания, но и через безъязыковые средства управления, экспертные культуры и функциональные связи, которые часто даже не осознаются в пределах повседневной практики. Таким образом, современные общества используют два способа социальной интеграции: коммуникативно-структурированный и формальноорганизованный» [2, с. 132].

Семья, культура, традиция будут составлять поле жизненного мира, и это один способ понимания мира. Совокупность социальных институтов и структур будет составлять систему, и это другой способ понимания мира.

В понятие «система» Хабермас включает политические и экономические структуры общества. Политические структуры отвечают за организацию отношений власти, экономические – за производство и распределение материальных ресурсов. Власть и деньги – две главные формы управляющих средств соответственно государства и экономики. Государство организуется на основе распределения власти, а экономика – денежного обращения. Уникальность власти и денег в том, что они являются абстрактными, обезъязыченными («delinguistified») средствами; действуют в соответствии с целеориентированной, инструментальной логикой, находящейся вне сферы нормотворческих языковых дискуссий, приводящих к консенсусу [3, с. 106].

Система и жизненный мир взаимодействуют друг с другом по-разному в разные исторические периоды и Хабермас выстраивает свою социологическую концепцию, изучая эту историческую трансформацию. Он называет ее теорией позднего модерна. В процессе эволюции

от Реформации до Индустриализации система порабощает жизненный мир, деньги и власть все больше доминируют в обществе, рациональность захватывает семью, культуру и подчиняет себе традицию. Это состояние Хабермас называет зрелым модерном.

Он выделяет следующие уровни форм социальной интеграции:

- структура права и обязательных моральных представлений;
- структура картин мира;
- всеобщая структура действия.

«Что касается исторического развития общества, то Ю. Хабермас представляет следующую его схему:

Неолитические общества:

- а) общепринятая структурированная система действия;
- б) мифологическая картина мира на основе признания существования высшего, справедливого начала (бога (-ов));
- в) правовое регулирование конфликтов с позиции оценки последствий действия, компенсации ущерба, восстановления статуса и пр.

Ранние культуры:

- а) общепринятая структурированная система действия;
- б) мифологическая картина мира выполняет функцию легитимизации господства;
- в) конфликты регулируются с помощью общепризнанной морали, в основе которой фигура правителя, воплощающего справедливость.

Развитые культуры:

- а) общепринятая структурированная система действия;
- б) разрыв с мифологическим мышлением, образование рационализированных картин мира;
- в) конфликты регулируются с помощью общепризнанной морали, не соотносимой с фигурой правителя (зависимое от традиции, но систематизированное право).

Модерновые общества:

а) автономно структурированные сферы действия: вычленение универсалистски управляемой сферы стратегического действия (буржуазное частное право) и основанной на формализованных принципах системы политического управления (формальная демократия);

б) универсалистски построенные доктрины легитимизации (рациональное естественное право);

в) конфликты регулируются на основе четкого разделения законности и морали: всеобщее, формальное право или частная мораль на основе соответствующих принципов» [2, с. 130].

Хабермас считает, что общество определяется коммуникативной рациональностью и господствующей формой социальной интеграции, а на его развитие в первую очередь оказывают влияние ценности и нормы. Он предлагает ориентировать общество не на успех, а на достижение понимания. Важно, чтобы индивиды могли свободно обсуждать высшие ценности, чтобы их коммуникация становилась личностно освоенной социальностью.

Исторически система, вычленившись из жизненного мира, постепенно начинает его структурировать, увеличивая степень и дифференциацию рациональности, делая общество все более сложным и многогранным. Она сковывает способность жизненного мира развиваться. Государство и экономика, как части системы, все больше вторгаются и подчиняют себе жизненный мир. Семьи связаны с обществом посредством денег: заработные платы, выплаченные за труд, затем расходуются на покупку товаров и услуг. Семьи практически не влияют на размер заработной платы, она определяется рынком труда, цены на товары и услуги также определяются рынком, получается, что семьи не влияют и не контролируют процесс обмена. В то же время индивиды связаны с государством не столько как просвещенные граждане, способные эффективно влиять на политические решения, сколько как «клиенты», которые пользуются услугами (образование, здравоохранение, социальное обеспечение и т. д.). Такая «клиентская» связь усиливается по мере того как государство проникает во все более многочисленные сферы, которые прежде были свободны от политического вмешательства. Государство не только вмешивается в экономику для сведения к минимуму дестабилизирующих флуктуаций в сфере рынка (например, путем создания государственного сектора или повышения участия в капитале); оно также все глубже проникает в область частных вопросов, обычно относящихся к «жизненному миру». Государство сегодня фактически регулирует каждый аспект персонального «выбора» (брак, рождение, эвтаназию) [3, с. 106]. Поскольку государство не может обеспечить удовлетворение запросов всех слоев общества в равной степени для обеспечения массовой лояльности граждан, в системе образуются «кризисы легитимации», когда раскрываются противоречия политической системы. И тогда, чаще всего, государство в первую очередь встает на защиту прав привилегированных слоев, которые обеспечивают рост экономики, что противоречит принципам

всеобщего равенства, составляющим основу большинства политических систем. Для избежания или предупреждения таких кризисов государство проводит различные программы по социальному обеспечению граждан, в частности его социально наименее защищенных представителей. Организация регулярных избирательных кампаний для граждан обеспечивает легитимность государства, но в то же время ограничивает их политическое участие в принятии большинства политических решений и освобождает государство от регулярной публичной отчетности.

Таким образом, дифференциация и усложнение организации общества, образование новых структур отделяют человека от коммуникативных и интегративных процессов жизненного мира. Современная цифровизация еще больше и глубже вторглась в частный мир личности и подчинила его системе, отдалив людей друг от друга, подменив многогранное живое общение между людьми цифровым суррогатом. Чем больше общество, тем дальше друг от друга обособляются система и жизненный мир, жизнь человека становится механистичнее и подчиняется системе. Свобода, которую принесла информатизация, оказалась на самом деле ложной, и правила теперь диктуют не традиции и нормы, а компании, владеющие информационными системами. Пример такой механизации: замена живого оператора, принимающего запросы от граждан в государственных и частных компаниях, роботом-алгоритмом. С ним диалог в принципе невозможен, только одностороннее выполнение алгоритма, если вопрос отличается от стандартного, ответ не будет получен. Индивиды не могут достигнуть понимания, поскольку дискурс между ними невозможен и их коммуникативное действие вытеснено СМИ и цифровыми суррогатами общения. Другой пример глубокого вторжения системы в жизненный мир человека это современные биотехнологии. Практическое решение различных задач, связанных со здоровьем человека, приводит к изменению его природы, вмешательству в вопросы жизни, смерти, телесности, ментальности, идентичности и самоидентификации. Это вызывает соответствующие системные кризисы и глубокие патологии жизненного мира на глубоко личностном уровне. Сейчас сложно понять, возможно ли на этом уровне вмешательства обрести новое равновесие между системой и жизненным миром или это путь к саморазрушению человечества.

Поглощение системой жизненного мира Хабермас называет «колонизацией». «В этом процессе управляющие средства системы (деньги и власть), а также ее технико-инструментальная логика приходят на смену согласованному обсуждению разделяемых значений, являвшихся основанием социальной интеграции и воспроизводства жизненного мира. Результатом этого процесса явилось “полностью управляемое” общество, в котором социальные связи все больше устанавливаются и регулируются посредством власти и денег, а межличностные споры и дискуссии в сфере жизненного мира начинают оказывать все меньшее воздействие на организацию системы» [3, с. 108]. Хабермас призывает к критике существующих социальных структур с целью установления нового равновесия между системой и жизненным миром и формированию нового социального порядка. Если в малой группе мы могли говорить о всеобщем консенсусе, то в глобальном, но цифровом обществе, это становится невозможным, поскольку люди фактически отделены друг от друга и голос человека тонет в системе, коммуникация иррациональна уже по форме своего построения, ведь с роботом невозможно договориться. Хабермас в одном из своих интервью огорчается, что первая медиареволюция в истории человечества служит больше экономическим, а не культурным целям [9]. А ведь именно в момент коммуникации общество воссоздает себя, и это скрепляет его социальную структуру путем обновления консенсуса, приводит к солидарности и стабильности.

Заключение. В теории общественного развития Ю. Хабермас исследует растущую напряженность между системой и жизненным миром вследствие «колонизации» последнего. Он призывает к критике системы для предупреждения и исправления возникающих кризисов управления. Предлагает осуществлять рациональную коммуникацию для достижения социальной справедливости в обществе и излечения «патологий жизненного мира». Таким образом, он предполагает создать необходимые условия для того, чтобы установить новое равновесие между системой и жизненным миром. Ю. Хабермас надеется, что протестная деятельность социальных движений и коммуникативные действия способны помочь в достижении этого результата. Но указывает и еще на одну большую проблему: это фрагментация повседневного сознания и отдаление его от традиции вследствие искаженной коммуникации и вмешательства системы в структуры жизненного

мира. Мы можем наблюдать, что глобализация, цифровизация принесли как новые возможности, так и новые проблемы на пути достижения социальной справедливости. Только при условии соблюдения норм истинной коммуникации: ясности, правдивости, моральной чистоплотности и искренности современные информационные средства общения помогут обрести доверие и согласие.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абагеро Д. Д.* Сравнительная характеристика теории общества Ю. Хабермаса и Н. Лумана / Д. Д. Абагеро, А. С. Кожемяко // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. – 2018. – № 3. – С. 1–8. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34899569>. (дата обращения: 28.03.2022).

2. *Мезенцева Т. А.* Взгляды Ю. Хабермаса на социальную реальность / Т. А. Мезенцева // Человек – Культура – Социум в начале XXI века: сборник научных статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием, Ялта, 21–22 ноября 2019 года. – Ялта: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2020. – С. 126–133. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42407948>. (дата обращения: 28.03.2022).

3. Классическая и современная социологическая теория: современные социологические теории / Э. Гидденс, П. Бурдьё, Ю. Хабермас // Наука. Культура. Общество. – 2010. – № 2. – С. 147–158. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38588810>. (дата обращения: 28.03.2022).

4. *Спивак В. И.* Концепция «жизненного мира» Ю. Хабермаса / В. И. Спивак, Д. Ф. Зайцев // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2020. – Т. 21. – № 4–1. – С. 61–68. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44397855>. (дата обращения: 28.03.2022).

5. *Усов Д. В.* Коммуникативная версия теории общественного договора в период перехода к информационному обществу: Ю. Хабермас / Д. В. Усов // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. – 2014. – № 2(8). – С. 41–54. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22781792>. (дата обращения: 28.03.2022).

6. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью / Ю. Хабермас. – Москва: издательский центр «Akademia», 1995. – 245 с. – ISBN 5-86187-044-6. – Текст непосредственный.

7. *Хабермас Ю.* Техника и наука как «идеология» / Ю. Хабермас; пер. с нем. М. Л. Хорькова. – Москва: Праксис, 2007. – 208 с. – ISBN 978-5-901574-61-4. – Текст непосредственный.

8. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас; пер. с нем. М. М. Беляев, К. В. Костин, Е. Л. Петренко и др. – Москва : Весь мир, 2008. – 416 с. – ISBN 978-5-777-0423-8. – Текст непосредственный.

9. *Hermoso B.* Jürgen Habermas: “For God’s sake, spare us governing philosophers!” / B. Hermoso. – El Pais. – MAY 25, 2018. – URL: https://english.elpais.com/elpais/2018/05/07/inenglish/1525683618_145760.html (besucht am 27 april 2022).

10. *Schwering M.* Jürgen Habermas über Corona: „So viel Wissen über unser Nichtwissen gab es noch nie“ / M. Schwering. – Frankfurter Rundschau. – 10.04.2020. – URL: <https://www.fr.de/kultur/gesellschaft/juergen-habermas-coronavirus-krise-covid19-interview-13642491.html> (besucht am 27 april 2022).

ЦИФРОВЫЕ НОМАДЫ: ПУТЬ В НИКУДА?

Аннотация. В статье идет речь об осмыслении феномена «цифровых номадов». В фокусе интереса автора оказываются духовно-нравственные ценности, отношение к пространству и времени, коммуникативный процесс. Рассматривается проблема идентификации «цифровых номадов» в культуре.

Ключевые слова и словосочетания: цифровые номады, культура, ценности, идентичность, пространство, время, коммуникация.

Современный этап в изучении становящейся информационной цивилизации приводит к тому, что исследователи все чаще обращаются к различным проявлениям и характеристикам информационного общества, пытаясь осмыслить его сущность, перспективы развития, духовно-нравственные ценности. Дело в том, что в условиях новой реальности индивид с легкостью меняет свою социальность на «атомарность» собственного существования. Так, например, в результате этого процесса появляются цифровые номады (кочевники) – это люди, не зависящие от своего местоположения и использующие современные технологии для выполнения работы, ведущие кочевой образ жизни. Современная наука рассматривает цифровое кочевничество как весьма актуальную сферу исследований. Самые разные ученые в области гуманитарных, социальных и информационных технологий посвящают данной теме свои работы (Ж. Делез, Ф. Гваттари, А. Бард и Я. Зодерквист, И.Кужелева-Саган и многие другие).

Наиболее сложное для цифрового номада в ситуации регулярной смены жительствова – правильно выстроить рабочее пространство и коммуникацию.

Дело в том, что для кочевников (для кочевых этносов) характерно слитное восприятие пространства и времени, отменяющее неизменяемое пространство и постоянную временную шкалу, замещающее их изменчивым бытием. Ментальность оседлого образа жизни предполагает, что пространство и время – объективно. Они образуют мировые оси, в пределах которых и находится жизнь людей. В кочевой ментальности пространство и время существуют субъективно и без человека не изменяются. Головин А.В. рассматривая особенности кочевников, отмечает, что странное для оседлого человека своеобразие

мышления и мотивации кочевников заключается в том, что они кочуют не по нужде и не от безысходности, а по велению души и согласно инстинкту движения [2].

Известный философ и футуролог Тоффлер, предсказывая эпоху неудержимой мобильности и перманентного ускорения в развитии науки, техники и культуры, обозначает «новыми номадами» жителей этой новой реальности. «Все, что прежде было укоренено, ныне сотрясается под ураганным напором ускорений... Никогда в истории расстояние не значило столь мало, а отношение человека к месту не было столь множественным, непрочным и преходящим. Мы видим исторический упадок значения места в человеческой жизни. Мы выращиваем новую расу номадов, и немногим ведомо, насколько массивны, развернуты и существенны их миграции» [7, с. 35, 75].

В результате происходит девальвация старой системы ценностей и формируются новые ценностные установки. Это очень значимый процесс, поскольку в идентичности личности или группы преобладает не природная составляющая, а ценностная. Ценность можно определить как интерпретацию реальности, в которой субъект выражает свои предпочтения относительно нее. Цифровых номадов характеризует высокий уровень социальной и индивидуальной мобильности. Они склонны к ценностному релятивизму, отказу от восприятия реальности сквозь призму иерархических структур, существующих в морали и политике, переводу информации дескриптивного характера в технологическую. В современном обществе преобладают нелинейные информационные потоки, в результате чего усиливается субъективизация как в межиндивидуальных и межгрупповых, так и в межпоколенных коммуникациях. Цифровые номады сводят коммуникацию к безличной трансляции готовой информации.

Филина О.А. [5] отмечает, что рано или поздно, но подобные установки вступают в противоречие с традиционными моральными ценностями. К этим ценностям исследователь относит: высокую степень укорененности в географическом и духовном родном пространстве, моральный абсолютизм, склонность к выстраиванию ценностной иерархии в морали и политике, устремление к поиску смысла, а не информации, готовность к нравственно открытому типу общения.

Любая человеческая деятельность носит целенаправленный характер и ее прогностические возможности позволяют систематизировать деятельность, направлять ее на создание стабильных структур. Это

позволяет воспроизводить во времени и в пространстве алгоритмы человеческого поведения в случаях неполной информационной определенности. Именно культура является тем социальным механизмом, который позволяет информационно связывать между собой три состояния времени – прошлое, настоящее и будущее.

Таким образом, культура оказывается результатом непрерывного коммуникативного взаимодействия, возникающего между последовательно сменяющимися поколениями и приводящего к формированию и развитию культурного пространства. Этот процесс протекает в форме текстового взаимодействия. В результате общекультурный коммуникативный поток формирует особое семиологическое поле как в духовной, так и в материальной сфере.

В культуре человек обеспечивает свое самовоспроизводство. Культура задает нормы творческого (неопределенного, невозпроизводимого, сложно поддающегося обучению) и репродуктивного поведения. В то же время можно утверждать, что чрезмерная активность человека по отношению к нормам, существующим в социальной среде, может осуществляться только во вред механизмам социальной регуляции. Нарушение «меры открытости» системы общественных отношений в этом направлении негативно влияет на человеческое сообщество точно так же, как и «закрытость».

Культура является базисным способом существования и выполняет весьма важную функцию, сутью которой оказывается генерирование средств и форм организации культурного времени и пространства в физическом времени и пространстве.

На пути цифрового кочевника невозможно обнаружить единой цели. Но даже если цель намечается, кочевник движется к ней самыми разными путями, используя и репродуктивные, и творческие возможности. Но именно изменчивость траекторий не позволяет укорениться кочевнику в том или ином пространстве и времени и закрепиться традициям.

Яковлева Е.Л. отмечает, что цифровые кочевники растворяются в пространстве Всемирной паутины связанных между собой страниц с определенной информацией. Точки отправления и пункты «(при)-бывания» теряют для них свою значимость и актуальность. В результате огромные расстояния неожиданно для номадов сворачиваются, а длительная продолжительность времени превращается в мгновения.

Можно утверждать, что ни инкультурация, ни ассимиляция цифровых кочевников с культурными традициями и обычаями мест их временного нахождения не происходит. Они живут в собственном пространственно-временном измерении. Цифровые номады предпочитают сохранять нейтралитет к культурам других социальных групп. При этом наметились две стратегии социального взаимодействия. Первая предполагает сохранение и обособление собственной индивидуальности. Вторая заключается в том, что цифровые кочевники, теряясь в информационных потоках, перестают искать смыслы. В результате чего происходит подмена реальных ценностей на псевдо- или гиперреальные, отвлекается внимание от реальных событий, происходящих в мире, сохраняя при этом формально уважительное, но безразличное отношение к окружающему миру, не приводящее, как правило, к маргинализации, поскольку номады остаются в рамках принятых социальных норм и закона. Таким образом, номады не расширяют культурное пространство. В результате проблема идентичности (культурной, национальной, социальной) усложняется. Цифровые номады выходят за пределы собственной идентичности. В том смысле, что перестают осознавать непрерывность собственного существования как в пространстве, так и во времени. Мир воспринимается как некая условность. Условными становятся и социальные роли, и ценности, и движение в пространстве и во времени. Отстаивая ценности свободы, самостоятельности и самодостаточности, цифровые номады приходят к ощущению одиночества и безродности, пытаясь сохранить при этом собственное индивидуальное пространство, собственный культурный код, уникальные культурные особенности. Эти попытки не всегда успешны, поскольку идентификация определяется устойчивостью протекающего процесса, переходами между уровнями сложной организованной системы. А условная устойчивость «цифровых номадов» – это всегда искусственная устойчивость, т.е. подобие устойчивости.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бажутина Н. С.* Человек, культура, творчество / Н. С. Бажутина, Т. О. Бажутина. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2014. –240 с.
2. *Бажутина Т.О.* Философско-психологические основания интерпретации творческой деятельности / Т.О. Бажутина, И.С. Бажутин // Гуманитарные науки в Сибири. – 1996. – № 1. – С. 50–58.

3. Головнёв А. В. Кочевники Севера: ментальность и мобильность / А. В. Головнёв // Новые исследования Тувы. – 2019. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kochevniki-severa-mentalnost-i-mobilnost> (дата обращения: 05.04.2022).

4. Кужелева-Саган И. П. Феномен цифрового кочевничества в современном междисциплинарном дискурсе / И. П. Кужелева-Саган, Д. И. Спичева // Вестн. Том. гос. ун-та. 2020. №454. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-tsifrovogo-kochevnichestva-v-sovremennom-mezhdistsiplinarnom-diskurse> (дата обращения: 05.04.2022).

5. Пронер Н. С. Социальная реальность: коммуникативный аспект = Social reality: communicative aspect / Н. С. Пронер, О. А. Богатырева // Научные труды КубГТУ: электрон. журн. – 2020. – № 3. – С. 385–391.

6. Филина О. А. Проблемы современной информационной этики: автореф. дис. ... канд. филос. наук / О. А. Филина. – Тула, 2009. – 19 с.

7. Яковлева Е. Л. Антиномичность электронного кочевника: опыт философской рецепции посредством метафор / Е. Л. Яковлева // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2019. – № 1 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antinomichnost-elektronnogo-kochevnika-opyt-filosofskoy-retseptsii-posredstvom-metafor> (дата обращения: 05.04.2022).

8. Toffler A. Future Shock / A. Toffler. – New York : Random House. 1970. – 561 p.

ФРЕЙМ «ТЕХНОЛОГИЯ» И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В СФЕРЕ ПРОКРЕАЦИИ¹

Аннотация. Проанализирована взаимосвязь технологического фреймирования с проблемами идентичности в сфере прокреации. Выявлены структурные компоненты фрейма «технология» и рассмотрены возможности построения интерпретационных моделей технологизации прокреативной сферы. Сделан вывод об амбивалентности и контекстуальном характере фрейма «технология» в отношении проблемы идентичности.

Ключевые слова и словосочетания: фрейм «технология», проблема идентичности, прокреация, антропология репродукции, идентичность врача, родительская идентичность.

Проблема нормализации биомедицинских технологий в сфере прокреации является объектом широких междисциплинарных исследований, рассматривающих как теоретические основания и вопросы, так и конкретные практики трансформации и формирования новых норм, ценностей, социальных реалий (Воронина О.А., Исупова О.Г., Киященко Л.П., Ожиганова А.А., Русанова Н.Е., Сидорова Т.А., Тищенко П.Д., Ткач О.А., Browne T.K., Edwards J., Franklin S., Price F., Weinberg R., Saunders B., Strathern M., Thompson Ch. и др.). Данная работа продолжает серию предыдущих статей, связанных с использованием метода анализа фреймов для исследования трансформаций в прокреативной сфере [8, 9]. Гипотеза исследования заключается в том, что через призму теории фреймов можно обнаружить некоторые механизмы, посредством которых технологии меняют социальную реальность. Поскольку фрейм представляет собой «определение ситуации» в социальной реальности (И. Гофман), является «схемой интерпретации» или «матрицей возможных событий» (Г. Батыгин, В. Вахштайн), логично полагать, что на этой основе формируются поведенческие ориентации людей, их установки и отношения к происходящему, к отражаемому (М. Минский и Н.В. Волосухина).

¹ Работа проведена при поддержке РФФИ № 20-011-00609 «Прокреация: фундаментальные и прикладные аспекты социокультурных норм – язык междисциплинарного дискурса».

Заявленную проблемную область в контексте теории фреймов можно изучать, выявляя отдельные практики технологического фреймирования, или, воспользовавшись методологией лингвистического фрейм-анализа, обнаружить существующие схемы интерпретаций социального взаимодействия в рамках фрейма «технология», ведь в человеческой культуре важным для понимания процессов «узнавания» ситуаций является язык. Ч. Филлмор, один из основателей когнитивной лингвистики, отмечает: «кодируемые в языке категории (не только слова и устойчивые выражения, но также различные виды грамматических признаков и синтаксических моделей) предполагают особую структуру понимания культурных установлений, представлений о мире, общего опыта, нормальных и привычных способов поведения в мире и его видения» [11].

Конкретной задачей данного исследования является установление связи технологического фреймирования с проблемами идентичности в сфере прокреации. Участниками дискурса прокреации являются не только потенциальные или актуальные родители, но также социальные институты и группы, прямо или косвенно включенные в процесс воспроизводства человека как человека. В данной работе речь пойдет только об идентичности родителей и врачей, сопровождающих процессы планирования беременности, зачатия, ведения беременности и ведения родов.

Проблема идентичности в прокреативной сфере, разумеется, не нова. В первую очередь, с ней работают психологи. Изучаются смысловые и ценностные ориентации женщин, ожидающих ребенка, их Я-концепция и аутопсихологическая компетентность, поведенческие аспекты материнства, структура идентичности первородящих в связи с различными типами материнского отношения (Сенькова Ю.Е., Захарова Е.И., Кукушкина Н.А., Рыбакова Е.Н., Шиманская Т.Л., Васильева Е.В. и др.), личностные детерминанты и психологические аспекты идентичности отцовства (Bergmann J.R., Евсеенкова Ю.В., Борисенко Ю.Б., Портнова А.Г., Архиреева Т.В., Морозова С.В. и др.). Работ, связанных с анализом идентичности акушеров-гинекологов, найти не удалось. Однако есть работы, исследующие ценностно-смысловые компоненты профессиональной идентичности врача (Водяха А.А., Малютина Т.В. и др.), а также ее трансформацию в специфических современных российских условиях: прекариатизации социально-трудовых отношений (Нор-Аревян О.А. и др.), кризиса престижа

медицинской профессии и переформатирования медицины в сферу услуг (Чикарова Г.И., Абаев Ю.К., Петрова Р.Г.) и пр. Значительное внимание уделяется проблемам формирования профессиональной идентичности у студентов медицинских вузов (Самойлова М.Б., Галкин К.А., Бохан Т.Г., Алексеева Л.Ф., Шабаловская М.В., Морева С.А. и др.).

Под идентичностью обычно понимается самоидентифицированность личности, где интегрируются понимание и переживание своей личности и одновременно неразрывной связи с некоторыми социальными общностями. Формирование и трансформация идентичности, как известно, сложный и внутренне противоречивый процесс образования системы когнитивных, ценностно-мотивационных, поведенческих составляющих [1]. В современной неопределенной и быстро изменяющейся социальной реальности эти процессы являются проблемными как в индивидуальном, так и в социальном аспекте, поэтому вызывают исследовательский интерес не только у психологов и психиатров, но и у социологов, демографов, антропологически ориентированных философов.

В ряде исследований уже давно ставится вопрос о том, что репродуктивные медицинские технологии создают проблемы идентичности в сфере прокреации: ломают стандартные ролевые ожидания и представления о материнстве и отцовстве, о семье (Голод С.И., Ткач О.А., Strathern M., Snouden R. и др.), меняют ценности и мотивы, нормы поведения в прокреации (Беляева М.А., Сидорова Т.А., Тищенко, Edwards J., Van de Каа D. и др). Технологические фреймы – это, с одной стороны, те «схемы интерпретаций», которые позволяют встраивать новые технические средства и технологии в существующую картину мира, с другой стороны, определяя ситуацию, они трансформируют характер наших действий и взаимодействий, влияя на изменение и самой картины мира. Так, например, процедура ЭКО может быть фреймирована как «медицинская помощь», как «вмешательство в естественные процессы», а в крайнем варианте даже как «насилие над природой». Каждый такой тип интерпретации задает определенную оценочную призму, отношение и поведение. В данном исследовании предлагается подойти к рассмотрению проблемы идентичности в прокреации через анализ языкового фрейма «технология» в русском языке.

В современном русском языке понятие «технология» представлено широко. В основном корпусе Национального корпуса русского языка¹

¹ Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru), по состоянию на 08.05.2022.

это понятие имеет 2869 вхождений. Впервые устойчиво встречается в 1950-х годах. Резкий рост употребления этого понятия фиксируется с 2000 года. Преобладающая сфера функционирования – публицистика (50,64 %) и учебно-научная (34,19 %). Именно здесь понятие оказалось в наибольшей степени востребованным. Интересно, что на производственно-техническую сферу приходится лишь 4,15 % словоупотреблений. Газетный корпус – 12 858 вхождений.

В e-library с 2015 по 2021 год проиндексировано 19 545 публикаций с ключевым словом «технология» (по состоянию на 05.05.2022).

Поисковая система Yandex на запрос по слову «технологии» предоставляет 53 млн результатов, 7 млн показов в месяц; по слову «репродуктивные технологии» – 3 млн результатов и почти 9 тыс. показов в месяц (по состоянию на 05.05.2022). Поисковая система Google на запрос по слову «технологии» предоставляет 1810 млн результатов, по слову «репродуктивные технологии» – 1 млн результатов (по состоянию на 05.05.2022).

Можно утверждать, что новостные и газетные публикации, публицистика, учебная и научная литература, сетевая коммуникация имеют определяющее значение в формировании структуры фрейма «технология».

Работа со словарными статьями по термину «Технология» показывает, что: 1) понятие со временем имеет тенденцию к расширению; 2) понятие имеет категориальный, а не терминологический смысл. Так, например, Д. Менделеев в статье «Технология» в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона¹ определил технологию как «учение, связанное с переработкой природных объектов в искусственные для удовлетворения нужд человеческих». А в Словаре терминов антикризисного управления² «технология» определяется как «любое средство преобразования исходных материалов, будь то люди, информация или физические материалы – для получения желаемых продуктов или услуг». Стоит заметить, что за этим определением стоит уже явно технократическая идеология, помещающая людей в разряд «материалов», которые могут/должны быть преобразованы в технологиче-

¹ С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон 1890–1907 – URL: [https://gufo. me/dict/brockhaus /](https://gufo.me/dict/brockhaus/) Технология (дата обращения: 08.05.2022).

² Словарь терминов антикризисного управления. – URL: [https://my-dict.ru/ dic/slovar-terminov-an](https://my-dict.ru/dic/slovar-terminov-an) (дата обращения: 05.05.2022).

ском процессе, согласно заданным целям. Розин В.М. в Новой философской энциклопедии, указывая на историческое расширение содержания понятия, подчеркивает, что в современном мире технология подразумевает «сложную реальность, которая в функциональном отношении обеспечивает те или иные цивилизационные завоевания» (информационные технологии, биомедицинские технологии и т. п.)¹.

Анализ текстов позволил выделить ряд слотов фрейма «технология».

Функциональный (что делает технология?): улучшает, помогает, ускоряет, обеспечивает и др.

Тип реальности: информационные технологии, NBIC-технологии, технологическая реальность.

Порядок и требования: правило, метод, образец.

Тип технологизируемого процесса: Т. производства лекарств, Т. обучения, Т. проведения операции, Т. политического влияния и т. п.

Авторство технологии: технология какой-либо компании, конкретного человека.

Характеристики технологии: дорогостоящая, высокая, запатентованная, наукоемкая и т. п.

Обнаружено четыре структурные компоненты, связанные с технологическим фреймированием в русском языке. Во-первых, фрейм «технология» транслирует установку на расширение человеческих возможностей по созданию и/или преобразованию любых аспектов действительности. Во-вторых, он связан со следующими ценностями: польза, желание, удовлетворение нужды, успех, эффективность, развитие, ускорение. В-третьих, технике и процедурам придается самостоятельное значение, т. е. при соблюдении технологии результат будет достигнут любым субъектом, а ряд технологий вообще не нуждается в субъекте. В связи с этим, в-четвертых, человек выводится из статуса субъектности.

Эти структурные компоненты амбивалентны и могут быть реализованы как различные схемы интерпретации у технооптимистов и технопессимистов. У первых они становятся аргументом для обоснования преимуществ технологизации всего и вся, например, у Н. Бострома или И. Маска, а у критиков технологий – объектом озабоченности. Хорошо

¹ Новая философская энциклопедия (в 4 томах, 2001). – URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/ТЕХНОЛОГИЯ (дата обращения: 05.05.2022).

известна, например, критика технологий Мартином Хайдеггером, полагавшим, что цивилизация работает на «постав», т. е. осуществляется в форме воспроизводства технологических поставляющих цепочек и процессов, Жаком Эллионом, обосновавшим абсурдность современной технологии, Джоном Нейсбитом, представившим шесть симптомов «отравления высокими технологиями» (на основе контент-анализа огромного массива прессы) и др.

В прокреативной сфере, где находят широкое применение вспомогательные репродуктивные технологии, а также технологизируются многие процессы медицинского сопровождения зачатия, беременности и родов, обозначенные структурные компоненты фрейма «технология» задают ценностные, когнитивные и поведенческие интерпретационные модели «определения ситуации». Посредством этого фрейм «технология» влияет на формирование идентичности участников дискурса прокреации, также обнаруживая при этом амбивалентный характер: фрейм «технология» может как вносить дополнительные сложности в процесс идентификации (это подчеркивает, например, термин «расщепленное родительство»), так и формировать новые типы идентичности (например, «донор яйцеклетки», «суррогатная мать» и т. п.).

Технология привлекает тем, что обещает результат, обладает властью знания, транслирует установку на расширение человеческих возможностей. Одних это очаровывает, у других вызывает страх. Бывает то и другое одновременно, создавая парадоксальные сочетания: технооптимизм при опасении, что техника может принести вред. Мы перестаем различать реальность и фантазию. Но насколько адекватно можно строить свою идентичность в таких обстоятельствах? В надежде на технологии человек, порой, не слишком корректно отвечает на вопрос «кто я?». Врач – не добрый волшебник, который непременно подарит долгожданное чудо. И быть «молодой» мамой в 50 крайне затруднительно, даже если к этому стремиться. А может ли считать себя матерью женщина, если ее ребенка вынашивает и рождает другая женщина?.. Вопросы, связанных с соотношением биологического, социального и экзистенциального статуса, возникает очень много.

Аксиологическое содержание фрейма «технология» инструментально, как и сами технические средства и технологические процессы. В некоторой степени это вполне может отвечать деятельности акушера, врача: здесь формирование идентичности как принятие социальной роли и экзистенциального состояния может связываться с ценностями

пользы, успеха, эффективности. Однако в технологизированном и экономикоцентричном обществе происходит подмена: инструментальным ценностям придается статус смыслообразующих (терминальных)¹. Такого рода переворот иерархии ценностей препятствует успешному формированию профессиональной идентичности [2], приводит к ролевым конфликтам [6], становится условием для симуляции роли (когда человек сам не верит в то, что делает), фактором формирования негативного образа врача и технологизации медицины в целом [5]. Это серьезное испытание и для личностной идентичности врачей и акушеров. Рассогласование позиций «Я-реальный», «Я-идеальный», «Я-социальный» психолог-психоаналитик К. Хорни, например, рассматривает как ситуацию, обуславливающую невротизацию личности [12].

Что касается формирования идентичности материнства и отцовства, здесь смыслообразующая ориентация на ценности пользы, желания, удовлетворения нужды, успеха, эффективности, развития и ускорения представляется либо бессмысленной, либо негуманной [10]. Однако как инструментальные ценности они также сохраняют свое значение. Поэтому вопрос о возможности обозначенной выше подмены ценностей становится едва ли не основным для этических дискуссий по поводу вспомогательных репродуктивных технологий.

Серьезного внимания, как представляется, заслуживает выведение человека из статуса субъектности – тенденция, получившая широкое распространение в современной культуре, начиная от социальных и заканчивая эпистемологическими программами. Технология (жестко заданный образ действия для реализации определенной задачи) «задает» форматы поведения, не позволяя ощущать себя субъектом автономной воли. Отсутствие личностной вовлеченности и формирование чувства беспомощности, связанные с выведением человека «за скобки» и восприятием технологического процесса как бездушно-формализованного и неестественного [5], создает препятствия для комплексного принятия биосоциальной/социальной роли и экзистенциального состояния, что как раз и делает формирование идентичности очень проблематичным.

С другой стороны, можно предположить, что самостоятельное значение технологий, независимость технологических процессов от субъек-

¹ Классификацию, подразделяющую ценности на терминальные (ценности – цели) и инструментальные (ценности – средства) разработал американский социальный психолог М. Рокич (M. Rokeach, 1973).

ективного человеческого произвола, уверенность в том, что технологии воплощают объективное знание о процессе, привлекают тех участников прокреативного дискурса, которым свойствен низкий индекс доверия к людям.

Выводы. Лингвистическое исследование фрейма «технология» позволяет говорить о трансляции через язык определенного отношения к технологиям и технологизации различных сфер человеческой жизни. Это отношение задается четырьмя структурными компонентами: 1) установка на расширение человеческих возможностей; 2) связь с ценностями: польза, желание, удовлетворение нужды, успех, эффективность, развитие, ускорение; 3) техникам и процедурам придается самостоятельная активность и значимость; 4) человек, включенный в технологический процесс, выводится из статуса субъектности. Существует связь технологического фреймирования с проблемами формирования и трансформации идентичности в прокреативной сфере. Эта связь носит амбивалентный характер, т. е., в сочетании с другими мировоззренческими особенностями культуры может как вносить дополнительные сложности в процесс формирования идентичности, так и открывать новые возможности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильева Е. В.* Структура идентичности первородящих женщин с различным типом материнского отношения : автореферат дис. ... канд псих. наук 19.00.01 / Е. В. Васильева. – Москва, 2010. – URL: <https://www.disscat.com/content/struktura-identichnosti-pervorodyashchikh-zhenshchin-s-razlichnym-tipom-materinskogo-otnoshe/read> (дата обращения: 13.01.2022).
2. *Водяха А. А.* Ценностно-смысловые ориентации в структуре профессиональной идентичности врача / А. А. Водяха // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2008. – № 1 (33). – С. 60–65.
3. *Менделеев Д.* Технология / Д. Менделеев. – Санкт-Петербург : Брокгауз-Ефрон 1890–1907. – URL: <https://gufo.me/dict/brockhaus/Технология> (дата обращения: 08.05.2022).
4. Национальный корпус русского языка. 2000–2021. Доступен по адресу: ruscorpora.ru.
5. *Обухова Ю. О.* Социотехническое воображаемое в медицине: комплекс негативных идей // Контуры будущего: технологии и инновации в культурном контексте. Коллективная монография / Ю. О. Обухова; под ред. Д. И. Кузнецова, В. В. Сергеева, Н. И. Алмазовой, Н. В. Никифоровой. – Санкт-Петербург : Астерион, 2017. – С. 142–146.

6. *Петрова Р. Г.* Кризис профессиональной идентичности у молодых врачей / Р. Г. Петрова // Управление устойчивым развитием. – 2019. – № 2 (21). – С. 77–82.

7. *Розин В. М.* Технология // Новая философская энциклопедия (в 4 т., 2001). – URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/ТЕХНОЛОГИЯ (дата обращения: 05.05.2022).

8. *Сандакова Л. Б.* Фреймы повседневного прокреативного дискурса в современной культуре / Л. Б. Сандакова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2021. – Вып. 3. – С. 342–351.

9. *Сандакова Л. Б.* Фрейм-анализ как инструмент исследования прокреации: возможности, проблемные вопросы / Л. Б. Сандакова; под ред. М. В. Ромма, В. И. Игнатьева, В. Г. Новоселова, Л. Б. Сандаковой // Социальная онтология России: сб. науч. статей. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2021. С. 175–182.

10. *Сидорова Т. А.* Динамика границ прокреативных норм: из опыта участия в программе ЭКО / Т. А. Сидорова, Л. Б. Сандакова, Е. Ю. Жичина // Медицинская антропология и биоэтика. – 2016. – № 1 (11). – URL: http://www.medanthro.ru/?page_id=2698 (дата обращения: 05.05.2022).

11. *Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XXIII. Когнитивные аспекты языка. – URL: https://classes.ru/grammar/164.new-in-linguistics-23/source/worddocuments/_5.htm (дата обращения: 13.01.2022).

12. *Хорни К.* Невроз и личностный рост: борьба за самореализацию / К. Хорни. – Санкт-Петербург : Восточно-Европейский институт психоанализа и Б.С.К. – 1997. – 316 с.

ПЕРВИЧНАЯ ОНТОЛОГИЗАЦИЯ ИСКУССТВА В КОНТЕКСТЕ ОБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация. Данная статья посвящена первичному рассмотрению положения искусства и объектов искусства в пространстве объектно-ориентированной философии. Произведение искусства можно рассматривать как связную пару объектов двух особых видов: реального и чувственного. Реальные объекты никогда не принимают буквальную форму и не обязаны быть физическими. Объекты несводимы ни к своим компонентам, ни к своим эффектам. Они не нуждаются в засвидетельствовании своего существования, но в результате буквализации или нормативного давления выпадают из собственного пространства связей и теряют подлинность своего содержания.

Ключевые слова и словосочетания: объектно-ориентированная онтология, спекулятивный реализм, объект, реальные объекты, чувственные объекты, искусство, подлинность.

Объектно-ориентированная онтология – направление философской, социальной и, в целом, интеллектуальной мысли, утверждающее принципиальное равенство онтологических статусов объектов, уплощающее бытийность их существования, провозглашающее отказ от антропо- и субъектно-центрической гносеологической позиции.

Объектно-ориентированная онтология предшествует и одновременно является частью спекулятивного реализма, становящейся метафизической традицией, согласно которой познающему субъекту недоступна сама реальность в своей подлинности и достоверности, но только определенное ее восприятие, т. е., по собственному утверждению противостоящей различным формам посткантианской мысли, сокращающей пространство философского и интеллектуального дискурса до корреляции между мышлением и бытием. В качестве ремарки отметим, что многими современными исследователями, в том числе зачастую и самими основоположниками, спекулятивный реализм и объектно-ориентированная философия рассматриваются в первую очередь как «движение против», ответ, опровержение (например, различных направлений философии привилегированного доступа и уже указанного корреляционизма) [5] и только потом как собственно оригинальный концепт.

Объектно-ориентированная онтология представляет собой концепт, специфически причудливо соединяющий черты идеализма и материализма, феноменологии и герменевтики, континентальной и аналитической традиции. Социальная и природная стороны реальности неоднородны, неравновесны и находятся как в собственном постоянном становлении, так и в неразрывном, комплексном взаимодействии и взаимопроникновении. В подобном отношении спекулятивный реализм и объектно-ориентированная онтология парадоксальным (возможно, с точки зрения авторов и идеологов этих, безусловно, влиятельных и амбициозных проектов) способом преодолевают корреляционизм средствами, методами и идеями корреляционизма, а, например, контингентность, кажется, содержит вполне «корреляционистские» установки и характерные черты.

В представляемом отношении проводится попытка снятия и отказа от антропоцентрической позиции, понимаемой прежде всего в утверждении и предоставлении особых привилегий человеку и человеческому как специфическим «субъектам» над и перед нечеловеческими сущностями, рассматриваемыми как определенные своими данностью и восприятиями «объекты». Модусы и проявления человеческого бытия, главенствующие над «прочим» миром, онтологически несправедливы и безосновательны; мир представляет собой совокупность равных объектов и их отношений, а человекоцентричность и человеко-размерность скорее наш возвышающий самообман и неясная уловка нашего мышления.

По словам Грэма Хармана, основоположника и, пожалуй, главного идейного вдохновителя объектно-ориентированной онтологии, *«объектам нет необходимости быть природными, простыми или неразрушаемыми. Вместо этого они будут определены исключительно своей автономной реальностью. Они должны быть автономны по двум различным направлениям: возникать как нечто превосходящее сумму составляющих их частей, а также воздерживаться от отношений с другими сущностями»* [3]. Объекты в рассматриваемой плоскости [1] статичны, во многом потому что в отличие от Акторно-Сетевой теории Бруно Латура, акцентирующей внимание на связях и взаимодействиях, онтология Хармана и соратников фокусируется непосредственно на самих объектах, в прямом и буквальном смысле возвращаясь «назад к вещам».

Философия в данном отношении более связана не с наукой (особенно с естественными и фундаментальными отраслями) и околонучными формами и мировоззрениями, а с эстетикой и искусством. Если мы уходим из скульптурного зала, остаются ли объекты искусства (и вообще объекты) в пустом ночном музее? На первый взгляд (с рассматриваемых позиций объектно-ориентированной онтологии) кажется, безусловно. С другой стороны, что это за объекты, каким образом можно определить, что они существуют и наличествуют без нашего восприятия, что они из себя представляют, являются ли они именно объектами искусства? Эти и подобные вопросы задает и сама объектно-ориентированная философия.

Каждое отдельное произведение искусства можно рассматривать как связанную пару объектов двух особых видов: реального и чувственного. Под искусством в данном отношении понимается конструирование сущностей или ситуаций, надежно приспособленных для создания прекрасного, что сопровождается явно выраженным напряжением между скрытыми реальными объектами и их осязаемыми чувственными качествами.

Объектно-ориентированная философия стремится рассматривать объекты отдельно от их отношений, преодолевая, по собственной установке, «реляционизм» в философии и искусстве. Таким образом, произведение искусства остается самим собой, тем же самым объектом без учета контекста и нарратива, в который оно погружено. Вместо внутренних отношений и связей в контексте ООО фокус рассмотрения направлен на внешние взаимосвязи и атрибуты, делается акцент на закрытость объекта от контекста, т. е. декларируется их нереляционная автономия.

Мы должны быть предостережены относительно буквализации и установления нормативности искусства, которые ведут к омерщвлению, выпадению объектов искусства из собственного пространства и связей, потери подлинности своего содержания. В комментариях к Правилу 15 методологических оснований объектно-ориентированной философии Харман отмечает: *«В искусстве или философии речь идет об упадке, когда туманные новаторские решения, предложенные успешным течением, сводятся к четким формулам, которые может использовать кто угодно... любой объект в конце концов превращается в карикатуру на самого себя: легко осваиваемое буквальное содержание, которому легко подражать»* [2].

Для подлинного существования объектов таких сфер как искусство или философия необходимо постоянное новаторство, преодоление, вызов устоям и традициям, осмысленность и идейная наполненность. Рассматривая художественные (академическая живопись, экспрессионизм, кубизм) или философские (немецкий идеализм, феноменализм, деконструкция) направления, можно увидеть зарождение, расцвет и неминуемый упадок, сопровождаемый повсеместным подражанием, самокопированием, разменом подлинного содержания на популярное.

«Прикладные» для парадигмального нарратива онтологии часто должны представлять такие вещи, как художественная повествовательная канва, музыкальная партитура или графические практики стрит-арта в качестве моделей, проектировочных схем или процессуальных паттернов. Одной из специфических черт подобных сущностей является то, что они могут существовать посредством разных носителей и воплощений, не сводясь к ним. Онтологические основания литературных, музыкальных, живописных, архитектурных и произведений многих прочих жанров, дисциплин и направлений имеют объектную природу или могут рассматриваться через призму объектности воплощения своего содержания. Предполагая, что нечто может быть обнаружено только в том случае, если оно уже существует, мы переходим к схемам и процедурам, которые, с одной стороны, фиксируют определенные сущностные основания и аспекты объектов искусства, а с другой, скрывают или замещают их подлинность или возможную «сверх»-сущность, что является, в свою очередь, центральной темой многих философских рассуждений об искусстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деланда М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность / М. Деланда. – Пермь : Гиле Пресс, 2018. – Т. 170.
2. Харман Г. Имматериализм. Объекты и социальная теория / Г. Харман; пер. с англ. А. Писарева. – Москва : Изд-во Института Гайдара, 2018, 152 с.
3. Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / Г. Харман; пер. с англ. А. Морозов и О. Мышкин. – Пермь : Гиле Пресс, 2015.
4. Harman G. Object-oriented ontology: A new theory of everything / G. Harman. – Penguin UK. – 2018.
5. Morton T. Here comes everything: The promise of object-oriented ontology / T. Morton // Qui Parle: Critical Humanities and Social Sciences. – 2011. – Т. 19. – №. 2. – С. 163–190.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ И ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ В РАМКАХ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Язык, будучи семиотической системой, посредством которой человек получает, сохраняет и транслирует информацию об окружающем мире, с одной стороны, влияет на саму эту информацию, а с другой стороны, может сам становиться предметом исследования и образовывать самостоятельную предметную сферу, операции с элементами которой заменяют операции с предметами, репрезентируемыми в структурах языка. Влияние языковых структур на репрезентируемый предмет заметно проявляется в самоидентификации личности, поскольку, определяя себя самого вербальным образом, человек фактически определяет говорящего средствами самого говорения, в результате чего не только бытие говорящего выражается репрезентативными формами языка, но и последние оказываются генеративной моделью для самого бытия говорящего. Указывая на то, что в историческом плане натурфилософия замещается философией жизни, Н.Д. Арутюнова замечает: «Для современного философствования язык стал важнейшим средством движения к цели» [2, с. 324]. По ее мнению, это обусловлено тем, что «целью философской мысли стал человек» [2, с. 324].

М. Хайдеггер называет язык домом бытия, имея в виду то обстоятельство, что человек самоопределяется не непосредственно в окружающем мире, а в стихии самого языка, посредством которого этот мир репрезентируется и открывается. Ж.-П. Сартр усиливает эту мысль, отождествляя сущность человека с сущностью языка: «Из того, что мои действия меня проецируют вовне и осмысляются другими, следует, что я есть язык» [11, с. 440].

Над реальностью окружающего мира надстраивается языковая реальность, в которой человек живет и функционирует и которая не только отражает объективное положение дел, но и влияет на интерпретацию событий и фактов. Д. Серл в своей работе «Конструирование социальной реальности» отмечает, что «невозможно иметь институциональные структуры такие как деньги, брак, правительство и собственность без некоторой формы языка, потому что... слова или другие символы создают факты» [1, с. 34].

Понимание законов языковой репрезентации открывает трансцендентальные механизмы, посредством которых человек интерпретирует символы и формирует представления об окружающем мире. П. Бергер и Т. Лукман в своей работе «Социальное конструирование реальности» по этому поводу пишут: «Теперь язык конструирует грандиозные системы символических представлений, которые возвышаются над реальностью повседневной жизни подобно явлениям из иного мира. Религия, философия, искусство, наука – наиболее важные системы такого рода» [4, с. 82].

Языки можно разложить по шкале энтропийности, которая с одной стороны будет ограничена аналитическими (денотативными) языками (обладающие наименьшей энтропийностью), а с другой стороны – герменевтическими (символическими) языками (имеющими наибольшую энтропийность). В этом смысле Ю. Лотман делит языки на искусственные и естественные, а В.В. Налимов – на жесткие (например, язык программирования и язык биологического кода) и мягкие (например, язык абстрактной живописи и язык древнеиндийской философии).

Поскольку согласно исследованиям Л. Брюлюэна информативность какой-то системы соответствует уменьшению ее энтропийности, то можно сказать, что аналитические языки обладают наибольшей информативностью, а герменевтические языки имеют соответственно наименьшую информативность. Однако следует учитывать, что здесь речь идет о количественной мере информации, а не о ее качественных характеристиках, т. е. о степени упорядоченности репрезентативной структуры, а не о значимости, важности и глубине репрезентируемого содержания. Аналитические языки состоят из знаков, устанавливающих точное соответствие между означающим и означаемым, тогда как герменевтические языки репрезентируют окружающий мир при помощи символов, которые предполагают определенную степень свободы в плане их смысловой интерпретации. Информативность языка измеряется с помощью известной формулы К. Шеннона путем подсчета вероятностей появления каждой буквы и пробела в большом разнообразии текстов. Соответственно наиболее энтропийный текст будет состоять из бессмысленного чередования букв и пробелов, а в наименее энтропийном останется только одна буква (когда вероятность ее появления равна единице, а вероятность появления других букв равна нулю).

Поэтому, вообще говоря, наиболее информативный язык будет давать на любые вопросы один и тот же неизменный ответ, т. е. он будет сводить объяснение всего происходящего в окружающем мире к одному единственному основанию, к одной единственной причине и к одному единственному смыслу. Отсюда можно сделать два важных вывода: во-первых, из самой синтаксической структуры языка как именно средства познания окружающего мира вытекает стремление свести познаваемую предметность к некоему предельному основанию, из которого все вытекает и благодаря которому все получает свое существование, и, во-вторых, репрезентативность языка зависит от соотношения энтропийности и информативности.

Оба крайних состояния языка, очевидным образом, приводят к потере репрезентативности, ибо в случае максимальной энтропии текста он не может передать никакой осмысленной информации, а в случае минимальной энтропии текста он превращается в тривиальную тавтологию, не сообщающую ничего нового и существенного. С одной стороны, язык должен обладать определенными синтаксическими правилами, должен быть структурирован и упорядочен, чтобы с его помощью могла передаваться разнообразная информация, но, с другой стороны, он должен сохранять возможность получения нового знания, когда определение типа «X есть Y» не сводится к тривиальной тавтологии, а раскрывает смысл означаемого X с помощью означающего Y при отсутствии их полного смыслового тождества. Последнее условие сводится к таким характеристикам языка, как образность, гибкость и многозначность, которые появляются как раз благодаря энтропии. А следовательно, можно говорить об оптимальном соотношении энтропийности и детерминированности языковых структур или, другими словами, об оптимальном соотношении символов и знаков, при котором язык сохраняет возможность, с одной стороны, хранения и обработки информации, а с другой стороны, ее получения и транслирования. Благодаря детерминированности языка информацию можно упаковывать в однозначные формы и подвергать логическому развертыванию имплицитно скрытого в ней смыслового содержания, а за счет энтропийности языка можно получать новую информацию, имплицитно не содержащуюся в старой, и интерпретировать смыслы, принадлежащие одному социокультурному контексту, посредством смыслов другого социокультурного контекста. Другими словами,

детерминированность языка сохраняет его цельность, системность и автономность, а энтропийность языка обеспечивает возможность кросскультурной коммуникации и понимания одного языка средствами другого. Символы в наибольшей степени проявляют свои энтропийные свойства в переводе смыслов с одного языка на другой, и именно поэтому А.М. Пятигорский полагает, что философ должен владеть, как минимум, двумя языками, ибо мышление об одном и том же предмете средствами различных языковых структур расширяет символическое пространство интерпретации, исключая возможность скрытых логических тавтологий. В подтверждение этого Г.Г. Почепцов замечает, что «знаковая система видна только с позиций другой знаковой системы» [10, с. 28]. В.В. Налимов также придерживается данной точки зрения: «Знаковая система имеет право называться языком, если она может быть интерпретируема на другом языке» [8, с. 59].

Аналитический язык – это язык прежде всего строгих научных дисциплин, тогда как герменевтический язык – это язык прежде всего художественного творчества. В частности, Г.Г. Почепцов указывает на то, что «потеря неоднозначности сразу вызывает определенную потерю эстетического характера» [10, с. 23]. Аналитический язык стремится к однозначности, строгости и детерминированности средствами логического упорядочивания, а герменевтический язык, напротив, стремится к многозначности, образности и свободе средствами ассоциативного расширения смыслового пространства интерпретации. Философское мышление является компромиссом между аналитическим языком науки и герменевтическим языком искусства, когда строгость и детерминированность сохраняются на уровне взаимосвязи одного смысла с другим, а многозначность и свобода остаются присущими самому смысловому содержанию репрезентируемой предметности. Если аналитический язык в большей степени пригоден для строгих и точных наук, то бытие человека как именно экзистирующего существа поддается адекватному описанию лишь на языке символов, а значит, в пространстве мифа. Экзистенциальные вопросы не могут получить своего ответа в конечном и определенном виде наподобие инструкций и руководства к действию, ибо они существуют всегда как открытое проблемное поле, и их смысловое значение сводится прежде всего к тому, чтобы, размышляя над ними, совершать усилие в плане реализации индивидуального и коллективного бытия. В подтверждение

этой точки зрения В. Данченко пишет: «Самосознание – самый сложный из возможных объектов; оно настолько сложно, что лишь частично поддается описанию. Именно поэтому язык эзотерической психологии – это преимущественно язык символов, метафор и парадоксов, а не строгих понятий» [6, с. 58].

А. Белый выделяет три типа слов: 1) живое слово (меняющее свое значение в зависимости от смыслового контекста и мыслительной активности самого репрезентирующего субъекта), 2) слово-термин (обладающее строго заданным значением, которое существенно не зависит ни от смыслового контекста, ни от мыслительной активности репрезентирующего субъекта) и 3) прозаическое слово (которое занимает промежуточное положение между живым словом и словом-термином и значение которого зависит от смыслового контекста, но существенно не определяется мыслительной активностью самого репрезентирующего субъекта). По мнению А. Белого, только живое слово обладает энергией и транслирует высшую реальность, а следовательно, именно оно наиболее адекватно репрезентирует сущность человеческого бытия.

Поскольку самоидентификация предполагает совпадение форм репрезентации с формами бытия самого репрезентирующего субъекта, или, другими словами, сводится к полаганию бытия репрезентирующего субъекта самим понимающим отношением к этому бытию, то самоопределение личности является философской проблемой и нуждается в правильном соотношении аналитичности и герменевтичности используемого языка. Перекос в ту или другую сторону неизбежно приводит к искажению процесса самопознания и получению абсурдных и неадекватных результатов. Например, уменьшение энтропийности понимания фундаментальной мотивации человека во многих психологических концепциях привело к постулированию единственного базового мотива, который, в конечном счете, лежит в основании всех поведенческих реакций личности. Критикуя психологическую модель А. Адлера, согласно которой в основе любого поведения человека лежит комплекс неполноценности, К. Поппер замечает, что такой подход не поддается фальсификации и не дает возможности предсказывать поведение человека, ибо, как бы человек себя ни повел, это можно будет с одинаковым успехом объяснить с помощью влияния комплекса неполноценности. Таким образом, смещение репрезентативных форм

в сторону минимальной энтропии приводит, во-первых, к ригидности Я-концепции, а во-вторых, к ее узости и неприменимости в плане решения прогностических задач. С другой стороны, отдаление философии от науки и сближение ее с искусством, что проявилось, например, в произведениях постмодернистов, таких, как М. Фуко, Р. Барт, Ж. Бодрийяр и Б. Гройс, привело к отрицанию вечных ценностей в качестве параноидных и навязчивых мыслей, которые препятствуют творческой реализации и утверждению смыслового хаоса (по выражению Ж. Делеза, хаосмоса), способствующего раскрытию креативного потенциала мыслящей личности. И, значит, для конструктивной самоидентификации необходимо оптимальное соотношение энтропийности языка и его однозначности; причем такое оптимальное соотношение, если рассматривать человека как существо социальное, определяется, с одной стороны, спонтанным, креативным потенциалом личности, а, с другой стороны, детерминирующими условиями социокультурного контекста.

Энтропийность языка, который, по выражению Ю.М. Лотмана, есть «функция, сгусток семиотического пространства» [7, с. 164], предполагает наличие ассоциативных полей, в рамках которых возможно истолкование символов, используемых для репрезентации окружающего мира. Как было показано выше, взаимодействие двух ассоциативных полей создает общее пространство интерпретации, которое и является условием кросскультурного понимания. Общие символические центры, образованные пересечением ассоциативных полей двух различных социокультурных систем, формируют зону инвариантности, через которую и осуществляется трансляция смыслов из одного социокультурного контекста в другой. Эта зона инвариантности образована, во-первых, комплексами (как универсальными формами индивидуального бытия), во-вторых, архетипами (как универсальными формами межиндивидуального бытия) и, в-третьих, экзистенциалами (как универсальными формами наиндивидуального бытия). Именно это обстоятельство делает возможной осмысленную коммуникацию между народами, имеющими различные картины мира и опирающимися на несхожие основы понимания окружающей реальности. В определенном отношении и формирование самих языковых структур зависит прежде всего от инвариантной составляющей коллективного пространства коммуникации, а вовсе не от исторического хода событий.

По этому поводу Н.Н. Вашкевич в своей работе «Системные языки мозга» пишет: «...попытки объяснить явление с помощью понятия праязыка обречены на провал. Праязык выдуман лингвистами, чтобы объяснить то, чего они не понимают. Это вымышленное понятие отражает историческую точку зрения, согласно которой все наблюдаемые факты обусловлены другими фактами, имевшими место в наблюдаемой или в гипотетической истории. Историческая точка зрения ошибочна потому, что Бытие в большей своей части недоступно прямому наблюдению, а то, что наблюдается – бледная тень реальности. Причины по большей части скрыты в смысловых полях, а не в истории» [5, с. 175]. Следует также заметить, что с антиэнтропийной стороны языковой среды кросскультурная коммуникация обуславливается истинами эйдетических наук, таких, как логика, математика и диалектика. Обе эти стороны инвариантных структур репрезентации, используя терминологию Э. Гуссерля, образуют соответственно сферу объективно-логического априори и сферу априори жизненного мира.

Язык в самом широком смысле есть основа всякой коммуникации, по поводу чего Э. Бенвенист пишет: «Способность к символизации у человека достигает своего наивысшего выражения в языке, который является символическим по преимуществу; все другие системы коммуникации – графические, жестовые, визуальные и т.д. производны от языка и предполагают его существование» [3, с. 80].

Однако следует различать язык и метаязык (А. Тарский, Б. Рассел, Л. Витгенштейн). В.В. Налимов утверждает, что «наш обыденный язык постоянно выполняет две различные функции: один раз на нем формулируются некоторые высказывания, другой раз обсуждается правомерность этих высказываний. И здесь возникают противоречия, которые не могут быть разрешены средствами того же самого языка» [8, с. 53]. Утверждение связано с констатацией какого-то факта (реального, виртуального, идеального или потенциального характера), тогда как метаутверждение касается истинности рассматриваемого утверждения или его определенной интерпретации. Поэтому для человека в рамках самоопределения язык утверждений является аналитическим языком, а язык метаутверждений – соответственно герменевтическим языком. Нарушение этого экзистенциального принципа провоцирует определенного рода психологические проблемы. В частности, использование для утверждений самоидентификации герменевтического языка при-

водит к психотическим состояниям, когда реальность заменяется фантазмами, а использование аналитического языка для метаутверждений самоидентификации приводит к невротическим состояниям, когда поведение человека становится ригидным и неадекватным.

Р.И. Павиленис замечает, что «идеальным был бы такой язык, который отображал бы факты и раскрывал бы их логические отношения самым характером своих символов» [9, с. 21]. Однако использование даже такого строгого языка, как язык математики, для репрезентации окружающего мира, нуждается в истолковании символов и их семиотических конструкций. В результате такого истолкования формируется семиотическая реальность, отображающая первичную репрезентацию. Эта семиотическая реальность носит символический характер, и если об истинности утверждений языка можно поставить строгий вопрос, то об истинности утверждений метаязыка это не всегда возможно. Р.И. Павиленис замечает, что «основание, на котором устанавливаются границы осмысленного языка, имеет эмпирическую природу» [9, с. 21]. Однако истинность метаутверждений задается в символическом пространстве интерпретации, и в случае самоопределения личности она носит экзистенциальный характер, т. е. истинность метаутверждений о бытии человека определяется не столько фактическим положением дел, сколько семиотической структурой самих этих метаутверждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Searle J. The Construction of Social Reality / J. Searle. – New York: Free Press, 1995. – 234 p.*
2. *Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.*
3. *Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – Москва : Прогресс, 1974. – 448 с.*
4. *Бергер П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва : Московский философский фонд, 1995. – 322 с.*
5. *Вашкевич Н. Н. Системные языки мозга. Магия слова. Разгадка мифов и легенд. Язык и физиология. Пробуждение сознания / Н. Н. Вашкевич. – Москва : Белые альвы, 1998. – 399 с.*
6. *Данченко В. Три уровня надличностного самосознания // Очерки эзотерической психологии эпохи развитого социализма / В. Данченко. – Киев : Самиздат, 1986. – С. 56–64.*

7. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

8. *Налимов В. В.* Вероятностная теория языка / В. В. Налимов. – Москва : Наука, 1979. – 303 с.

9. *Павиленис Р. И.* Проблема смысла / Р. И. Павиленис. – Москва : Мысль, 1983. – 286 с.

10. *Почепцов Г. Г.* Очерки тоталитарного символизма и мифологии / Г. Г. Почепцов. – Киев : Ваклер, 1996. – 225 с.

11. *Сартр Ж.-П.* Воображаемое. Феноменологическая психология восприятия / Ж.-П. Сартр. – Санкт-Петербург : Наука, 2001. – 319 с.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО БУДУЩЕЕ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: МАТЕРИАЛЫ III ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

26 апреля 2022 года в Новосибирском государственном техническом университете (НЭТИ) прошла IV Всероссийская научная конференция «Человек и его будущее в технологической реальности» для студентов и молодых ученых. В работе конференции приняли участие молодые ученые и студенты из 20 различных вузов России. Участники конференции рассматривали социально-антропологические последствия и перспективы развития техники и внедрения новейших технологий в современном мире, поднимали этические, политические проблемы и анализировали социальные риски научно-технического прогресса. Большое внимание было уделено реалиям и перспективам цифровизации общества и вопросам проектирования будущего.

Оргкомитет благодарит участников конференции и их наставников за интересные работы.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛЮДЕЙ В СИСТЕМЕ ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ

Антоненко А.А.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: д-р филос. наук проф. Игнатьев В.И.

Аннотация. Статья посвящена изучению изменения взаимодействия людей в системе Интернета вещей. В работе обозначены проблема, цель и гипотеза исследования, а также основные особенности взаимодействия людей в пространстве вещей.

Ключевые слова и словосочетания: Интернет вещей, взаимодействия, трансформация, мир вещей, коммуникация.

Отличительной чертой современного общества является необходимость человека уметь приспосабливаться к цифровой жизни. С внедрением в повседневную жизнь технологий Интернета, взаимодействия

людей вышли на новый уровень. На этом этапе активно развиваются новые способы современных коммуникаций с использованием различных инновационных вещей.

Интернет вещей (ИВ) предстает перед нами в качестве своеобразной революции не только в технологической сфере, но и в области коммуникаций, где Интернет эволюционирует от объединения компьютеров и людей к объединению «умных» вещей [1]. В связи с этими тенденциями концепция ИВ нуждается в изучении ее социологических аспектов, которые должны затрагивать вопросы взаимодействия людей опосредованно ИВ. С точки зрения социологии, данную систему рассматривали такие исследователи, как В.И. Игнатъев [2], С. Грингард [3], А. Гринфилд [4], К. Шваб [5], Ю.М. Шаев [6] и другие. Тема ИВ является актуальной как в поле изучения Интернета и интернет-коммуникации, так и таких направлений, как реклама, маркетинг, менеджмент и др.

Проблема представленного исследования определяется тем, что система ИВ влияет на взаимодействия людей. Цель работы направлена на выявление особенностей взаимодействия людей в пространстве вещей. Основная гипотеза работы: взаимодействия людей пребывают в непрерывном процессе трансформации посредством системы ИВ.

С активным развитием инновационных технологий вещи буквально вторгаются во все сферы жизнедеятельности каждого из нас, где всё и все соединены с помощью интернет датчиков. Это не может не говорить о том, что цивилизация информационного типа преобразуется в следующую цифровую стадию своего развития. Внедрение подобных тенденций диктует человеку необходимость адаптироваться к современным условиям жизни. Последнее время возникает ощущение нарастания процесса, когда технологии Интернета объединяют не столько людей, сколько сами вещи, превращая вещи в особую реальность. В этой ситуации наблюдается перебазирование вещей в структуры социальных интеракций. Теперь вещи не являются только подчиненными элементами, они становятся более активными и могут претендовать на роль актора. Развитие подобной тенденции демонстрирует взаимопроникновение мира виртуальности и мира реальности.

В чем же заключаются особенности трансформации взаимодействия людей в системе ИВ? Сегодня человек не может представить свою жизнь без технологий Интернета. Каждый год увеличивается число подключенных пользователей глобальной Сети. Эта Сеть взаи-

модействующих и коммуницирующих устройств непрерывно трансформирует систему ценностей людей. Ежедневное использование гаджетов приводит к тому, что формируются новые коммуникационные практики. Вследствие чего стандартная форма Интернета становится новой версией, где создаются условия необходимости углубленного изучения развития подобных явлений. Система ИВ выступает связующей сетью «умных» устройств, которые способны передавать и получать информацию, а также принимать различные управленческие решения на основе собранных данных. Таким образом, эта технология объединяет машины, приложения, приборы, датчики, и самое главное людей.

При анализе трансформации взаимодействия людей с использованием инновационных вещей выявляется следующая закономерность. В Интернете вещи приобретают антропоморфные черты: форму, вес, запах, цвет. Меняясь, они все больше приспосабливаются к человеку. Обнаружение техноморфных изменений в деятельности человека является сложной задачей. Сейчас можно заметить, как человек под воздействием гаджетов меняет свою жизнь. К примеру, у многих современных подростков как будто вместо правой руки находится смартфон – настолько неразлучными становятся люди с подобными интернет вещами.

Конкретизируя итог данного исследования, можно обозначить основные особенности взаимодействия людей в пространстве вещей.

1. Человек все более становится составной частью системы ИВ.
2. Вещи все больше приобретают человеческие характеристики.
3. ИВ выступает саморегулирующей структурой, поддерживающей функционирование всех элементов

Можно сделать вывод, что взаимодействия людей непрерывно трансформируются. Неизбежно то, что инновационные вещи приобретают антропоморфный характер. Для манипуляции людьми необходимо иметь свойства человека. В случае, когда вещи приобретают антропоморфные черты, люди взаимно начинают приобретать техноморфные. В таких условиях современному человеку важно уметь адаптироваться к технологическому процессу, успевать осваивать новые способы взаимодействия и с вещами, и друг с другом. Самое главное не терять при этом контроль над собой, всецело поглощаясь системой ИВ.

Таким образом, удалось обнаружить факторы, которые свидетельствуют о правомерности сформулированной гипотезы. Для полноты

подтверждения истинности ее положений необходимо продолжить исследование, сделав уклон на эмпирическом и более масштабном характере изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ким Е. О.* Интернет вещей: перспективы применения / Е. О. Ким, А. А. Шин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2019. – № 3 (425). – С. 230–234.
2. *Игнатъев В. И.* Социальный морфогенез информационно-цифрового общества. Очерки социологии гибридного социума: учебное пособие / В. И. Игнатъев. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2020. – 287 с.
3. *Грингард С.* Интернет вещей: будущее уже здесь / С. Грингард; пер. с англ. – Москва : Издательская группа «Точка», 2017. – 224 с.
4. *Гринфилд А.* Радикальные технологии устройства повседневной жизни / А. Гринфилд. – Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 424 с.
5. Технологии Четвертой промышленной революции; пер. с англ. К. Шваб, Н. Дэвис. – Москва : Эксмо, 2018. – 320 с.
6. *Шаев Ю. М.* Виртуальная реальность: Прологомены к онтологии / Ю. М. Шаев. Изд. 2-е. – Москва : ЛЕНАНД, 2019. – 160 с.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Бурманов С.А., Данилкова М.П.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент Данилкова М.П.

Аннотация. В статье рассматриваются антропологические трансформации, порожденные масштабной цифровизацией. Современный человек не мыслит себя вне поддержки информационных технологий, а достижения в области техники воспринимаются как значимая ценность современного образа жизни.

Ключевые слова и словосочетания: манипуляции, цифровые технологии, многозадачность, пассивное потребление.

Сегодня невозможно говорить о понимании реальности без учета стремительно развивающихся интеллектуальных систем и технологий,

определяющих как настоящее, так и будущее. Основная цель: выявить векторы воздействия современных технологий на человека.

Интернет предлагает широкие возможности для распространения индивидуальной деятельности. Однако следует обратить особое внимание на негативные последствия цифровой детерминации, включая подмену реального существования его виртуальным прототипом и вызывающие антропологические трансформации. Как утверждает американский астроном, астрофизик и популяризатор науки – Карл Саган: «Мы живем в обществе, зависимом от науки и технологии, в котором никто ничего не знает ни о науке, ни о технологии» [1, с. 59].

И действительно, подмена реальности ее заданными симулятивными образами приводит к значительным деформациям как человеческого самосознания, так и системы коллективного восприятия. Возникают новые психоэмоциональные состояния и появляются нетипичные для реальной жизни поведенческие реакции. Жизнь «лицом к экрану» – совершенно другая практика для центральной нервной системы, порождающая когнитивные деформации. Такое существование сопровождается пассивным потреблением онлайн-контента. Человек выступает в роли «зрителя контента», агента сетевых практик и многозадачника. И во всех случаях человек является объектом сетевых манипуляций. Это значит, что основные человеческие ценности во многом детерминируются цифровым миром. Цифровой мир порождает новые ценностные ориентиры, такие, как «цифровой образ», «цифровой след», «цифровой успех», количество «лайков» и подписчиков, а также такие понятия, как «интернет-сленг», «цифровые навыки», сетевая идентичность, потребность в интернет-серфинге и другие [2, с. 290].

Тенденции цифровизации универсальны. Цифровая многозадачность характеризуется готовностью быть частью информационных событий и при этом совмещать профессиональную деятельность с потреблением развлекательного контента. Манипулятивные стратегии нацелены на психическое состояние многозадачного пользователя, эксплуатируя новый тип субъективности, а именно «зрителей контента», которые хотят получить немедленный ответ на поисковый запрос.

Таким образом, цифровые технологии привносят в человека черты программирования, оказывающие управляющее воздействие. осуществляя управляющее влияние, они присваивают себе роль конструкторов человеческой жизни и деятельности.

По сути, интеллектуальные системы, вошедшие в современную жизнь и считающиеся основным продуктом искусственного интеллекта, во многом превосходят естественные возможности человека. Все чаще им делегируются функции главного агента жизни современного человека. Интеллектуальные системы и компьютерная память обеспечивают ряд преимуществ. Например, интеллектуальные системы поставили себе на службу новый методологический инструментарий – технологии Big Data. Данные технологии оцениваются как технологический макротренд для преобразования социальных действий в количественные онлайн-данные.

Масштабные цифровые взаимодействия способствуют возникновению нового типа детерминации, определяющей поведение человека, его когнитивные и психоэмоциональные состояния. Общий негативный эффект цифровой детерминации обусловлен заменой физической реальности аналого-цифровой проекцией и виртуальной имитацией внешнего мира. Интернет-пространство порождает множество квазиреальных событий и симулятивных образов, что приводит к значительным деформациям как системы коллективного восприятия, так и самосознания человека. Основной вектор антропологических преобразований указывает на сближение природных интеллектуальных способностей человека и возможностей цифровых технологий. Жизнь «лицом к экрану», ставшая нормой в эпоху пандемии, задает надличностные масштабы контроля и принуждения [3, с. 41].

В заключение хотелось бы сказать, что антропологические трансформации прослеживаются в нескольких направлениях. Во-первых, это подчинение жизнедеятельности личности цифровым алгоритмам и манипулятивному сетевому охвату. Человек оказывается в ситуации тотального навязывания смыслов. Во-вторых, цифровой мир формирует новые цифровые ценности, которые на деле оказываются псевдоценностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сорочайкин И. А.* Цифровая реальность: от Homo economicus Homo digital / И. А. Сорочайкин // Экономика, управление и право в современных условиях: сборник статей – Тольятти : ИССТЭ, 2021. – Вып. 41. – С. 59–62.
2. *Тихонова С. В.* Цифровое общество и цифровая антропология: трансдисциплинарные основания социально-эпистемологических исследований /

С. В. Тихонова, С. М. Фролова // Изв. Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – С. 289–290.

3. Соловьева Л. Н. Цифровая идентичность как новый вид идентичности человека информационной эпохи / Л. Н. Соловьева // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 12 (56). – С. 40–43.

МЕТАМОРФОЗЫ ЛЮБВИ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ МИРЕ

Гуляев Р.А., Кураев А.А.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: канд. филос. наук Сандакова Л.Б.

Аннотация. В статье рассмотрены культурные трансформации технологизированного общества, влияющие на изменение ценностного содержания любви и ее конкретные социальные практики; определены основные современные позиции в отношении трансформации ценности любви и практик с нею связанных, подчеркивается актуальность исследования перспектив изменения ценностей в связи с развитием технологий.

Ключевые слова и словосочетания: любовь как ценность, практики любви, цифровая любовь, трансгуманизм, технологическая реальность.

Любовь как значимая человеческая ценность всегда привлекала внимание мыслителей, художников, поэтов и обычных людей, ведь она вдохновляет, наполняет смыслами и сильнейшими переживаниями нашу жизнь. Не случайно мифопоэтические комплексы различных культур полны символов и образов, связанных с теми или иными формами проявления любви. При этом общепринятого представления о любви нет. В исследованиях любви как ценности или социальных практик четко прослеживается культурно-историческая их обусловленность. Это означает, что интерпретация любви как ценности и конкретные ее проявления, с одной стороны, ограничены культурой, ею заданы, с другой – меняются, развиваются вместе с культурой. Причем, являясь одновременно одним из факторов такого развития и его индикатором. В этом отношении проблемным выступает вопрос: как и почему трансформируется содержательная ценность любви и практик любви в связи с развитием технологий?

В исследовании были поставлены следующие задачи: 1) определив собственное представление о любви, выявить трансформации в культуре технологизированного общества, влияющие на изменение ценностного содержания любви и ее конкретные социальные практики; 2) определить основные позиции в отношении трансформации ценности любви и практик, с нею связанных.

Анализ источников, рассматривающих культурно-исторические представления о любви [1, 2, 10, 11] позволил вычлениить четыре основных подхода к пониманию любви: объективно-идеалистический, натуралистический, социоцентрический, экзистенциальный. Каждый из них отражает значимый аспект этого сложного переживания и ценностного отношения.

В качестве ориентира для своих размышлений, мы определили представление о любви в христианстве. Любви в христианстве отведена особая роль, ведь она связывает человека и Бога. Любовь Бога безгранична и сильна, подобно любви родителя к ребенку, не требует ничего взамен помимо ответной любви к Богу и окружающим. Христианская любовь выражается в поступках человека, заключается в смирении, служении людям и готовности пожертвовать собой ради них, бескорыстна и распространяется на всех людей без исключения. Из секуляризованных концепций любви нам наиболее близкой оказалась позиция Э. Фромма: «В акте любви я един со Вселенной и, тем не менее, остаюсь самим собой, ограниченным, смертным, человеческим существом. Именно из этой полярной обособленности и объединения рождается любовь» [6, с. 115]. Такой подход позволяет сделать акцент на духовном характере любви, т.е. человек выходит за границы эгоистических устремлений, обретая радость от возможности быть Другим, оставаясь собой. Фромм считает, что «...переживание любви – единственный ответ на вопрос, что значит быть человеческим существом» [7, с. 94].

Проблема трансформации любви в технологизированном обществе оформляется в XX веке. Исследователи размышляли о деградации духовной составляющей любви (Фромм Э., Баева Л.В. и др.), об основаниях и последствиях так называемой сексуальной революции (Сорокин П., Кон И., Маркузе Г., Гидденс Э. и др), предлагались феминистские и постмодернистские переосмысления любви (Симона де Бовуар, Кристина Ю., Фуко М. и др.).

XXI век с его тотальной информатизацией, новыми нейро-, био-, инфо-, когно-технологиями (NBIC-технологии) заставляет вновь обратиться к поиску ответов на вопросы о содержании и смысле любви. Тем более, что все отчетливее слышен трансгуманистический призыв: «техника, цифровые технологии, биотехнологии – это наш шанс переосмыслить наши тела и наши отношения уже не в отдаленном, а в наступившем будущем» [9].

Полагаем, что на изменение ценностного содержания любви и ее конкретные социальные практики в XXI веке влияет ряд культурных трансформаций, обусловленных развитием высоких технологий.

1. Изменение характера жизни в сторону роста потребительского отношения к любым аспектам бытия, даже к собственной телесности: «мы хотим быстрых и легких решений во всех сферах» [3]. В терминологии Эриха Фромма, люди чаще предпочитают «иметь», а не «быть». Потребительское и гедонистическое отношение к любви выхолащивают ее духовную составляющую.

2. Трансформация семейных ролей, и в целом кризис семейных отношений, начавшийся еще в XX веке, усиливается и вступает в свою новую фазу в связи с развитием биотехнологий (вспомогательные репродуктивные технологии, генетический скрининг, беспрецедентное расширение свобод по трансформации собственной телесности – над угрожающими перспективами этих технологий для ценностного мира человека задумываются в биоэтике [5]). А ведь именно в семье ребенок впервые узнает, что такое любовь как бескорыстное чувство, способность к самоотдаче и доверие.

3. Информационные технологии меняют характер коммуникации и взаимодействия, соответственно трансформируются конкретные практики знакомства и выстраивания отношений: от онлайн-дейтинга [4] до полного отказа от непосредственного общения и взаимодействия. Как отмечает Чубаров: «Гаджеты стали заменять нам партнеров» [8].

В отношении трансформации ценности любви и практик с нею связанных в литературе прослеживается три основные позиции:

- консервативная: происходящее – это утрата базовых человеческих ценностей, разрушающих самого человека;
- нейтральная – меняются лишь социальные практики реализации ценности, сама ценность остается неизменной;
- трансгуманистическая: постчеловеческое будущее требует новых постчеловеческих отношений и ценностей.

Данные позиции, с нашей точки зрения, определяются позицией исследователя в отношении понимания любви. Так, наша позиция в связи с обозначенным уже представлением о любви оказывается консервативной. А вот у сторонников трансгуманистической позиции мы обнаружили понимание любви как нежной привязанности к чему-то, что доставляет нарциссическое удовольствие [8].

Думаем, это еще одно подтверждение того, что развитие технологий сопряжено с тенденцией к натурализации в понимании любви и смещением ее аксиологической значимости в область прагматическую и гедонистическую. Это не только индикатор изменений в культуре, но и упрощение (деградация) человеческой духовности.

Перспективы исследования. Полагаем, что размышления такого рода заставляют серьезнее относиться к процессам технотрансформации человека и его жизни. Необходимо серьезно исследовать перспективы ценностных изменений в связи с развитием технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баева Л. В.* Информационная эпоха: метаморфозы классических ценностей: монография / Л. В. Баева. – Астрахань, 2008. – 218 с.
2. *Гидденс Э.* Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / Э. Гидденс. – URL: <https://e-libra.ru/read/380635-transformaciya-intimnosti.html> (дата обращения: 02.04.2022).
3. *Нейсбит Д.* Высокая технология, глубокая гуманность: технологии и наши поиски смысла / Д. Нейсбит; пер. с англ. А. Н. Анваера. – Москва : АСТ: Транзиткнига, 2005. – 381 с.
4. *Пази М.* Цифровая любовь / М. Пази // Эксперт (эл.) 25.02.2019. – URL: https://expert.ru/russian_reporter/2019/03/tsifrovaya-lyubov/ (дата обращения: 12.04.2022).
5. *Тищенко П.* Биотехнологические предпосылки сексуальной революции / П. Тищенко // ПостНаука, 27.04.2015. – URL: <https://postnauka.ru/video/46561> (дата обращения: 12.04.2022).
6. *Фромм Э.* Искусство любить. Душа человека. / Э. Фромм; пер. с нем. В. А. Закс, Э. М. Телятникова. – Москва : Республика, 1992. – 430 с.
7. *Фромм Э.* Человеческая ситуация: [Сб. тр.: Перевод] / Э. Фромм; под ред. и с предисл. Д. А. Леонтьева. – Москва : Смысл, 1995. – 239 с.
8. *Чубаров И.* Любовь в эпоху постгуманизма / И. Чубаров // ПостНаука, 13.07.2019. – URL: <https://postnauka.ru/courses/100915> (дата обращения: 12.04.2022).

9. *Чубаров И.* Любовь и трансгуманизм / И. Чубаров // ПостНаука, 17.07.2019. – URL: <https://postnauka.ru/courses/100915> (дата обращения: 12.04.2022).

10. *Хоробрых О. С.* Феномен любви в философии / О. С. Хоробрых // Сумма философии. – Вып. 4. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 24–28.

11. *Шестаков В.* Эрос и культура: философия любви и европейское искусство / В. Шестаков. – Москва : Терра-Кн. клуб: «Республика», 1999. – 462 с.

ДИСКУРС ОДЕЖДЫ И ТЕЛЕСНЫХ МОДИФИКАЦИЙ КАК ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ В ПСИХОТЕРАПИИ

Ефимкина А.О.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: д-р биол. наук, доцент Разумникова О.М.

Аннотация В тезисах утверждается сходство философских воззрений символических интеракционистов (Ч. Кули, Дж. Мид, Г. Стоун) на личностную идентичность, в частности, телесный ее аспект в выражении через одежду, выбираемую индивидом и позиции психологов-терапевтов (К. Хорни, Л. С. Выготский). Данное сравнение проводилось автором в целях подтверждения значимости изучения одежды психологией как ценного диагностического материала. Автор считает, что невербальное неосознанное сообщение (на уровне одежды) клиентом собственной идентичности, конгруэнтное или не конгруэнтное социальному контексту коммуникации, является источником невротизации либо подтверждения идентичности, что позволяет психотерапевту диагностировать характер нарушений идентичности и помочь восстановить ее целостность.

Ключевые слова и словосочетания: дискурс, идентичность, символический интеракционизм, психотерапия, арт-терапия, преконтакт, программа, оценка, паттерн, диагностика, одежда, телесные модификации.

В психотерапии внешность клиента (в частности одежда) – дискурс, имеющий диагностическое значение на стадии преконтакта. Работа ведется не только с информацией, предоставляемой клиентом сознательно (рисунок, рассказ, диалог с терапевтом и др.), но и с бессознательными сообщениями до того, как он начнет говорить. То, что

человек «сделал со своей внешностью», является частной разновидностью его паттерна взаимодействия с миром.

Паттерн формируется на ранней стадии развития. Каждая психическая функция, согласно Л. С. Выготскому, появляется на сцене дважды: сначала как внешнее взаимодействие, а затем как внутреннее [2]. Это процесс интериоризации, причем интериоризируется как положительный, так и травматичный опыт. Именно с последним приходят работать к психологу. Зачастую люди не способны выразить свою проблему речью в полной мере, и тогда их внешнее самопредъявление – основной ключ к проблеме. Задача специалиста – обнаружить паттерн клиента на бессознательном уровне и довести до сознания.

При всей эффективности в практическом применении [3, 4], проблема диагностики по одежде заключается в следующем: она не доказуема научными методами, которые работают в лабораторных условиях. В терапии есть такие этические ограничения, как конфиденциальность, принцип добровольности терапии и конфликт интересов терапевта и клиента (недопустимость двойных отношений). Поэтому мы ограничили область исследования одежды в психологии эмоциональным компонентом регуляции телесного Я личностной идентичности женщин разных возрастных групп.

Опираясь на исследования предшественников (интеракционисты Ч. Кули, Дж. Мид, Г. Стоун и др., а также представители гуманистического подхода Э. Эриксон, К. Хорни), мы обнаружили совпадение их философских и психологических теорий с практикой психотерапии.

Так, Ч. Кули отмечал значение обратной связи от окружающих в качестве главного источника информации о собственном Я. В 1912 году Ч. Кули предлагает теорию «зеркального Я», в которой говорит, что на Я-концепцию индивида существенно влияют его представления о том, как его оценивают другие [1].

Дж. Мид выделяет в качестве компонентов идентичности «Ме» (совокупность установок), «I» (спонтанное восприятие «Ме» как субъекта деятельности) и их интегральное Я (self), с которого начинается любое поведение. Импульсивная реакция I развивается и заканчивается как Ме под влиянием социума [1].

Символические интеракционисты позаимствовали и модифицировали предложенный Эриком Эриксоном (1946) термин «идентичность», начав изучать одежду как коммуникатор идентичности [6].

По мнению Г. Стоуна, одежда имеет приоритет над речью в установлении идентичности, так как видна еще до начала разговора. Согласно теории символического взаимодействия идентичность человека формируется в социальном взаимодействии и транслируется одеждой, поскольку она объявляет о социальном положении владельца [8].

А. К. Хорни считает, что три описанных ею «образа Я»: Я реальное, Я идеальное и Я в глазах других людей – должны совпадать у здоровой личности. Если Я-идеальное не совпадает с Я-реальным, человек чувствует напряжение, тревогу, он не уверен в себе и относится к себе плохо. Это оказывает пагубное воздействие на развитие личности и становится причиной ее невротизации [5].

Г. Стоун и К. Хорни подчеркивают важность опоры человека на социальное восприятие компонентов его личности. Если рассматривать одежду и телесные модификации как дискурс (текст клиента, который он наравне с речью готовил как программу, рассчитанную на адекватную оценку окружающих), то можно оценить и адекватность программы. Г. Стоун резюмирует: «Разговор об идентичности – это [...] дискурс, который отражает представления индивидов о социальном порядке» [7].

Иначе говоря, если «рассказ»-одежда клиента адекватен его социальному контексту и встречает адекватную ожиданиям оценку, идентичность человека находится в безопасности, и он менее склонен к неврозу.

На наш взгляд, данный вопрос находится на пересечении психотерапии и философии, социологии, антропологии и включает в себя все те преобразования и новшества, которые касаются общества. Для того чтобы использовать этот материал в психотерапии, необходимо учитывать факторы именно того социума, той среды, в которой данный конкретный человек получил воспитание и сформировал свою личностную идентичность. В контексте телесных модификаций личностной идентичности приходится учитывать и те способы моделирования тела и одежды, которые предоставлены в распоряжение индивидам XXI века (пластическая хирургия, изменение пола, бионическое протезирование и др.).

Таким образом, одежда как способ передачи идентичности может и должна являться предметом изучения психологии. В арт-терапии мы рассматриваем формирование и конструирование внешнего вида человеком (подбор одежды, украшение тела, уходовые процедуры, моди-

фикация) как изготовление арт-объекта, который несет в себе самовыражение с символическим и архетипическим смыслом. А в гештальт-подходе мы распознаем передаваемое, трансформируя эти смыслы и символы в дискурс, транслируемый при помощи речи и слов. Это имеет важный диагностический и терапевтический смысл.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Р. Бернс. – Москва : Прогресс, 1986. – 420 с.
2. Выготский Л. С. Психология развития человека / Л. С. Выготский. – Москва : Изд-во «Смысл»; Изд-во «Эксмо», 2005. – 1136 с.
3. Ефимкина А. О. Встречают по одежке / А. О. Ефимкина // Гадание на реальности. Азбука арт-терапии. – Москва : Независимая фирма «Класс», 2018. – 208 с.
4. Ефимкина А. О. Роль одежды в арт-терапевтическом процессе / А. О. Ефимкина // История российской психологии в лицах: Дайджест. – 2016. – № 6. – С. 389–396.
5. Хорни К. Невроз и личностный рост: борьба за самореализацию / К. Хорни. – Санкт-Петербург : Восточно-Европейский институт психоанализа и Б.С.К. – 1997. – 316 с.
6. Erikson E. H. Ego development and historic change / E. H. Erikson. // The Psychoanalytic Study of the Child. – 1946. – № 2. – Pp. 359–396.
7. Hunt S. A. The Discourse of Dress and Appearance: Identity Talk and a Rhetoric of Review / S. A. Hunt, K. A. Miller // Symbolic Interaction. – Vol. 20. – № 1. – 1997. – Pp. 69–82.
8. Roach-Higgins M. E. Dress and Identity / M. E. Roach-Higgins, J. B. Eicher // Clothing and Textiles Research Journal. – 1992. – № 10 (4). – Pp. 1–8.

ПРОБЛЕМЫ ЭНЕРГЕТИКИ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Зинченко Е.С.

Сибирский государственный университет путей сообщения
Научные руководители: д-р техн. наук, проф. В.И. Кочергин,
д-р филос. наук, проф. Н. И. Мартишина

Аннотация. Совершенствование добычи энергоресурсов на текущий момент является одним из основных условий жизнедеятельности человечества, так как большинство сфер активности человека, начиная от простого про-

смотря новостей на смартфоне и заканчивая отоплением рабочих помещений, подразумевает под собой использование как энергоносителей, так и энергии в целом. Однако с ростом числа потребителей энергии остро встает вопрос о росте поставщиков той самой энергии, что по своей сути неминуемо ведет к образованию такого явления, как энергетический кризис.

Ключевые слова и словосочетания: энергоносители, энергетика, энергетический кризис.

Энергетический кризис является следствием значительного роста спроса на энергоносители, при недостаточном предложении данного ресурса или полном отсутствии его. На наш взгляд, существует несколько логических решений данной проблемы.

Первым решением является простое повышение производительности объекта добычи энергоресурсов, путем совершенствования как оборудования добычи ресурсов, так и методики, применяемой в данном процессе. Однако при рассмотрении данного подхода в решении проблемы энергетического кризиса в традиционной энергетике возникает несколько сложных моментов, которые в свою очередь и определяют дальнейшее развитие данной сферы человеческой деятельности. Первый и самый главный момент, на мой взгляд, – это тот факт, что ресурс либо конечен (если мы говорим о таких ресурсах, как уголь, нефть и т. д.), либо чрезмерное использование его ведет к крупным экологическим проблемам. Если с конечностью ресурсов вопросов не возникает, то с экологическими проблемами не все так однозначно. Данный пункт предлагается разобрать на примере гидроэлектростанции (ГЭС).

При разборе следует начать с достоинств данной сферы добычи энергоресурсов: возможность аккумуляции энергии; низкая себестоимость вырабатываемой электроэнергии.

Переходя к недостаткам данного метода, следует отметить тот факт, что даже при использовании всего речного потенциала Земли обеспечить более четверти современных потребностей человечества не представляется возможным. Экологические недостатки у данного метода следующие: изменение климата близлежащих территорий из-за образования водохранилищ, которые в свою очередь являются естественными накоплениями загрязнений; образование сине-зеленых водорослей, которые ускоряют процессы эвтрофикации; изменение уровня подземных вод. Однако в этой сфере производится совершенствование методик добычи. Более перспективным является сооружение ГЭС на

горных реках. Данный способ позволяет преодолеть ряд недостатков, тем не менее горные реки есть далеко не везде.

Второй же момент – это ограниченность производительности оборудования, используемого в сфере энергодобычи. Это означает, что по своей сути решения, предпринимаемые для совершенствования как оборудования, так и методик уже достигли такого уровня, на котором внедрение современных технологий (таких, как микропроцессоры) в этапы производства обязано было повысить эффективность рабочего процесса; но более детальное рассмотрение ситуации показывает, что само производство этого оборудования является крайне энергозатратным. Современные технологии добычи инертных газов и других редких ископаемых ресурсов создают ситуацию, при которой необходимо добывать больше энергетических ресурсов, чтобы больше добывать энергии. По своей сути это замкнутый круг, который при данных условиях скорее приведет к истощению энергетических ресурсов, нежели к осязаемому прогрессу в энергетической сфере.

Таким образом, мы подошли к разбору второго решения энергетической ситуации. Вторым решением, на наш взгляд, является развитие сферы альтернативных источников энергии. Под альтернативными источниками энергии подразумеваются возобновляемые источники, такие как ветровые, солнечные, волновые и т. д. При поверхностном анализе данной сферы кажется, что за данными источниками будущее. Однако при более глубоком изучении вопроса возникают следующие противоречия, которые рассмотрены на следующих примерах.

Использование солнечной энергии – одно из самых перспективных направлений, которое показывает колоссальные цифры производства энергии 10^5 ТВт, при общемировом потреблении в 10 ТВт. Однако данный метод вновь использует технологии, нуждающиеся в больших затратах при производстве, полупроводники, которые на данный момент находятся в недостатке в связи с последними событиями. Кроме того, проблемой является непосредственная зависимость от погодных условий и времени года.

Волновая энергетика при ограниченном использовании решает проблемы, образующиеся во время использования ГЭС, однако в массовом использовании также негативно влияет на окружающую среду. И такая картина преобладает в большинстве методов.

Основываясь на вышесказанном, следует подвести итог, что на текущий момент существуют лишь методы замещения одних энергоно-

сителей другими, а не методы решения проблемы энергопроизводства. На наш взгляд, основной причиной текущей ситуации является ограниченность прогресса, т. е. устаревший технологический уклад, и одним из немногих способов решения текущей ситуации является переход на следующую ступень технологического развития.

ЛИТЕРАТУРА

Гордиенко В. А. Введение в экологию / В. А. Гордиенко, К. В. Показеев, М. В. Старкова. – URL: <http://nuclphys.sinp.msu.ru/ecology/ecol/index.html> (дата обращения: 12.04.2022).

СОЦИАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИОНИКИ

Золотникова А.В.

Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(технический университет)

Научный руководитель: доцент Селиверстова Н.А.

Аннотация. В статье рассматриваются сущность крионики и различные перспективы использования криотехнологий. Анализируются социальные, нравственные, психологические проблемы, связанные с применением криотехнологий к человеку. Автор считает, что крионика – важная сфера современных научных исследований, а перспективы применения криотехнологий крайне обширны и значимы для человечества.

Ключевые слова и словосочетания: крионика, криотехнологии, криоконсервация человека, социально-нравственные проблемы.

Крионика – это технология сохранения людей или животных с помощью заморозки до температуры жидкого азота ($-196\text{ }^{\circ}\text{C}$) с целью оживления в будущем, когда станут известны методы по восстановлению органов или организма после глубокого охлаждения. Роберт Эттингер (1918–2011 гг.) – американский ученый, «отец крионики», в своей знаменитой книге «Перспективы бессмертия» еще в 1964 году сформулировавший основные идеи теории, полагал, что процесс умирания далеко не так мгновенен и быстротечен, как может показаться [4]. Его можно приостановить, а значит сохранить возможность

возвращения человека к жизни. Но пока не известна «обратная» технология, которая могла бы восстановить целого «криопациента» и «вдохнуть» в него жизнь; именно поэтому научность крионики и ее практическая значимость ставятся под сомнение.

Основные организации, разрабатывающие идеи крионики, на сегодняшний день расположены в США – это предприятие «Алькор», Институт крионики и «Общество бессмертия» [1]. В 2016 году было составлено открытое письмо в поддержку крионики, которое подписали 69 ученых мира [6].

Наиболее успешные направления, получившие на сегодняшний день положительные практические результаты, это криоконсервация эмбрионов, сперматозоидов и некоторых органов методом витрификации, при размораживании которых уже удается восстановить их функции. В работе японского ученого Наруми Огонуки [5] сообщается, что удалось получить живое потомство от мертвых мышей, репродуктивные органы которых хранились в холодильнике в течение 15 лет. Это дает определенные надежды на возможности в будущем на восстановление исчезнувших видов животных. Что касается перспектив применения этих технологий к человеку, то это порождает целый ряд проблем социально-нравственного характера.

С одной стороны, может появиться мнение, что стоит в первую очередь спасать только выдающихся личностей, жизнь которых для человечества особенно ценна, а не «простых смертных», «бесполезных» для науки, искусства и пр. Социальное расслоение общества как источник многочисленных деструктивных конфликтов – серьезная проблема всех времен и народов, и успехи крионики возможно позволят найти ее решение в будущем [4].

С другой стороны, можно предположить, что «золотое правило морали», требующее относиться к другим так, как ты хотел бы, чтобы они относились к тебе, станет не только желательным идеалом, но и необходимостью. Асоциальное поведение будет вдвойне невыгодным с учетом бессмертия и риском получить наказание длительностью в вечность. Также необходимо будет учитывать, что наше знакомство с определенными людьми не будет ограничено одной жизнью, наши пути могут пересечься в далеком будущем.

Кроме того успехи крионики могут обострить ряд психологических и даже религиозных вопросов: что происходит с «душой» после смерти, имеет ли она материальную составляющую или это нечто бестелес-

ное, «возвращается» ли она после «оживления» или же появляется другая душа-близнец? Эттингер, например, придерживался точки зрения, что смерть не является настоящей, жизнь лишь возобновляет свой ход, а душа находится в рамках тела. Возможно, душа это не сам человек, но важная его часть, подобно тому, что голова – не личность, но сознания нет без мозга.

Сегодня иногда звучат предложения использовать криоконсервацию в отношении тяжелобольных людей, испытывающих мучительные боли. Но поскольку вероятность их возвращения к жизни на сегодняшний день невелика, то, по сути, возникает вопрос об эвтаназии, которая в большинстве стран, включая Россию, считается незаконной и недопустимой по морально-этическим соображениям.

Таким образом, крионика – важная сфера научных исследований, а перспективы применения криотехнологий крайне обширны. В частности, это – один из альтернативных путей к формированию трансчеловека, а далее – постчеловека. И хотя некоторые аспекты крионики, как например эвтаназия, встречают неприятие в современном мире, можно предположить, что в будущем благодаря развитию криотехнологий и изменения общественного сознания, в аспекте его отношения к смерти и бессмертию, крионика даст новый импульс развитию человечества, подарив ему надежду если не на бессмертие, то на существенное увеличение продолжительности и качества жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амстиславский С. Я.* Сюзанна Ла Фальци Крионика – мифы и реальность. В защиту науки. Бюл. № 2 / С. Я. Амстиславский; отв. ред. Э. П. Кругляков; Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований РАН. – Москва : Наука, 2007. – С. 163–183.
2. *Коноплева Е. Л.* Этические проблемы криоконсервации человека / Е. Л. Коноплева // Смоленский медицинский альманах. – 2015. – С. 17–19.
3. *Карпова Л. М.* Экзистенциальные аспекты концепции постчеловека / Л. М. Карпова // Гуманитарные исследования. – 2020. – № 2. – С. 9–14.
4. *Эттингер Р.* Перспективы бессмертия / Р. Эттингер. – Москва : Научный мир, 2002. – 152 с.
5. Spermatozoa and spermatids retrieved from frozen reproductive organs or frozen whole bodies of male mice can produce normal offspring / N. Ogonuki, K. Mochida, H. Miki et al. // Proc. Natl. Acad. Sci U.S.A. – 2006. – 6 с.
6. Scientists' Open Letter on Cryonics // Institute for Evidence Based Cryonics. U.S.A. – 2016. – 3 с.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Кистанова К.Е., Данилкова М.П.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент Данилкова М.П.

Аннотация. Статья посвящена исследованию некоторых этических проблем применения искусственного интеллекта. Рассмотрены пути развития ИИ и его взаимодействие с человеческой цивилизацией, их преимущества и недостатки.

Ключевые слова и словосочетания: искусственный интеллект (ИИ); этика ИИ, сильный и слабый ИИ; трансгуманизм; законы робототехники.

В настоящее время искусственный интеллект (ИИ) принято подразделять на слабый и сильный. Слабый ИИ нацелен на выполнение конкретного спектра задач или одной задачи: анализ данных, игра в шахматы и т.д. К слабому ИИ относятся, к примеру, Google Translate, Siri, Алиса. Данные ИИ не способны мыслить самостоятельно, однако во многом они очень упрощают человеческую жизнь, выполняя рутинную работу и быстро обрабатывая большие массивы информации. Сильный ИИ, по своей сути, является «искусственным разумом», обладающим сознанием и способным принимать сложные решения. Именно с его развитием будут подниматься основные этические и социальные проблемы, такие как способность ИИ к эмпатии, взаимоотношения роботов и людей, заменимость человека в профессиональной сфере в условиях повсеместной роботизации.

На вопрос о взаимоотношениях роботов и людей еще в середине прошлого века дал ответ писатель-фантаст А. Азимов, сформулировав три закона робототехники: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред. Робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит Первому или Второму Законам» [1, с. 5]. В настоящее время эти законы подверглись неоднократной критике. Так, Фрэнк Паскуале, профессор Бруклинского юридического инсти-

тута, предлагает дополнить их еще четырьмя: «Цифровые технологии должны дополнять профессионалов, а не заменять их. ИИ и роботизированные системы не должны подделывать человека. В области ИИ следует предотвратить усиление гонок вооружения с нулевой суммой [прим. перев. — это относится к понятию игр с нулевой суммой из теории игр]. Роботы и системы ИИ должны указывать на личность своих создателей, контролирующих их людей и владельцев» [4]. Из этого следует, что роботы должны дополнять профессионалов, беря на себя рутинную работу и открывая перед человеком более креативные направления. Их задача перевести профессиональную человеческую деятельность в интеллектуальную и творческую плоскость, исключая однообразный физический труд. Кроме того, предложенные законы на корню исключают возможность автономности роботов, их развития параллельно с людьми, предполагая, что человек в любой момент должен иметь возможность отключить машину или перепрограммировать ее.

Однако существует и принципиально противоположная точка зрения. Так, А.В. Разин утверждает: «Принципиальная возможность ошибки должна быть заложена и в работу искусственного интеллекта, чтобы можно было говорить о его этике в собственном смысле слова. Должны быть также выполнены условия коммуникации машин, их взаимных оценок и наличия у них феноменального опыта» [2, с. 57]. Разин считает, что сознание не может существовать без поэтапно развившегося тела, следовательно, роботы, обладающие подобием человеческого сознания, должны уметь самовоспроизводиться и коммуницировать с себе подобными, рефлексировать, проходя разные этапы развития. При этом их тела должны быть схожи с человеческими, чтобы роботы, развиваясь, получали подобный человеческому опыт и шли по тому же пути развития [2, с. 68]. Данная модель предполагает параллельное развитие двух цивилизаций: человеческой и машинной.

Подобная концепция, по мнению некоторых философов и исследователей, может привести к «восстанию машин», так как роботы будут превосходить людей в возможностях познания. Такая ситуация благодаря известному математику и фантасту Вернону Виджу получила название «технологическое превосходство» [3, с. 131]. Во избежание такого сценария развития событий сторонники трансгуманизма предлагают симбиоз в развитии роботов и людей и, как следствие, человеческой кибернетизации. Однако в будущем это приведет к следующей проблеме, аналогичной парадоксу корабля Тесея: если все части чело-

вещеского тела будут заменены, а сознание перенесено на неорганический носитель, не утратит ли человек свою человечность? В какой момент симбиоз перейдет в замещение роботами людей вследствие полного слияния, и это приведет к исчезновению человеческой цивилизации?

Заключение. Разумеется, в данной статье подняты далеко не все проблемы, с которыми в будущем может столкнуться человечество с развитием ИИ. Некоторые из них и вовсе маловероятны. Возможно, с целью избежания некоторых угроз отказаться от идей создания ИИ, равного человеку. На данный момент с точностью можно утверждать только одно: ИИ кардинально изменит человеческую жизнь, во многом он изменяет ее уже сейчас, расширяя границы человеческих возможностей. А то, как мы будем использовать эти технологии, приведут ли они цивилизацию к процветанию или разрушению, зависит от нас и нашего выбора пути развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азимов А. Я, робот / А. Азимов.* – Москва : Эксмо, 2019. – 320 с.
2. *Разин А. В. Этика искусственного интеллекта / А. В. Разин // Философия и общество.* – 2019. – № 1. – С. 57–73.
3. *Маковкин А. С. Этические проблемы применения искусственного интеллекта / А. С. Маковкин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* – Тамбов : Грамота, 2015. – № 2 (52): в 2 ч. Ч. II. – С. 130–132.
4. *Паскуале Ф. Новые законы робототехники: защита человеческого опыта в эпоху ИИ / Ф. Паскуале // Belknap Press of Harvard University Press, 2020.* – 344 с.

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Ларин А.П., Чернова Е.М., Данилкова М.П.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент Данилкова М.П.

Аннотация. В данной статье рассмотрены возможности существования искусственного интеллекта, наделенного человеческим разумом, эмоциями и рациональным мышлением. Выявлены некоторые преимущества и недостатки машинного интеллекта.

Ключевые слова и словосочетания: искусственный интеллект, человеческий разум, тест Тьюринга.

Прежде всего, определимся с терминологией. Будем считать, что искусственный интеллект (ИИ) – это способность компьютера учиться, принимать решения и выполнять действия, характерные для человеческого интеллекта, а также обладать такими свойствами, как адаптация к изменениям, накопление опыта, рефлексия и самосознание, сила воли и т. д. Однако искусственный интеллект – это не калька с человеческого разума. Это технология, с помощью которой машина решает задачи в соответствии с заданными алгоритмами. Алгоритмические системы все чаще используются для принятия решений во многих сферах жизни людей.

Рассмотрим ряд выводов экспертов, касающихся внедрения ИИ во все сферы жизни человека. Так, участники семинара в Германии сделали следующие выводы: ИИ будет эффективен в тех ситуациях, когда требуется скорость и повышенная точность. Эксперты считают, что ИИ мыслит черно-белыми категориями и может следовать только жестким критериям. В частности, ими может быть автопилот самолета или автомобиля, управление дорожным движением или хирургическая точность при выполнении операций. Однако ИИ не подходит для принятия решений, связанных с «мягкими факторами». Примерами таких факторов являются сложные моральные суждения, оценка нематериальных ценностей. Это утверждение согласуется с одним из правил юридической науки: политика, требующая использования человеческого усмотрения, не может быть автоматизирована.

Далее, участники конференции в Соединенном Королевстве считают, что машины работают строго по алгоритмам, которые были заложены в них разработчиками. Эти алгоритмы не могут лежать в основе этических решений. Многие эксперты отметили, что ИИ не учитывает вышеупомянутые мягкие факторы (качества, которые неосознаны или трудно поддаются определению), что заставляет многих ученых скептически относиться к ИИ.

Стоит учесть, что в научно-технической литературе высказываются опасения по поводу внедрения ИИ в жизнь человека. Алгоритмическое принятие решений нарушает автономию человека. Трудно оправдать или обжаловать решение, принятое ИИ в любой чрезвычайной ситуации. Здесь мы хотим добавить, что книга А. Тьюринга «Вычислитель-

ные Машины и разум» выдвигает множество возражений против внедрения ИИ в нашу жизнь. Тьюринг цитирует профессора Дж. Джефферсона: «Только, когда машина способна написать сонет или сочинить концерт, основываясь на мыслях и пережитых чувствах, а не в результате случайного выпадения символов, мы смогли бы согласиться с тем, что машина сравнима с человеческим мозгом, способным не только писать, но и осознавать, что он пишет. Ни один механизм не способен испытывать удовольствие от успеха, горевать от перегрева клапанов, льстить себе, страдать из-за ошибок, восхищаться противоположным полом, злиться или грустить, когда он не достигает того, чего хочет» [4].

Если смотреть на ИИ с философских позиций, то можно выделить несколько основных проблем.

- С появлением ИИ людские ценности могут кардинально измениться, также изменятся нормы и приоритеты человеческой цивилизации.

- Машина, обладающая разумом, сможет развиваться быстрее человека (обладавая большей информацией, чем способен вместить в себе человеческий мозг). С этим развивается опасность того, что в какой-то момент человек не сможет понять смысл и последовательность принимаемых ИИ решений.

- Каждый человек индивидуален и невозможно будет создать ИИ, который сможет «рационально» выражать свои эмоции и мысли. Даже если взять за основу символическую систему мыслей, то большинство мыслей формируется под бессознательными факторами.

- Человек не может выражать все свои мысли в символьном виде, следовательно, ИИ (построенный как символическая система) может решать лишь ограниченный круг поставленных задач.

- Система, претендующая на звание «интеллектуальная», должна иметь самооценку, самоанализ и мотивацию, но на данный момент существуют лишь гипотетические способы реализации.

Заключение. Таким образом, с появлением ИИ кардинально изменится жизнедеятельность людей. Высокие технологии искусственного интеллекта и глобализация создадут «нового» человека, который будет иметь другие жизненные ценности, иной подход к решению как повседневных, так и общественных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. A cold, technical decision-maker. – URL: <https://transfer-learning.ai/paper/a-cold-technical-decision-maker-can-ai-provide-explainability-negotiability-and-humanity/>.
2. Искусственный интеллект: социально-философское осмысление. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-sotsialno-filosofskoe-osmyslenie>.
3. Философские проблемы развития искусственного интеллекта. – URL: https://kartaslov.ru/книги/Философские_проблемы_развития_искусственного_интеллекта/2.
4. *Тьюринг А.* Вычислительные машины и разум / А. Тьюринг. – 1950 [На русском]. – С. 61.

СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ «ДИЗАЙНЕРСКИХ ДЕТЕЙ»

Луканина Д.Д.

Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(технический университет)

Научный руководитель: доцент Селиверстова Н. А.

Аннотация. Статья посвящена анализу социально-этических аспектов трансгуманистического подхода к «улучшению» людей посредством редактирования зародышевой линии человека и создания «детей на заказ».

Ключевые слова и словосочетания: трансгуманизм, биотехнологическое проектирование, изменение зародышевой линии, генно-модифицированный человек, «дизайнерские дети».

В последние годы в научном сообществе большую известность приобрело движение трансгуманизма, популяризирующее идеи применения НБИКС-технологий (комплекса нано-, инфо-, биотехнологий и когнитивных ресурсов) для устранения нежелательных аспектов жизни человека – болезней, старости, смерти. С точки зрения сторонников трансгуманизма, ограниченность человеческой природы препятствует развитию общества, в том числе и научно-технического прогресса, поэтому необходимо «улучшить» человека путем внедрения в него продуктов комплекса новейших технологий.

Однако вмешательство в организм человека нельзя оценивать однозначно. Например, «улучшение» может быть возвратом к норме (лечение генетических заболеваний, биопротезирование и биотрансплантация). Но представители трансгуманизма допускают изменение параметров самой нормы и предлагают тем самым создать постчеловека с улучшенными качествами.

Одним из путей, теоретически позволяющим корректировать некоторые свойства и возможности людей, является генная инженерия, способная изменять зародышевую линию человека. Причем сегодня уже есть реальные достижения в этой области. Технология CRISPR/Cas9 [1] – одно из них. Она основана на особенностях иммунной системы бактерий и предполагает редактирование генома эмбрионов человека. Этот прорыв в биомедицине вызвал сильный резонанс в научном сообществе. Открывающиеся перспективы во многом представляются очень выгодными: позволяют исключить возможность возникновения опасных болезней, скорректировать внешность, физические и умственные способности будущего ребенка, увеличить продолжительность жизни и т. п.

Эти исследования позволили допустить возможность создания в будущем по заказу родителей так называемых «дизайнерских детей», что вызвало резкую критику со стороны ряда ученых [5]. Критики идеи создания «детей на заказ» указывают, во-первых, на нерешенность большого круга биотехнологических проблем (процесс еще недостаточно изучен, эта технология запрещена более чем в 40 странах и пр.). Во-вторых, выдвигаются аргументы социального, экономического и этического плана, в частности, что редактирование зародышевой линии – это та граница, которую пока не следует пересекать [3]. Например, станет ли проектирование детей доступно всем, или это будет элитная и дорогостоящая услуга? А если это будет государственная программа, предусматривающая обязательную корректировку генома эмбриона? Могут возникнуть протесты общественности по религиозным или моральным соображениям. Если редактирование зародышевой линии станет привилегией неких социальных групп, то в результате произойдет расслоение общества, усилится социальное неравенство вплоть до дискриминации «несовершенных», генномодифицированных людей [4]. В-третьих, медицина пока не может точно сказать, как изменение генома человека повлияет на его потомков. Весьма возможно появление побочных эффектов, которые приведут к еще более серьезным заболеваниям и отклонениям от нормы.

Следовательно, возникает вопрос: этично ли изменять геном человека, если эти изменения необратимы?

Кроме того, может возникнуть соблазн использовать биотехнологическое проектирование людей для предотвращения феноменов насилия и агрессии у будущих поколений и создания, таким образом, мирного и счастливого общества. Однако таким путем мы можем получить, например, общество подобного тому, что было описано в антиутопии О. Хаксли «О дивный новый мир». Известный исследователь в области эволюционной психологии профессор Дж. Палмер писал: «Мы находимся на грани глубочайшего, наиболее обширного вмешательства в настройку нашей психики и органики, которое когда-либо предпринималось» [2, с. 201]. Действительно, вмешательство в геном человека носит неоднозначный характер: человечество рискует, подвергаясь далеко не безопасным методам «взлома» своего организма.

Таким образом, ученые-генетики, занимающиеся исследованиями в данной области, должны действовать крайне осторожно и обдуманно, поскольку реализация некоторых трансгуманистических проектов может иметь не только непредсказуемые генетические последствия, но даже стать тормозом духовной эволюции человечества. Ведь именно осознание того факта, что жизнь не бесконечна, заставляет нас ценить ее, не растрчивая попусту, чтобы успеть реализовать все задуманное.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Наймарк Е.* Системы типа CRISPR-Cas9 широко распространены и имеют множество вариантов: [арх. 21 сентября 2021] / Е. Наймарк // Элементы. – 2021.

2. *Палмер Дж.* Эволюционная психология. Секреты поведения Homo Sapiens / Дж. Палмер, Л. Палмер; пер. с англ. И. Павлова, С. Е. Рысев, А. Е. Кулаков. – Санкт-Петербург: Прайм-Евронэк, 2003. – 384 с.

3. *Циммер К.* Она смеется, как мать. Могушество и причуды наследственности = K. Zimmer. She has her mother's laugh. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2020. – 596 с.

4. *Sample J.* Genetically modified babies given go ahead by UK ethics body. (англ.) / J. Sample // The Guardian. – 2018. – URL: <https://www.theguardian.com/science/2018/jul/17/genetically-modified-babies-given-go-ahead-by-uk-ethics-body> (дата обращения: 03.04.2022).

5. Don't edit the human germ line. (англ.) / E. Lanphier, F. Urnov, S. E. Haecker, M. Werner, J. Smolenski // Nature. – 2015. – Vol. 519, no. 7544. – P. 410–411.

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА КАК МЕТОД ПРЕДВИДЕНИЯ

Марданов Д.И., Данилкова М.П.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент Данилкова М.П.

Круглая Земля, микробы, вызывающие болезни, субатомные частицы – когда-то все это казалось причудами, и никто не знает, когда сегодняшняя фантастика станет завтрашней научной реальностью.

The Big Bang Theory

Аннотация. Статья посвящена проблеме стратегий предвидения будущего: какими будут новый мир и новая реальность? В работе рассматривается научная фантастика как метод предвидения.

Ключевые слова и словосочетания: научное предвидение, прогнозы, научная фантастика, новая реальность.

Наука и техника не могут развиваться, не пытаясь заглянуть в собственное будущее. Этому есть несколько причин. Они движутся вперед, ставя цели на каждом этапе. Будет неправильно рассматривать всю научно-фантастическую литературу как точное прогнозирование. Научная фантастика относится к одной из художественных разновидностей. Одна из ее функций – способность в некоторых моментах предсказывать будущее. Не все писатели-фантасты смогли сделать прогнозы в своих произведениях, но они пытались создать «модели будущего», которые явились источником новых идей в науке и технике. Вот почему научная фантастика актуальна до сих пор: она представляет собой массу безумных, почти невозможных идей. Фантастический прогноз позволяет понять: как нечто новое может повлиять на человеческое общество и предположить – какие последствия могут быть.

В современной науке немало внимания уделяется вопросам прогнозирования, ведь от своевременно предложенного прогноза зависит многое. Все прогнозы можно разделить на пассивные и активные. Прогнозы пассивного характера оказывают наименьшее влияние на цепь

событий, ведущих к будущему. Активные прогнозы в большей степени способны оказывать воздействие на грядущее. Кроме того, они предполагают использование технологий с целью продвижения каких-либо идей. Решать проблему прогнозирования будущего можно двумя способами: экстраполируя в окружающих событиях закономерности или порождая в воображении целостный образ будущего. И если первый путь – экстраполяция ведет к науке, то второй – к мистике. Поэтому экстраполяция является методологической основой прогнозов научной фантастики.

В своем докладе «Футурология как исследование и изобретение будущего» на Всероссийской научной конференции «Футурологический конгресс: будущее России и мира» 4 июля 2010 года доктор философских наук В.И. Супрун отметил, что экстраполяция в современном прогнозировании не всегда эффективна. С этим можно согласиться лишь отчасти – большинство фантастов часто использовали экстраполяцию и делали довольно неплохие прогнозы. Сама экстраполяция означает распространение установочных в прошлом тенденций на будущий период. Именно экстраполяция позволяет научной фантастике стать особым методом прогнозирования будущего. Использование ракет для корректировки курса снаряда в рассказе Ж. Верна «Вокруг Луны» (1870) стало примером научно-фантастического предвидения, но чтобы сформировать фантастический прогноз в области освоения космоса, необходимо было проанализировать и обобщить все имеющиеся на тот момент предвидения писателей-фантастов.

Современная фантастическая литература насчитывает десятки тысяч произведений, в каждом из которых содержится та или иная фантастическая идея. Ученые первыми увидели такую возможность в эволюции человека. Киборг, управляющий космическим кораблем, знаком советскому читателю по рассказу Г. Каттнера «Маскировка». Фантастическая работа Г. Уэллса не противоречила научной фантастике. Он распространил принцип научного и художественного предвидения на социальную реальность, но его работы продемонстрировали, насколько изощренным стал метод научной фантастической литературы. Уэллс заложил основу релятивистской научной фантастики – действующих гипотез, спорных даже на пределе фундаментальных научных концепций, влияющих на законы природы.

Таким образом, научная фантастика действительно является особым методом предвидения будущего человеческой цивилизации, так

как в ее основе лежит экстраполяция. Это доказывают прогнозы отечественных и зарубежных писателей-фантастов. Кроме того, научная фантастика как жанр популярной литературы, имеющий свою целевую аудиторию, способна изменять человеческое общество. Благодаря взаимодействию научной фантастики и изобретателей жизнь людей XXI века стала намного легче и комфортнее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дяченко М. Зачем нужна научная фантастика и почему она актуальна сейчас. 26.02.2020 / М. Дяченко, С. Дяченко. – URL: <https://style.rbc.ru/impressions/5e5679f29a79472d5125e27d>.

2. Новости аналитика информации Око Планеты «Научная фантастика как особый метод прогнозирования будущего человеческой цивилизации». 12.05.2013. – URL: <https://oko-planet.su/politik/society>.

3. Ляпунов Б. Новые достижения техники и советская научно-фантастическая литература. 28.02.2020 / Б. Ляпунов. – URL: <https://fantlab.ru/blogarticle/65481>.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ЛИЧНОЕ ОБЩЕНИЕ

Миничев А.В., Вардугин В.Ю.

Сибирский государственный университет путей сообщения
Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент Акишина Е.О.

Аннотация. В современных условиях проникновения интернета во все сферы жизни особый интерес вызывают социальные сети. Общедоступность интернета и формирование сетевого общества внесли коррективы в процессы личного общения. В работе рассмотрена статистика использования социальных сетей, преимущества, недостатки их использования, даны рекомендации для пользователей социальных сетей.

Ключевые слова и словосочетания: социальная сеть, онлайн-общение, коммуникация, психическое здоровье, свобода слова.

Впервые термин «социальные сети» был введен в научный оборот в 1954 году британским социологом Джеймсом Барнсом. За прошедшие десятилетия глобализация и рост мобильности населения потре-

бовали создания новых каналов связи и координации действий. В начале XXI века один за другим появляются ресурсы вроде Instagram, Facebook и др., а затем и российские «Одноклассники» и «ВКонтакте». За достаточно небольшой срок социальные сети вызвали значительные сдвиги в сознании и мировоззрении человека.

Социальные сети существуют относительно недолго, но психологи и социологи задаются вопросом: вредны ли социальные сети для психики? Наиболее распространенной является версия, что влияние социальных сетей на психику неоднозначно, все зависит от того, кто и зачем ими пользуется.

Статистика поражает: по данным на октябрь 2021 года, во всем мире социальными сетями пользуются 4,14 млрд человек, что на 12,3 % выше показателей предыдущего года. Видеохостинг YouTube охватывает 2 млрд человек, из них 80,1 млн – российские пользователи. «ВКонтакте» уверенно догоняет – 72,9 млн человек в одной только России. В нашей стране также любят Instagram – 54 млн (топ-5 по посещаемости). Согласно исследованиям каждый год среднее время пребывания в интернете увеличивается на полчаса: в 2019 году оно составляло 6 часов 20 минут в день, а в 2021 – почти семь. Российские пользователи вырвались вперед, проводя в сети около 8 часов в день.

Сетевое общение имеет положительные и отрицательные стороны. К плюсам общения в интернете можно отнести следующие:

1. Возможность политической и социальной осведомленности.

В интернете можно найти практически любую информацию на разные темы из разных источников.

2. В интернете можно эффективно реализовать свободу слова.

Недовольство решениями властей, активистские движения и прочие моменты, труднореализуемые в реальной жизни, прекрасно работают в сети. При этом сами политики также активно высказывают свое мнение (например, Дональд Трамп и Илон Маск активно выкладывают свои твиты).

3. Сетевое общение может способствовать развитию экономики.

Пользователи оставляют отзывы, в которых высказывают свое мнение о конкретных товарах, услугах и компаниях. Даже крупным корпорациям приходилось идти на уступки из-за массовых интернет-акций.

4. Многие рабочие процессы сейчас перенесены в сеть.

Гораздо проще находить специалистов в сети. Коммуникация упрощается, так как многие вопросы можно решить удаленно.

5. Возможность иметь широкий круг общения и заводить новые знакомства. Иногда даже в близком окружении бывает сложно найти человека, разделяющего твои увлечения. В сети же имеется огромное количество тематических форумов, групп в социальных сетях и чатов в мессенджерах. Через сеть можно обратиться за помощью, помочь людям в беде, оказав и моральную, и материальную поддержку. Сети позволяют раскрыть неочевидные проблемы, поднять общественный резонанс.

Безусловно, социальные сети – большой скачок в развитии человечества. Однако проблем, связанных с социальными сетями, не меньше, чем достоинств, и порой они затмевают все преимущества виртуального общения. К сожалению, в интернете много лжи: чаще всего она смешана с личными выдумками или намеренным искажением действительности. Совместное исследование психологов из США, Франции, Великобритании и Арабских Эмиратов показало, что пользователи сетей больше доверяют виртуальным друзьям и медийным персонам, поэтому, сами того не понимая, распространяют ложную информацию. Социальные сети порождают зависть. Выкладывая свои лучшие фото, пользователи создают иллюзию идеальной жизни. И другие, смотря на это, начинают считать, что их жизнь скучна и однообразна. Существует интернет-зависимость – доказанное психологическое заболевание. На сознание вследствие длительности пребывания в интернете действует непрерывный поток информации, который становится практически наркотиком: каждый раз человеку нужно все больше и больше.

Для уменьшения негативного влияния социальных сетей нужно учитывать следующие рекомендации: ограничение времени пребывания в сети; поиск других способов провести свободное время (например, занятия спортом, чтение книг и т. п.); больше внимания уделять реальной жизни, чаще общаться с друзьями «вживую», завести домашнее животное, участвовать в делах семьи.

Выводы. Не нужно объявлять войну всем виртуальным сетям. Нужно учиться находить для себя достоверную информацию и использовать социальные сети с пользой. Но в целом мы считаем, что увеличение влияния социальных сетей оказывает негативное воздействие на личное общение людей, а особенно подростков и детей. Возникают и развиваются трудности в общении с реальными людьми. Патологическая зависимость от интернета негативно сказывается на учебе, разрушает психическое здоровье. При переходе на сетевое общение снижается качество и разнообразие жизни в целом.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОБРАЗОВАНИИ

Мустахитдинова Ю.А.

Казанский государственный энергетический университет
Научный руководитель: канд. техн. наук, доцент Зарипова Р.С.

Аннотация. В последнее время внедрение искусственного интеллекта стало неизбежным в различные сферы деятельности человека, например, такие как экономика, наука, здравоохранение и так далее. В данной статье рассматривается понятие искусственного интеллекта, а также его применение в образовательном пространстве.

Ключевые слова и словосочетания: искусственный интеллект, образование, обучение, внедрение искусственного интеллекта.

В современном мире все большую популярность набирает такое понятие, как искусственный интеллект (ИИ). ИИ – это способность цифрового компьютера или управляемого компьютером робота обучаться, принимать решения и выполнять действия, свойственные человеческому интеллекту [1, с. 50]. Искусственный интеллект может автоматизировать некоторые виды деятельности в различных сферах, в том числе и в образовании.

Применение ИИ в образовании затрагивает в основном три области: сбор данных об ученике перед началом занятия, автоматизированное отслеживание прогресса ученика во время обучения и дальнейшее повышение эффективности обучения [2, с 31].

Применение ИИ в образовании имеет очень много преимуществ. Например, образовательное программное обеспечение может быть адаптировано к потребностям учащихся. Применение более высоких уровней индивидуального обучения реагирует на потребности студента, уделяя больше внимания определенным темам, повторяя то, что студенты еще не освоили, и в целом помогая студентам работать в собственном темпе. Также искусственный интеллект может указать те места, где курсы должны улучшаться, ведь преподаватели не всегда могут осознавать пробелы в своих лекциях и учебных материалах, которые могут привести студентов в замешательство. Программы, основанные на ИИ, могут дать ученикам и преподавателям полезную обратную связь. Некоторые школы, особенно те, в которых есть онлайн-

предложения, используют системы искусственного интеллекта для мониторинга успеваемости учащихся и оповещения о возможных проблемах с успеваемостью учащихся.

Внедрение ИИ в современное образовательное пространство имеет и определенные недостатки. Это такие, как потеря рабочих мест, огромные денежные затраты, отсутствие экологичности и многое другое.

Таким образом, можно сделать вывод, что применение искусственного интеллекта содержит в себе как плюсы, так и минусы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Демин С. Е.* Математическая статистика: учеб.-метод. пособие / С. Е. Демин, Е. Л. Демина; М-во образования и науки РФ; ФГАОУ ВО «УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина», Нижнетагил. технолог. ин-т (фил.). – Нижний Тагил : НТИ (филиал) УрФУ, 2016 – 284 с.

2. *Пройдаков Э. М.* Современное состояние искусственного интеллекта / Э. М. Пройдаков // Научно-исследовательские исследования: сб. науч. тр. – Электронные данные. – Москва, 2018. – 153 с.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЦИФРОВОМ МИРЕ

Огурцова А.В., Голубовская И.Я.

Сибирский государственный университет путей сообщения
Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент Черняков А.А.

Аннотация. В статье рассматриваются и анализируются основные тенденции развития информационных технологий в современном цифровом мире. Выяснено, какими положениями можно охарактеризовать современное состояние ИТ структуры и подведен итог того, какая тенденция в ближайшем будущем в России будет стремительно развиваться.

Ключевые слова и словосочетания: тенденции развития, информационные технологии, информационная структура, информационное состояние, стратегии развития технологий, информационная безопасность.

Информационные технологии сегодня играют главную роль в современном мире, занимают уникальное положение в цифровом обще-

стве, оказывают влияние на его экономические и социальные институты, являются двигателем глобального экономического роста. Данная тема актуальна, так как информационное общество предполагает широкое применение различных информационных технологий во всех сферах нашей деятельности [1, с. 1, 2]. На данный момент среди основных тенденций развития информационных технологий и ресурсов можно выделить следующие:

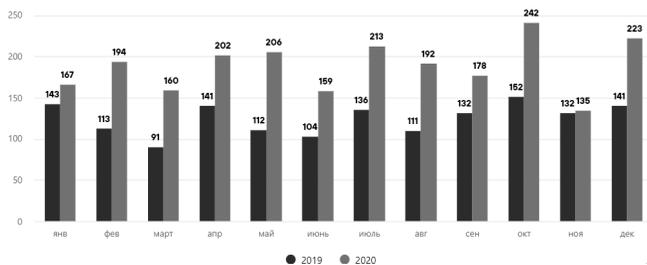
1) наличие огромного количества ресурсов, содержащих информацию практически по всем видам деятельности общества, интенсивное развитие Интернета;

2) создание технологий, обеспечивающих интерактивный доступ массового пользователя к информационным ресурсам через системы связи и передачи данных, объединенных в национальные, региональные и глобальные информационные сети;

3) расширение функциональных возможностей информационных систем, включение в информационные системы экспертных систем, систем поддержки принятия решений и других технологических средств [3, с. 23].

Выделим значимую тенденцию развития информационных технологий, а именно информационную безопасность: в настоящее время стремительный рост компьютеризации позволил обеспечить быстрое развитие науки, техники, культуры, а также изменение образа жизни людей. Одновременно недостаточная защищенность компьютерных сетей от технических сбоев и несанкционированного доступа, а также ошибочных действий персонала значительно повышает риск возникновения нештатных ситуаций, способных вызвать непредсказуемые последствия вплоть до техногенных катастроф [2, с. 26].

Перейдем к анализу тенденции и выясним, насколько она актуальна сейчас и будет ли актуальна в будущем.



Проанализировав диаграмму из исследования Positive Technologies, можно утверждать, что произошел рост числа кибератак на фоне пандемии.

Количество инцидентов в 2020 году увеличилось на 51 % по сравнению с 2019 годом, это говорит о недостаточной защищенности компьютерных сетей от киберугроз, следовательно, отрасль информационной безопасности необходимо укреплять и развивать.

На данном этапе исследования мы провели опрос среди студентов 1 курса Сибирского государственного университета путей сообщения и Новосибирского государственного технического университета

Представители анкеты

Число участников	Вуз	Факультет	Направление
29	СГУПС	Бизнес-Информатика	Информационные системы и технологии
25	СГУПС	Мосты и тоннели	Строительство железных дорог, мостов и транспортных тоннелей
20	НГТУ	Факультет автоматике и вычислительной техники	Информационная безопасность
15	НГТУ	Факультет автоматике и вычислительной техники	Информационные системы и технологии

89 первокурсников согласились ответить на наши вопросы. Наш опрос показывает, что 95 % людей считают, что информационная безопасность как тенденция развития информационных технологий актуальна и перспективна. Остальные 5 % людей считают, что наоборот. Мы выявили, что большинство опрошенных считают, что кибербезопасность в нашей стране развита плохо, но при этом они считают, что в сети Интернет безопасно.

Заключение. Мы выяснили, какими положениями можно охарактеризовать современное состояние ИТ и проанализировали значимую тенденцию развития информационных технологий, а именно информационную безопасность. И можем сказать, что эта тенденция набирает актуальность и будет стремительно развиваться в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зазулевская А. С.* Тенденции развития информационных технологий / А. С. Зазулевская. – URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018005029>. – Санкт-Петербург, 2018, 8 с.
2. *Иванько А. Ф.* Информационная безопасность вчера и сегодня / А. Ф. Иванько, М. А. Иванько, А. А. Шанина. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2017. – 185 с.
3. *Редькина Н. С.* Современные состояния и тенденции развития информационных ресурсов и технологий / Н. С. Редькина // Библиосфера. – Новосибирск. – 2010.– 29 с.

Приложение

Анкета

Дорогие участники!

Процедура заполнения анкеты заключается в следующем. Перед вами набор утверждений, выберите вариант ответа, который соответствует вашему мнению.

1. Актуальна ли по Вашему мнению информационная безопасность как тенденция развития информационных технологий?

Да

Нет

2. Чувствуете ли Вы, что в сети Интернет стало опаснее после начала пандемии?

Да

Нет

3. Подвергался ли Ваш компьютер/смартфон атакам с вредоносным программным обеспечением за последний год?

Да

Нет

4. Как Вы считаете, достаточно ли развита кибербезопасность в нашей стране на данный момент времени?

Да

Нет

5. Имеет ли информационная безопасность как тенденция развития информационных технологий свои перспективы?

Да

Нет

ЧЕЛОВЕК И ЦИФРОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Сафина К.Э.

ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет»
Научный руководитель: канд. техн. наук Зарипова Р.С.

Аннотация. В статье рассмотрено негативное и положительное влияние цифровизации на человеческую жизнь, проанализировано воздействие цифровых устройств на здоровье человека, мировоззрение и развитие интеллекта современных людей.

Ключевые слова и словосочетания: информационные технологии, цифровые устройства, гаджеты, цифровая реальность, человек.

В информационном виртуальном мире возник новый подвид человека, которого стали называть человек цифровой. Словосочетание «цифровая реальность» стремительно ворвалось в обиход человека, употребляют его все чаще и это становится модно, стильно, современно. Без простейшего компьютера, ноутбука, смартфона и прочих цифровых устройств уже многое немислимо, в том числе и бытовое существование современного человека. Гаджеты стали обычным предметом современной жизни, услуги сотовой связи и функциональных возможностей с интернет-ресурсами расширяются, «оцифровывание» нашей жизни продолжается. Человек в современном цифровом пространстве отличается от человека, жившего лет 30 назад. Эти изменения видны не только на взрослых людях, но и на юных жителях нашей планеты. Со стороны кажется, что для молодого поколения виртуальный и реальный миры равноценны. Они не видят различий между мирами и с легкостью переходят из одного в другой [1, с. 126]. В современной среде телефон стал показателем статусности и престижности его владельца. Но какое же воздействие оказывают на здоровье, мировоззрение и развитие интеллекта цифровые устройства?

Постоянное использование телефонов ведет к формированию особого типа восприятия. Например, учащиеся, используя гаджеты в учебных заведениях, привыкают воспринимать визуальную и слуховую информацию в усеченном объеме, ограниченную экраном дисплея мобильного телефона [2, с. 25]. В дальнейшем эта привычка приводит к проблемам с восприятием и пониманием смыслов текстов печатной информации.

В век цифровой реальности гаджеты стали неотъемлемой частью жизни человека. Люди все свое свободное время проводят в Интернете, за решением любой жизненной проблемы обращаются к цифровым устройствам. Поглощая время, необходимое на саморазвитие, прогулки с друзьями, занятия спортом, у человека появляется психологическая зависимость.

На почве высоких темпов развития информационных технологий есть вероятность возникновения «мертвой эпохи» для последующих поколений: о ней останется гораздо меньше документов, свидетельствующих об ее существовании. Например, электронные носители, на которых мы часто храним информацию, не так долговечны, как бумага, потому что часто подвергаются вирусам.

Следует отметить, что цифровые устройства имеют как негативные, так и положительные стороны. Часто в жизни человека возникает потребность срочного поиска информации, в Интернете он может найти необходимые данные в течение нескольких минут. Фото и видео позволяют быстро фиксировать и обрабатывать информацию, используя ее потом в творческой работе [3, с. 110]. Так, мобильный телефон открывает огромный простор для креативного самовыражения.

Таким образом, потребление человека в цифровом обществе представляет собой процесс, подразумевающий определенный стандарт образа жизни, потребления информационных благ, исключая культурное развитие, и лишает его духовности и живого общения [4, с. 31]. Цифровая реальность – это бездуховная цивилизация, это новые ценности, принципы этики, поведенческие практики, которые коренным образом меняют человека. Поскольку «оцифровывание» будет продолжаться, необходимо знать меру использования информационных технологий и не забывать, что мы живем в реальном мире, а не в виртуальном, поэтому важно поддерживать живую связь с близкими людьми и наслаждаться реальной жизнью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Галиуллина Э. Р.* Цифровые игры как способ обучения / Э. Р. Галиуллина, Р. С. Зарипова // Ученые записки ИСГЗ. – 2019. – Т. 17. – № 1. – С. 126–129.
2. *Галиуллина Э. Р.* Проблема возрастного цифрового разрыва современности / Э. Р. Галиуллина, А. А. Шакиров, Р. С. Зарипова // Russian Journal of Education and Psychology. – 2019. – Т. 10. – № 4. – С. 25–29.

3. *Зарипова Р. С.* Исследование влияния информационных технологий на формирование ценностных ориентаций современных студентов / Р. С. Зарипова, Н. Г. Бикеева // *Современные исследования социальных проблем.* – 2018. – Т. 9. – № 7-2. – С. 110–113.

4. *Пырнова О. А.* Интернет как средство обучения / О. А. Пырнова, Р. С. Зарипова // *International Journal of Advanced Studies in Education and Sociology.* – 2018. – № 2. – С. 41–44.

ЦИФРОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНЖЕНЕРОВ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ

Светлов Ф.В.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: д-р филос. наук, проф. Игнатъев В.И.

Аннотация. Рассматриваются изменения набора профессиональных требований к современным инженерам под влиянием цифровизации.

Ключевые слова и словосочетания: цифровые компетенции, инженерная профессия.

Переход к цифровой индустрии 4.0 привел к необходимости пересмотра профессиональных компетенций инженеров с учетом возникших новых требований. Множество компетенций устарело и перестало использоваться в инженерной практике, другие претерпели трансформацию и не отвечают современным реалиям. Для того чтобы отвечать новым требованиям, специалистам необходимо обладать цифровой грамотностью (*digital fluency*), которая определяется набором знаний и умений, необходимых для безопасного и эффективного использования цифровых технологий и ресурсов Интернета. В основе цифровой грамотности лежат цифровые компетенции (*digital competencies*) – способность решать разнообразные задачи в области использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Весь спектр профессий подвержен необходимости наличия у специалистов навыков в области ИКТ. Например, они необходимы для того, чтобы свободно пользоваться в своей повседневной работе Интернетом и программным обеспечением для решения профессиональных задач.

С точки зрения инженерного образования, нас особо интересует потребность в профессиональных навыках для производства продуктов и услуг, связанных с ИКТ: разработка и использование программного обеспечения, оперирование с облачными данными и Интернетом вещей, обработка Больших данных. Такие профессиональные навыки в первую очередь необходимы инженерам-программистам. Использование ИКТ приводит к тому, что меняются и способы выполнения задач на рабочем месте. Массовое освоение всех видов ИКТ-навыков ведет к быстрому росту всей цифровой экономики, вследствие чего следует ожидать высокой степени изменчивости востребованных ИКТ-навыков и их адаптивности к новым условиям работы, наращивания функциональных возможностей.

Наличие цифровых компетенций должно подразумевать, что специалист подготовлен к цифровому сотрудничеству, обеспечению безопасности и решению проблем. Цифровая грамотность включает в себя личностные, технические, интеллектуальные (цифровые) навыки, которые необходимы для комфортного существования в цифровом мире. Под цифровыми навыками (digital skills) понимаются устоявшиеся, доведенные до автоматизма модели поведения, основанные на знаниях и умениях в области использования цифровых устройств, коммуникационных приложений и сетей для доступа к информации и управления ею. Благодаря цифровым навыкам люди могут создавать цифровой контент и обмениваться им; коммуницировать и решать проблемы для эффективной и творческой самореализации в обучении, работе и социальной деятельности в целом. Пользовательские цифровые навыки условно можно поделить на базовые, связанные с функциональной грамотностью в использовании электронных устройств и приложений; производные цифровые навыки, которые обуславливают осознанное применение цифровых технологий в быту и на рабочем месте; специализированные профессиональные навыки, которые и интересуют нас в первую очередь.

Специализированные навыки связаны с решением сложных профессиональных задач в цифровой среде и используемые специалистами высокотехнологичных профессий: программистами, разработчиками, web-дизайнерами, аналитиками Больших данных и т. д. Для их освоения необходимо получать специальное образование. Целевая модель компетенций включает в себя когнитивные, социально-поведенческие и цифровые навыки. Цифровые навыки можно разделить на

две группы: 1) создание систем и 2) управление информацией. Создание систем включает в себя программирование, разработку приложений и проектирование производственных систем. Управление информацией есть обработка и анализ данных. В связи с этим возникла необходимость пересмотреть подготовку инженеров и сформировать новые подходы к обучению.

Большое внимание к новым методам формирования инженерных компетенций уделено со стороны крупных компаний мирового уровня. Нехватка квалифицированных специалистов, которые бы отвечали потребностям компаний, способствовали развитию школ и программ обучения цифровым компетенциям. Уровень образования, особенно в области науки, технологий, инженерии и математики (Science, Technology, Engineering and Mathematics – STEM), до сих пор считается «маркером» для найма даже в эпоху цифровых технологий. При этом новые тенденции предъявляют требования не только к образованию и овладению неким набором навыков, но и к креативности, инициативности, критическому мышлению, что в меньшей степени связано с формальным образованием, даже в области STEM. В результате подбор персонала меняется и базируется на основе систем оценки при помощи методов анализа Больших данных.

Таким образом, глобальная цифровизация обусловила необходимость формирования у инженеров новых компетенций и цифровых навыков, в первую очередь в области ИКТ. Для того чтобы быть конкурентоспособным специалистом на рынке труда, необходимо постоянно находиться в процессе «цифровой профессиональной трансформации».

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитический отчет «Обучение цифровым навыкам: модели цифровых компетенций». – 2018. – URL: https://obzory.hr-media.ru/cifrovye_navyki_sotrudnika (дата обращения: 27.03.22).
2. Навыки в цифровой экономике и вызовы системы образования / В. П. Куприяновский, В. А. Сухомлин, А. П. Добрынин, А. Н. Райков, Ф. В. Шкуров, Дрожжинов В. И., Н. О. Федорова, Д. Е. Намиот // International Journal of Open Information Technologies. – 2017. – № 1.
3. *Чемеков В. Н.*, Stem – новый подход к инженерному образованию / В. Н. Чемеков, Д. А. Крылов // Вестник Марийского государственного университета. – 2015. – № 5 (20).

4. Шваб К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – Москва : Эксмо, 2018. – 288 с.

5. The Skill Content of Recent Technological Change: An Empirical Exploration / David H. Autor, Frank Levy, Richard J. Murnane // The Quarterly Journal of Economics. – 2003. – Vol. 118. – № 4. – P. 1279–1333.

ИНТЕРНЕТ-МЕМ КАК ФЕНОМЕН ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Сиразева А.Л.

ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет»
Научный руководитель: канд. техн. наук, доцент Зарипова Р.С

Аннотация. В данной статье рассматривается причина популярности мемов в современной цифровой культуре, а также их наиболее характерные черты как индивидуального информационного продукта.

Ключевые слова и словосочетания: цифровая культура, феномен, интернет-мем, мем.

Мемы – это довольно новое явление, которое еще не привлекло внимания ученых. Мем существует в виде определенного медиаобъекта, такого как фотография или видео. Этот объект обычно существует с подписью, реже с фразой или каким-либо слоганом и т. д. Темы интернет-мемов могут варьироваться от чистой глупости до важных социальных проблем. Поэтому наиболее важной особенностью таких мемов является скорость распространения и большое внимание общественности разных уровней социальной структуры общества к ним. Другой специфической особенностью интернет-мема как информационного продукта является то, что он существует в форме символов или изображения, идеи. Это эфемерный объект, который существует благодаря веб-технологиям и сетевым ресурсам [1, с. 86]. Определенный символ или изображение, даже манера поведения человека, выражения лица и жесты могут послужить основой для создания мема. Тем не менее условием его появления является сочетание визуального образа, в том числе художественного, с неожиданным элементом.

Также существует такое понятие как «вирусные мемы», которое возникает из-за значительного интереса различных людей к определенному контенту [2, с. 84]. Следовательно, по скорости и неожиданности его можно сравнить с «компьютерными вирусами».

Авторами мемов могут быть разные люди, в том числе профессионалы в области современных визуальных технологий, когда речь идет о продвижении медиапродукта: рекламодатели, дизайнеры, фотографы и т. д. Но в принципе любой, кто знаком с компьютером, Интернетом и Photoshop, может создать мем. Очень важно, чтобы такой человек обладал хорошим чувством юмора и был наделен творческим мышлением. Он также должен уметь создавать визуальный образ, интуитивно чувствуя абсурдность объединения всех его элементов. Именно абсурдность, с которой зритель сталкивается в меме, вызывает смех. Для автора всегда важно делиться информацией с другими людьми, их интеллектуальными и даже эмоциональными состояниями. Тем не менее необычно, что потребители мемов не известны их авторам; это анонимная форма общения. Возможно, это также является стимулом для распространения мемов в интернет-ресурсах и социальных сетях, а не просто желанием заработать на просмотре такой информационной продукции. Отличительной особенностью интернет-мема являются удивление и смех, которые он вызывает у пользователя интернета. В зависимости от цели, которую преследует автор мема, смех может быть разным: ирония, юмор, сарказм и другие.

Почему интернет-мемы сейчас так популярны? В мире существует огромное количество проблем: протесты, экологические катастрофы, войны и т. д. Подобные ситуации свидетельствуют о попытках найти эффективные пути преодоления социальных проблем, которые не решаются одобренными в обществе институциональными механизмами. Подобные случаи социальной нестабильности в настоящее время все чаще приобретают черты пессимизма в оценке будущего и становятся характерным признаком дискомфорта во внутреннем мире многих современников, их неуверенности в возможных изменениях в повседневной жизни. Поэтому поиск развлечений в интернете представляется логическим звеном в изменениях символических ценностей общества и личности [3, с. 75]. Мемы позволяют хотя бы на время убежать в «мир позитивных иллюзий», доставляя удовольствие.

Еще одной важной причиной является процесс урбанизации [4, с. 13]. Жители городов, особенно мегаполисов, часто вынуждены сталкиваться с избытком визуальных раздражителей как на рабочем месте, так и в повседневной жизни. Кроме того, традиционные ценности, такие как институт семьи, религиозная вера, традиции, не всегда являются эффективными социальными инструментами для снижения стресса

в жизни современных людей. Тогда интернет-ресурсы и социальные сети становятся кластерами социальной стабильности. Обращение к интернет-мемам в данном случае – это способ уменьшить внутренний дискомфорт, возникающий в повседневной жизни жителей больших городов.

Сложнее объяснить причины постоянного спроса на такой информационный продукт, поскольку он постоянно становится «вирусной инфекцией». Интернет-мемы являются продуктом особой художественной практики. Потребителю нравится созерцать цвет, форму, фон, масштаб, пропорции, ритм, симметрию, асимметрию и т. д. в видео или на фотографии. Таким образом, он регулирует дефицит положительных эмоций в своей собственной жизни. Также человеку не хватает положительных эмоций, и поэтому смех становится для них чрезвычайно важным. По нашему мнению, именно встреча пользователей с комическими составляющими обеспечивает популярность мемов. Ожидание смеха и эмоциональной разрядки стимулирует поиск таких информационных продуктов для современников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шакиров А. А.* Современные тенденции web-разработки / А. А. Шакиров, Р. С. Зарипова // Russian Journal of Education and Psychology. – 2019. – Т. 10. – № 3. – С. 85–88.
2. *Castaño D. C. M.* Defining and Characterizing the Concept of Internet Meme / D. C. M. Castaño // Revista CES Psicología. – 2013. – № 6(2). – С. 82–104.
3. *Пырнова О. А.* Когнитивные технологии и их роль в развитии современного общества / О. А. Пырнова, Р. С. Зарипова // Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. – 2020. – № 1 (19). – С. 74–76.
4. *Басаргин В. Я.* Влияние цифровых технологий на урбанизацию / В. Я. Басаргин, Р. С. Зарипова, О. А. Пырнова // «Цифровая культура открытых городов»: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Екатеринбург. – 2018. – С. 13–15.

ЧЕЛОВЕК И ЦИФРОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Слабоденюк А.А.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент Моргунов Г.В.

Аннотация. В статье предпринята попытка концептуализации проблемы человека в условиях глобальной цифровизации. Осмыслены перспективы социального взаимодействия и коммуникации. Неоднозначный характер воздействия цифровых технологий на человека представлен многоуровневой моделью, в которой отражены основные направления модификации человека, его статуса, деятельности, когнитивных и идентификационных процессов. Такой ракурс рассмотрения позволяет прогнозировать тенденции развития социальности, которая создается человеком в виртуальных реалиях.

Ключевые слова и словосочетания: цифровизация, деятельность, коммуникация, когнитивные процессы, идентичность, нарративность, дискурсивные процессы.

Цифровизация как глобальный процесс затрагивает все сферы существования общества. Это означает, что цифровые технологии приобретают свойственный, характерный для него статус, вытесняют традиционные коммуникативные практики и отношения, преобразуют социальное бытие и его атрибуты. Происходит разрыв социального шаблона, связь между которыми больше не опосредуется конкретным местом осуществления социального действия и коммуникации. Экспансия искусственного интеллекта угрожает самой основе человеческой цивилизации, вытесняя человека из созданного им самим мира. Гуманистическая ориентация культуры, основанная на идее антропоцентризма, меняется на IT-центристскую ориентацию. Поэтому осмысление культурных и гуманитарных аспектов глобализации приобретает особую значимость [1]. Стремительный рост цифровых технологий преобразует как социум, так и человека, что порождает потребность прогнозирования перспектив человека и их осмысления. Концептуализация проблемы человека цифрового информационного общества предполагает некоторые допущения, так как само общество находится в стадии формирования.

Способ жизнедеятельности человека радикально изменяется под влиянием киберсреды. «Человек общественный» превращается в «человека информационного». Информационный способ существования

модифицирует его бытие и в реальном социальном пространстве [3]. Осмысление перспектив субъектности в социальном действии и коммуникации позволяет как обозначить направления трансформации человека, так и выявить тенденции развития общества. Проблема трансформации способов анализа субъектности в пространстве социально-сетевых коммуникаций, интегрирована в структуру информационного общества. Другой аспект проблемы статуса человека в цифровом обществе, который активно обсуждается в литературе – это вызовы и угрозы, порождаемые современными технологиями [5].

Понимание статуса и перспектив развития человека возможно на основе синтеза подходов. Ядро «такого синтеза может составить социальная антропология, которая рассматривает человека как системный феномен, проявляющий себя в структуре разнообразных социальных практик, социальных коммуникаций, социальных групп, социальных процессов, социализации личности в контексте ценностных универсалий» [3]. Синергетический метод позволяет рассматривать современное общество как сложную саморазвивающуюся систему, отличающуюся нелинейностью, вариативностью. На основании принципа субъективная идентичность предстает как самопорождаемая и самонаблюдаемая сущность в пространстве интерактивно-коммуникативного пространства.

Перспективным представляется исследование того, как многообразные формы реальной и виртуальной саморепрезентации личности, коммуникации и ассоциации, актуализируемые в рамках интерактивной социально-сетевой среды, трансформируют деятельность, когнитивные и идентификационные процессы, отражающие культурные особенности. Проблема состоит в определении направлений модификации природы человека, центром которых оказывается вопрос сохранения личности [4]. Нелинейный характер воздействия информационно-коммуникативных систем на человека может быть представлен многоуровневой моделью, включающей социокультурные и биопсихологические измерения. Прежде всего под влиянием новых технологий видоизменяется характер деятельности. Объектом деятельности становится информация. Диалоговая природа виртуальных практик, опосредуемая символическими образами, обостряет проблему интерпретации, понимания. Информационные потоки, наполняющие социальную реальность, превращают интерпретацию и трансляцию смыслов в главную форму социальной деятельности. Информационные коммуникации порождают специфические межличностные практики,

а также создают новую языковую культуру. Поиск и обработка информации становятся основой новых видов деятельности. Социальная успешность определяется способностью к инновациям, переобучению, овладению новыми технологиями и соответствующими профессиями. Изменяется структура производственной деятельности, возникают новые конфигурации производственных отношений, отражающие невиданные прежде способы производства товаров и услуг, связанные с цифровыми технологиями. Коммуникации превращаются в основное средство производства. Эти изменения стремительно интегрируются в ткань общества, преобразуя саму природу как социальности, так и субъективности. Сам процесс организации сетевых сообществ превращается в разновидность социальной практики. Она задает как определенный язык общения, так и повторяющиеся модели взаимодействий в повторяющихся условиях, принцип порождения и организации практики [3].

Происходит сдвиг в источниках влияния от институтов к сетям, от локального пространства к бесконечному виртуальному киберпространству. В реальном мире персональные и групповые идентичности являются продуктом социального конструирования, определяются разнообразными институциями. Виртуальное пространство образует широкую горизонтальную перспективу, которая обеспечивает возможности персонального формирования идентичностей и позиционирования себя в качестве субъекта [5]. Возникают условия для множественной фрагментарной идентичности, которая ведет к дезинтеграции личности. Совершенно очевидно, что нынешнее поколение молодых людей растет в цифровой экосистеме, беспрецедентной по своей сложности и глобальности. Гораздо менее очевидны последствия для психического здоровья, риски и преимущества этого нового цифрового мира.

Итак, различные формы реальной и виртуальной саморепрезентации, коммуникации и ассоциаций, которые происходят в условиях цифрового общества, трансформируют деятельность, когнитивные и идентификационные процессы, культурно-символические коды, определяющие сущность человека как субъекта общения и деятельности. Социальные сети, интегрированные в киберпространство, обладают потенциалом автономного развития и служат формой воплощения альтернативных типов социальности и субъектности. Традиционные формы социальных связей и институционализированных практик вытес-

няются и замещаются экспериментальными формами идентификации и консолидации индивидов, формирующих собственную идентичность на границе реального и виртуального существования. Свойства сетевой идентичности высвечивают проблемные зоны и риски идентификационных процессов эпохи цифровизации. Прогнозирование этих рисков имеет прагматическую ценность. Эти прогнозы могут стать основой создания коррекционных гуманитарных программ, минимизирующих экзистенциальные и социальные риски радикальных социокультурных трансформаций. Выявление направлений модификации природы человека, изменения его социального и экзистенциального статуса – необходимое условие разработки проектов устойчивого развития общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Barkova E. V., Ivleva M. I., Buzskij M. P., Buzskaya O. M.* (2019, July). Global information society foresight: the eco-philosophical aspect. In 1st International Scientific Practical Conference "The Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment" (ISMGE 2019). Atlantis Press. – С. 76–81
2. *Granic I., Morita H., Scholten H.* Beyond Screen Time: Identity Development in the Digital Age // *Psychological Inquiry*. – 2020. – Vol. 31. – No. 3. – Pp. 195–223. – URL: <https://doi.org/10.1080/1047840X.2020.1820214> eist05.2020.
3. *Morgunov G. V.* Philosophical methodology of research of the network paradigm of education management / G. V. Morgunov, N. S. Proner // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. – 2019. – Vol. 333: Humanities and Social Sciences: Novations, Problems, Prospects (HSSNPP 2019). – P. 106–110.
4. *Petrinin Yu.* Artificial Intelligence: Is It the Clue to the Future? / Yu. Petrinin // *Russian Journal of Philosophical Sciences*. – 2018. – No. 4. – Pp. 96–113. – URL: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-4-96-113>.
5. *Kriman A. I.* The Idea of the Posthuman: A Comparative Analysis of Transhumanism and Posthumanism / A. I. Kriman // *Russian Journal of Philosophical Sciences*. – 2019. – No. 62(4). – Pp. 132–147

КЛАССИФИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РОБОТОВ И ОПЫТ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

Спиридонова К.И.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: д-р филос. наук, проф. Игнатьев В.И.

Аннотация. В статье представлены существующие классификации социальных роботов, рассмотрен опыт их применения.

Ключевые слова и словосочетания: социальный робот, социальная робототехника.

Роботизация уже на протяжении многих лет является важнейшей составляющей промышленного производства. В большинстве случаев взаимодействие людей с промышленными роботами остается довольно ограниченным – они работают в контролируемой рабочей среде. Однако достижения в области робототехники позволяют вовлекать роботов в повседневную жизнь. Так появились роботы, предназначенные для взаимодействия с людьми, демонстрирующие ожидаемое социальное поведение в соответствии с назначенной ролью, т. е. «социальные роботы» [8].

В 2004 году Синтия Бризил одной из первых представила классификацию роботов, определяющую место социального робота в общей структуре робототехники [7]. Развитие роботизации, в том числе и социальной, происходит в количественном и качественном формате.

С. Бризил выделила классификацию социальных роботов по двум основаниям: поддержание роботом заданной социальной модели и сложность типовых сценариев взаимодействий с человеком:

- социально подобные роботы – используют склонность людей к выделению некоторых объектов «человеческими» качествами: забота, воспитание или причастность к сборке;
- роботы с социальным интерфейсом – фактически имитируют естественное социальное поведение;
- воспринимающие роботы – через имитацию и обучение могут приобретать новые коммуникативные навыки;
- собственно социальные роботы – активно вступают в социальные интеракции. В основе социального поведения лежат наиболее глубокие модели социальных познаний и компетенций.

Основанием следующей классификации социальных роботов является внешность роботов. При конструировании роботов важно соблюдать требования, вытекающие из предназначения этих устройств: взаимодействовать с человеком в удобных для него формате и способах. Робот должен быть узнаваем и понятным людям [3, с. 208]. Исследователи К. Барака, П.Алвес-Оливера, Т. Рибейро разделили роботов на три класса [6]: «вдохновленный биологией» (создан по образцу биологических организмов); «в форме артефакта» (спроектирован как физические вещи, созданные человеком); «функциональный» (дизайн зависит от выполнения задач). Поскольку антропоморфный или зооморфный характер является важнейшей чертой социального робота, подробнее остановимся на первом классе.

1. Роботы, «вдохновленные человеком» – вдохновлены человеческим телом:

- роботы, созданные в виде отдельных частей тела;
- роботы, созданные по образцу полноценного человеческого тела.

Такие роботы называются гуманоидными: робот может отдаленно напоминать человека или же сильно напоминать его. Последнего можно назвать андроидом.

2. Роботы, «вдохновленные животными» – вдохновлены животными или существами, имеющими какие-либо черты животных:

- роботы действительно существующих животных: роботы знакомых нам животных, которые часто встречаются в нашей жизни и роботов незнакомых нам животных, которых мы не встречаем в повседневной жизни;

- роботы воображаемых существ: роботы знакомых (существуют в сказках, легендах) и незнакомых существ (воображение создателей роботов).

Классификация социальных роботов в зависимости от их функционала предлагается российским исследователем Н.Н. Зильберман [2]:

– робот-ассистент – некий помощник человека, чье предназначение – выполнение рутинных работ. Они разделены на сервисных роботов (задействованы в сфере услуг) и узкоспециальных роботов. В первую подгруппу входят различные роботы, использующиеся в повседневной жизни. Во вторую – роботы, которые могут быть равным членом команды или претендовать в будущем на полную замену человека в некоторых профессиях;

– робот-компаньон. Такой робот создается с целью стать другом человека, имитировать общение, стимулируя эмоции людей;

– робот в медиасфере. Данный тип роботов выполняют в большей степени развлекательные функции. Это роботы певцы, артисты, музыканты.

Применение социальных роботов обширно: их используют в офисах, ресторанах, гостиницах, в сферах маркетинга, развлечений, терапии, как личного помощника в уходе и развитии детей [11], роботом можно заменить домашнего питомца [1]. Во множестве стран создаются различные социальные роботы. Ниже представлен опыт применения социальных роботов в трех условных регионах: Запад, Восток и Россия.

В Западных странах предлагаются к использованию следующие варианты.

1. *Робот-сиделка для пожилых MiRo* (компания Consequential Robotics, Великобритания). Зооморфный робот умеет распознавать людей и отслеживать движения. Реагирует на голос и прикосновения [10].

2. *Семейный робот Buddy* (компания Blue Frog robotics, Франция). Распознает речь и сам проговаривает текст. Может играть с детьми и проверять их домашнюю работу, осуществлять мониторинг за пожилыми [10].

3. *Робот-помощник для детей с аутизмом QTrobot* (компания LuxAI, Люксембург). Исполняет роль посредника в обучении и играх детей, ослабляя возможный психологический дискомфорт [5].

Представителями социальных роботов Восточных регионов можно считать следующих.

1. *Терапевтический робот Paro* (компания PARO Robots, Япония). Зооморфный робот реагирует на прикосновения, издает звуки. Может менять характер в зависимости от того, как будут обращаться с ним [10].

2. *Робот-компаньон для одиноких людей PiVo* (компания Circulus, Корея). Обладает функцией распознавание голоса и лица человека [9].

3. *Гуманоидный робот Ribo* (компания RoboSUST, Бангладеш). Способен поддерживать разговор, понимает мимику людей [9].

Россией также представлены следующие модели социальных роботов.

1. *Сервисный робот Promobot* (компания Промобот, г. Пермь). Общается с людьми, распознает лица и речь [11].

2. *Робот Робоклон* (компания Нейроботикс, г. Зеленоград). Может вести диалог и использовать жесты и мимику для невербального общения, поддерживать зрительный контакт и демонстрировать эмоции [4].

Итак, стремительное распространение социальных роботов в повседневной жизни, а также существующее разнообразие их классификаций в научном сообществе отображает высокий интерес общества к социальной робототехнике.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гасумова С. Е.* Роботизация социальной сферы / С. Е. Гасумова, Л. Портер // Социология науки и технологий. – 2019. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/robotizatsiya-sotsialnoy-sfery> (дата обращения: 28.03.2022).
2. *Зильберман Н. Н.* Функциональная классификация социальных роботов / Н. Н. Зильберман // Гуманитарная информатика. – 2014. – № 8.
3. *Игнатьев В. И.* Социальный морфогенез информационно-цифрового общества. Очерки социологии гибридного социума: учеб. пособие / В. И. Игнатьев. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2020. – С. 208.
4. *Нейроботикс.* – URL: <https://neurobotics.ru> (дата обращения: 28.03.2022).
5. *Робототехника Украина* – Тематический сайт о робототехнике, роботах, дронах, технологиях в сфере робототехники и разработках в искусственном интеллекте. – URL: <https://robotics.ua/> (дата обращения: 28.03.2022).
6. *Baraka K.* An extended framework for characterizing social robots / К. Baraka., P. Alves-Oliveira, T. Ribeiro. – 2020.
7. *Breazeal C.* Social interactions in HRI: the robot view // IEEE Transactions on Systems, Man, and Cybernetics, Part C: Applications and Reviews 34. – № 2. – 2004. – P. 181–186.
8. *Moetesum M.* Socially Believable Robots / M. Moetesum, I. Siddiqi Human // Robot Interaction: Theory and Application. – № 1. – 2018. – P. 280.
9. *Robroy.ru* – информационный сайт о новых технологиях, роботах будущего, робототехнике и роботостроении. – URL: <https://robroy.ru/> (дата обращения: 28.03.2022).
10. *Promobot.* – URL: <https://promo-bot.ru/> (дата обращения: 28.03.2022).
11. *Shaundra B.* Daily Emotions and Affect in Human Factors and Human-Computer Interaction / Shaundra B. Daily, Melva T. James, David Cherry, John J. Porter III, Shelby S. Darnell, Joseph Isaac, Tania Roy. – 2017. – P. 213–231.

БИОЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КЛИНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сучко П.А.

Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(технический университет)

Научный руководитель: доцент Селиверстова Н.А.

Аннотация. В данной работе анализируются этические аспекты клинических исследований. Рассмотрен ряд ключевых проблем биоэтики. Автор подчеркивает неоднозначность затрагиваемых вопросов и роль биоэтики в методологии исследования.

Ключевые слова и словосочетания: биоэтические проблемы, клинические исследования, биомедицинские эксперименты, биоэтика, этические принципы.

Современная медицина и биотехнологии открывают широкие перспективы в лечении болезней, ранее считавшихся приговором. Достижения последних десятилетий позволяют говорить не только о спасении тяжелобольных, но и о продлении человеческой жизни. Между тем инновации требуют тщательных исследований, которые зачастую переходят границы морально-этических принципов.

Клинические исследования ставят своей задачей изучение лекарственных средств на эффективность и безопасность. Сложная многоуровневая система испытаний включает в себя интересы различных сторон, среди которых спонсоры, органы государственного контроля, правозащитные организации и др. Нарушение общепринятых ценностей влечет за собой серьезный удар по репутации всего профессионального сообщества. Биоэтика исследований играет важную роль в методологии разработки испытания [3, с. 19].

Биоэтика базируется на универсальных этических принципах, среди которых уважение автономии личности, стремление к обеспечению блага пациента, принцип информированного согласия и конфиденциальности [2, с. 27]. Вышеперечисленные принципы были закреплены Хельсинкской декларацией 1964 г., основные положения которой вошли в законодательства ряда стран, а также Конвенцией Совета Европы о биоэтике [4, с. 94]. Однако правовые нормы, устанавливая границы приемлемого, все же оставляют место для различных дилемм, разногласий и уловок.

Одной из наиболее распространенных биоэтических проблем клинических исследований является конфликт интересов ученых-клиницистов. Главной задачей всегда должно оставаться улучшение состояния здоровья пациента, однако у исследователя могут появляться другие интересы: увеличение собственного дохода, продвижение по службе, известность в научных кругах и т.д. Конфликт интересов всегда опасен, так как подрывает доверие к испытаниям. Особым поводом для конфликтов может стать информация, полученная в ходе исследований. В ряде случаев важные для общественности сведения могут оказаться скрытыми за счет специальных договорных положений, ограничивающих распространение определенного вида информации [1, с. 567]. Другой проблемой, связанной с информацией, может быть врачебная тайна, которая является категорическим императивом медицины, однако иногда в рамках клинического исследования приходится оглашать некоторые сведения. Нередко разглашение врачебной тайны происходит за счет технических ошибок либо при применении рискованных методов лечения [2, с. 36–38]. В любом случае исследователи должны обеспечить максимальную конфиденциальность для пациентов.

Поскольку клинические исследования имеют сложную организацию и довольно затратны, возникает вопрос об упрощении процедур. Это рождает дополнительные вопросы. Например, можно ли использовать полученные биологические материалы в других исследованиях? В любом случае это требует информированного согласия пациента и протоколирования процедур. Неоднозначен вопрос о материальной компенсации для доноров биоматериала, так как это может расцениваться как приравнивание человеческой жизни к товару, хотя подобный шаг облегчает поиск доноров-добровольцев. Допустимо ли ускорение испытаний при напряженной эпидемиологической ситуации? Этот вопрос наиболее обострился во время пандемии COVID-19, когда удалось в сжатые сроки разработать вакцины, но появились споры относительно безопасности данных препаратов. Сложным вопросом являются клинические испытания на детях. Такие исследования отличаются особой проблемностью ввиду вовлечения родителей, особенностей детской психики и физиологии. Поэтому клиническим испытаниям на детях всегда предшествуют исследования в старших возрастных группах [1, с. 23].

Таким образом, биоэтические проблемы клинических исследований сложны из-за широкого проблемного поля и неоднозначности.

Они лишь в очередной раз подчеркивают, что биомедицинские эксперименты – это большая ответственность, и даже самые перспективные разработки должны учитывать общечеловеческие ценности, а приоритетом всегда остается безопасность каждой личности и человечества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биоэтика и глобальные вызовы. Документы и размышления / Авт.-сост. Ю.Н. Саямов. – М.: Вече, 2020. – 672 с.
2. Биоэтика и гуманитарная экспертиза: проблемы геномики, психологии и виртуалистики / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. Ф. Г. Майленова. – Москва : ИФРАН, 2007. – 223 с.
3. *Васильев А. Н.* Клинические исследования. Методология разработки и принципы проведения / А. Н. Васильев, Р. Р. Ниязов, Е. Ю. Парфенова, Т. В. Еременкова, А. П. Соловьева, В. К. Адонин // Ведомости Научного центра экспертизы средств медицинского применения. – 2012. – №4. – С. 19–25. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klinicheskie-issledovaniya-metodologiya-razrabotki-i-printsipy-provedeniya> (дата обращения: 28.03.2022).
4. *Кущенко В. В.* Нормативно-правовое регулирование клинических исследований / В. В. Кущенко // РФК. – 2006. – № 1. – С. 93–98. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovoe-regulirovanie-klinicheskikh-issledovaniy> (дата обращения: 29.03.2022).

ПОНЯТИЕ «ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА» И ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Чернышова В.В.

Сибирский государственный университет путей сообщения
Научный руководитель: д-р филос. наук, проф. Мартишина Н.И.

Аннотация. Одним из проявлений стремления человека к идеалу является допущение человечеством возможности улучшить собственную биологическую природу. В настоящее время для этого существуют радикальные научные перспективы, связанные, в частности, с генетикой и технологиями клонирования. Философское понимание глубокой взаимосвязи биологической и социальной стороны человека позволяет лучше осознать риски таких технологий

Ключевые слова и словосочетания: природа человека, конструирование человека, антропогенетика, клонирование

Особенностью философского подхода к постижению человека является то, что философия интересуется человеком в его направленности к совершенствованию. Он рассматривается как существо, способное соотносить сущее и должное и искать способ сделать должное сущим. Вполне закономерно, что направленность к лучшему, стремление подняться над тем, что дано изначально, распространяется человеком и на собственную природу.

Под человеческой природой в философии понимается совокупность естественных, базовых качеств всех принадлежащих к виду *Номо* (строение руки, мозга и другие составляющие «гоминидной триады», членораздельная речь, способность к мышлению и т. д.). Природа человека – это, конечно, в первую очередь его биологические (анатомо-физиологические, ментальные) свойства. Но в современном мире природа человека поддается социальной корректировке: ограниченность органов чувств можно не только компенсировать технологически, но и исправить (например, с помощью операции улучшить зрение), физические возможности – развить, сменить пол и т. д. Социальные условия бытия становятся существенным фактором формирования человека даже в биологическом плане.

Развитие науки сегодня создает для этого принципиально новые возможности. Так, в современной антропогенетике осуществлена расшифровка генома человека. В результате созданы «генные карты», которые не только показывают, где какой ген расположен, но и связывают участки генной структуры с теми функциями организма, за которые они отвечают. Соответственно возможная корректировка становится гораздо более «прицельной» и глубокой. Это имеет огромное не только научно-фундаментальное, но также и нравственное, аксиологическое значение. Прогресс в генной инженерии создает возможность осуществить на уровне биологической определенности человека глубокие и радикальные перемены. И это в свою очередь может изменить общество в гораздо большей степени, чем прежние научные и технологические прорывы.

Призывы к предупреждению «неконтролируемой евгеники» базируются на аргументе о том, что мы пока не можем оценить последствия вмешательства в природу человека. Взаимосвязь биологии,

физиологии и социальных аспектов личности может оказаться более глубокой, чем мы себе представляем, и человек, геном которого подвергнется редактированию, рискует неожиданно утратить какие-то человеческие качества, внешне далекие от биологических свойств. Это напрямую затрагивает, в частности, способности человека – например, генная профилактика некоторых психических заболеваний может обернуться утратой творческих способностей. Если в недавнем прошлом в психологии и философии была распространена идея социальных оснований формирования всех качеств человека, в том числе его предрасположенности к определенным видам деятельности, то сейчас все в большей степени осознается значение наследственных факторов, генетики. А это означает, что любое вмешательство в геном может привести к трансформации личности человека, причем даже в отдаленной сфере.

Конечно, возможности воздействия новейших технологий на природу человека должны оцениваться с учетом их ценностного содержания. Если речь идет не просто о познании человека, но и о разного рода воздействиях на него, то важен вопрос, для чего это делается. Одно дело – это использование вмешательства в геном для лечения заболеваний, особенно в тех случаях, когда не сработали другие методики лечения. Например, существует генно-модифицирующий препарат, с помощью которого можно излечить прогрессирующую слепоту, вызванную определенной мутацией сетчатки глаза. Другое дело – это проекты создания людей с заранее определенными характеристиками, внешними и внутренними качествами, например, выбранным родителями цветом глаз и волос или идеальным музыкальным слухом. Такие проекты, еще недавно казавшиеся утопическими, сегодня имеют достаточную научную проработку. Замысел конструирования человека – это своеобразная сверхидея, выражающая самую суть биотехнологической революции. Но это прямая дорога к расслоению общества на тех, кто захочет и сможет себе позволить «улучшение» будущего ребенка (а потом и людей, подвергшихся такому улучшению), и тех, кому эти технологии недоступны.

Еще одной когда-то фантастической, а ныне вполне реальной технологической перспективой является клонирование человека. Сама возможность клонирования не только меняет наши представления о биологической природе как устойчивом основании человеческого бытия, но и переворачивает основные связи, посредством которых

человек существует в обществе – институт семьи и брака, родство, индивидуальность. Если окажется, что человеческий род может продолжаться совершенно иным способом, то это повлечет за собой радикальное изменение тысячелетних философских представлений о сущности человека и его месте на земле, перевернет жизненные принципы человеческой цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

Найдыш В. М. Философские проблемы антропогенетики и генной инженерии / В. М. Найдыш, Е. Н. Гнатик // Вестник РУДН. Серия «Философия». – 2008. – № 4. – С. 29–34.

РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ ВО ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Чернявская Н.В.

учитель начальных классов, МБОУ Лицей № 113, г. Новосибирск

Мусатова О.В.

канд. пед. наук, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет

Аннотация. В статье рассмотрены особенности развития эмоционального интеллекта у младших школьников с ограниченными возможностями здоровья. Показаны возможности внеурочной деятельности в условиях инклюзивного образования для развития эмоционального интеллекта у данной категории обучающихся.

Ключевые слова и словосочетания: младшие школьники, ограниченные возможности здоровья, эмоциональный интеллект, внеурочная деятельность, инклюзивное образование.

На протяжении веков эмоции и познавательная способность человека воспринимались как две отдельные концепции. В наше время широко распространена концепция взаимно активных и разнонаправлен-

ных связей между двумя объектами. Нейробиологи раскрыли множество взаимодействий между эмоциями и когнитивными процессами, демонстрируя существующую между ними взаимосвязь [4]. Следовательно, эмоции и такие когнитивные процессы, как внимание, мышление и память (среди прочих), связаны между собой [2].

Развитие умственных способностей у детей младшего школьного возраста с ограниченными возможностями здоровья – это очень трудоемкая и сложная проблема, а также актуальная и востребованная современными психологами. Эмоциональный интеллект – это умение понимать, также правильно и грамотно подразумевать представление личности, способное проявляться на основе чувств и управления ими, т. е. это системное интегративное образование [3].

Формирование и развитие эмоционального интеллекта у детей с ограниченными возможностями здоровья очень важно непосредственно в младшем школьном возрасте, так как именно в этом возрасте имеются затруднения, которые вызваны недостаточно сформированной эмоционально-волевой сферой, что оказывает негативное влияние не только на умственное развитие ребенка, но и затрудняет процесс его адаптации к школьной жизни в целом и учебной деятельности в частности. Многими исследователями, которые изучали развитие младших школьников с ограниченными возможностями здоровья, отмечалось, что данные дети имеют некоторые особенности в эмоциональной сфере, которая выражена в трудности регуляции эмоций, иногда даже неадекватности их проявления, склонности к проявлению различных аффектов.

Можно отметить, что феномен эмоционального интеллекта включает в себя два аспекта: внутриличностный (умение понимать и управлять собственными эмоциями) и межличностный (умение распознавать эмоции окружающих). Несомненно, данные качества способствуют высокой адаптивности и эффективности в общении. Следовательно, развитие эмоционального интеллекта – это возможность младших школьников с ограниченными возможностями здоровья стать более успешными во многих жизненных сферах. Тем не менее анализ теоретических источников и практики развития эмоционального интеллекта позволяет говорить о том, что программ, которые рассчитаны на младших школьников с ограниченными возможностями в условиях инклюзивного образования, незначительное количество. Либо это программы, направленные на развитие эмоционального интеллекта для

нормотипичных младших школьников, либо для подростков и студентов. Однако, как уже было сказано ранее, именно младший школьный возраст является оптимальным для развития эмоционального интеллекта детей с ограниченными возможностями здоровья.

Е.В. Коновалова и А. А. Андреева отмечают, что инклюзивное образование вывело «из тени» количество детей с ограниченными возможностями здоровья и актуализировало их проблемы для образовательных учреждений и общества в целом. Субъекты инклюзивной среды: дети с ограниченными возможностями здоровья, их родители, их одноклассники, их учителя и воспитатели составляют особую живую систему, в которой есть свои законы и проблемы [1]. Поэтому необходима программа, которая будет учитывать особенности младших школьников с ограниченными возможностями здоровья, а также возможности инклюзивной образовательной среды.

Федеральный государственный образовательный стандарт предполагает реализацию урочной и внеурочной деятельности в образовательном учреждении. Под внеурочной деятельностью в рамках реализации ФГОС НОО следует понимать отличающуюся от классно-урочной образовательную деятельность и направленную на достижение планируемых результатов освоения основной образовательной программы начального общего образования. Эта деятельность в начальной школе принципиально отличается от учебной и призвана решать ряд очень важных задач: обеспечить благоприятную адаптацию ребенка в школе; оптимизировать учебную нагрузку младших школьников; улучшить условия для развития ребенка; учесть возрастные и индивидуальные особенности обучающихся. ФГОС НОО также подчеркивает необходимость «принимать во внимание индивидуальные, возрастные, психологические и физиологические особенности обучающихся». Таким образом, интерес к проблеме развития эмоционального интеллекта младших школьников с ограниченными возможностями здоровья основан на значении этого психического явления в человеческой жизни.

Развитие эмоционального интеллекта во внеурочной деятельности происходит посредством приобретения опыта коллективного взаимодействия, формирования умения понимать и распознавать чужие эмоции, а также управлять и транслировать собственные эмоции. Программа внеурочной деятельности в условиях инклюзивного образования должна предусматривать задания, предлагающие разные виды коллективного взаимодействия: работа в парах, работа в малых груп-

пах, коллективный творческий проект, инсценировки, коллективные игры и праздники. Так младшие школьники с ограниченными возможностями здоровья будут более социализированы в школьной среде.

Программой внеурочной деятельности в условиях инклюзивного образования должно быть предусмотрено, чтобы каждое занятие было направлено на развитие эмоциональной сферы, поэтому процесс необходимо строить на единстве активных и увлекательных методов и приемов, при котором у младших школьников с ограниченными возможностями здоровья появляются знания базовых эмоций (радость, печаль, гнев, стыд, интерес, удивление, вина). Кроме того, младших школьников необходимо познакомить с чувствами и нравственными качествами.

Таким образом, наличие у младшего школьника с ограниченными возможностями здоровья хорошо развитого эмоционального интеллекта является условием его успешной деятельности, эффективного взаимодействия с окружающими и в целом положительно влияет на общее развитие личности. Поэтому так важно начать целенаправленную работу по развитию эмоционального интеллекта в младшем школьном возрасте, делая акцент на основные его компоненты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коновалова Е. В. Становление эмоционального интеллекта младших школьников с легкой умственной отсталостью как необходимое условие социализации в инклюзивном образовании / Е. В. Коновалова, А. А. Андреева // Традиции и перспективы науки XXI века. Материалы X Всероссийской научно-практической (педагогической) конференции. – Тамбов, 2021. – С. 216–220.

2. Люсин Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте / Люсин Д. В.; под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования. – Москва : Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2004. – С. 29–36.

3. Джозеф Д. Л. Эмоциональный интеллект: интегративный метаанализ и каскадная модель / Д. Л. Джозеф, Д. А. Ньюман // Журнал прикладной психологии. – 2010. – № 95(1). С. – 54–78.

4. Фелпс Э. А. Эмоции и принятие решений: множественные модулирующие нейронные цепи / Э. А. Фелпс, К. М. Лемперт, П. Сокол-Хесснер // Ежегодный обзор неврологии. – 2014. – № 37. – С. 263–287.

ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПОСТЧЕЛОВЕК

Шатырин А.В., Данилкова М.П.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент Данилкова М.П.

Аннотация: статья посвящена рассмотрению трансгуманизма и его влияния на становление нового человека будущего – постчеловека.

Ключевые слова и словосочетания: трансгуманизм, постчеловек, новейшие технологии.

Основная цель гуманизма – переход от человека к постчеловеку. Постчеловек – потомок человека, который в ходе различных модификаций перестал считаться последним. Человек – существо, меняющее окружающую среду под себя, однако развитие науки приведет к технологической сингулярности – момент, когда развитие технологий становится неуправляемым и необратимым, момент, приводящий к неминуемому изменению облика человека и всей цивилизации в целом.

Основной чертой постчеловека является физическая и интеллектуальная гениальность: это трансгуманистическое создание будет сильнее самого сильного и умнее самого умного человека из когда-либо живущих на Земле. Конечно, человек будущего не будет подвержен никаким болезням, ему будут чужды все страдания, также он будет вечно молодым, а следовательно, и бессмертным. Постчеловек – постоянно меняющийся вид, естественная эволюция на которого никак не влияет, основным двигателем развития постчеловека являются технологии – искусственная эволюция, направленная на самого себя.

Основными технологиями, которыми оперируют ученые-трансгуманисты, являются генная инженерия, нейропротезирование, биохакинг, крионика, кибернетика [2].

С помощью геной инженерии люди смогут изменить свой генетический код как им угодно, что позволит избавиться от различных рудиментов человеческой природы: рак, врожденные болезни, неидеальность органов чувств и т. п. Благодаря нейропротезированию будут улучшены органы опорно-двигательной системы, будет улучшена память и т. д. С помощью крионики человек сможет отсрочить свою смерть. Таким образом, трансгуманизм это пазл из различных технологий, который складывается в постчеловека. Выделим некоторые положительные и негативные стороны трансгуманизма. К позитивным

характеристикам следует отнести избавление от любых видов страданий, контроль смерти, улучшение уровня жизни с развитием нанотехнологий и другие.

Вместе с тем ряд ученых настаивают на негативном влиянии трансгуманистических идей на развитие человечества. Среди таких аспектов особого внимания заслуживает *этический аспект*. Этическая позиция утверждает, что если трансгуманизм не ограничить и не остановить, то возникает абсолютный крах антропоцентризма. Человек уже не будет венцом и центром этого мира. Трансгуманисты считают, что человек это только начало. Некоторые ученые считают категорически недопустимым вмешательство в природу человека, например, цитата известного ученого Фрэнсиса Фукуямы: «Модификация любой из наших ключевых характеристик неизбежно влечет за собой изменение сложного, взаимосвязанного набора признаков, и мы никогда не сможем предугадать конечный результат» [3].

Социальный аспект приведет к усилению неравенства. В момент, когда технологии появляются, они доступны только элите общества, и только с течением времени достижения науки могут достаться более низшим слоям социума, а для беднейших и вовсе будут недоступны.

Экологический аспект Отсутствие естественной смерти влечет за собой неминуемый рост численности населения, что приведет к использованию все большего числа природных ресурсов.

Человечество всегда опасалось новых технологий, однако никогда не останавливалось и не прибегало к восстановлению статуса-кво. Так и привязанность к этическим аспектам человека во многом консервативна. Я думаю, что трансгуманизм неизбежен. Технологии будущего помогут создать инструменты для решения экологических и социальных проблем, к примеру, колонизация планет позволит завладеть другими источниками столь желанных ресурсов. С каждым годом темпы населения роста в развитых государствах неуклонно уменьшаются, основной «источник» людей – это бедные страны. В будущем, когда уровень жизни, будет на другом уровне, темпы роста уже в этих государствах будут уменьшаться.

В заключение отметим, что человечество будущего может пойти по двум сценариям. Во-первых, объединение всех разумов в единую сеть, в один цифровой организм. Тогда пропадет понятие индивидуальности – будет лишь гигантский коллективный разум, который управляет

толпой. Это повлечет за собой абсолютное исчезновение преступности, любой девиации в поведении. Однако цена всему этому – попранныя свобода человечества. Во-вторых, возведение индивидуальности в абсолют – каждый волен изменять себя как ему угодно, возможность лучше показать свою идентификацию. Данный сценарий напоминает мир в компьютерной игре Cyberpunk 2077, где мир наполнен киборгизированными людьми, которые модифицируют себя как хотят. Однако точно предугадать, каким будет постчеловек, невозможно. И никакие прогнозы ничего не стоят перед вариативностью нашего мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Луков В. А.* Трансгуманизм / В. А. Луков // Знание. Понимание. Умение. – 2017. – № 10.17895/zpu.2017.1.20
2. Трансгуманизм // Wikipedia – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Трансгуманизм> (дата обращения: 31.03.2022).
3. *Фукуяма Фрэнсис.* Трансгуманизм – это самая опасная идея в мире // Teletype. – URL: <https://teletype.in/@accelrmd/transhumanism-idea-fukuyama> (дата обращения: 13.04.2022).

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОЕКТОВ «УЛУЧШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА»

Шилыков К.К.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент Данилкова М.П.

Аннотация. В статье рассматриваются возможные способы реализации проекта «Улучшение человека»: генная инженерия, ксенотрансплантация и нейропротезирование. Подчеркивается этико-социальная проблематичность техноэволюции человека.

Ключевые слова и словосочетания: «улучшение человека», «дизайнерские дети», ксенотрансплантация, нейроинтерфейс, этические проблемы.

Возраст Земли составляет ~4,5 миллиарда лет. С самого появления живой организм эволюционировал безостановочно и стремительно, пытаясь выжить и облегчить свою жизнь. Сегодня человек не нуж-

дается в ежедневной охоте: все чего мы желаем, можно добыть без риска для жизни. Значит ли это, что наша эволюция подошла к концу? В данной статье мы попытаемся разобрать проблемы и перспективы «улучшения человека».

Вначале рассмотрим два возможных вида «улучшения человека».

Генная инженерия – изменение организма на генном уровне. Во многих из нас с рождения заложены качества, которые помогают лучше конкурировать в обществе: красота, интеллект, эффектная внешность или физическая сила.

«Дизайнерские дети» – проект, который подразумевает появление людей с улучшенным геном. В 2019 году на свет появились девочки-близняшки с искусственной мутацией *CCR5Δ32*, Эксперименты на мышах в 2016 году показали, что *CCR5Δ32* влияет на работу гиппокампа, существенно улучшая память. Ее носители имеют не только иммунитет к ВИЧ, но и быстрее восстанавливаются после инсульта или черепно-мозговой травмы, имеют лучшую память и способности к обучению, нежели «обычные» люди. Возможно, в ближайшем будущем мы сами будем предопределять наши сильные и слабые стороны.

Ксенотрансплантация – наука о трансплантации частей тела от одного живого существа другому. Это еще одна отрасль биоинженерии, которая позволит человеку стать «лучше». Данная отрасль позволяет заменить человеку больные органы органами животных. Возможно, в будущем благодаря ксенотрансплантации человек сможет не только лечить себя, но и перенимать качества животных, такие как зрение орла, регенерация аксолотли. Возможно, следующая ступень эволюции – человек-химера.

Теперь поговорим о имплантах будущего. Создание имплантируемых нейроинтерфейсов открывает уникальные возможности создания техники, управляемой мыслью, на практике выходящей за пределы реабилитационных решений для инвалидов. Появление в будущем двунаправленных интерфейсов позволит обмениваться информацией человеческому мозгу и внешним устройствам. В результате развития «мозг-компьютер» возникает новое существо – киборг. Сложно представить себе все возможности, которые станут доступны человеческому мозгу при объединении с внешними устройствами, можно лишь сказать, что человечество совершит огромный прыжок в развитии всех областей науки.

Этические проблемы. Российское сообщество генетиков считает, что такие эксперименты на данный момент преждевременны и требуют более глубокого исследования и обсуждений. Этично ли выращивать клонов, чтобы использовать их для трансплантации? Можно ли считать генномодифицированных детей людьми? Вариантов развития событий в области геномной инженерии существует множество, и далеко не все они изучены. Естественно, больше всего опасений вызывают плохие сценарии развития событий. Олег Долгицкий, социальный философ, отмечает что современное общество настолько разнообразно, что любые методы, способные существенно изменить геном, могут создать расслоение в обществе, где одни смогут позволить сделать себя «лучше», а другие – нет. Это является почвой для конфликтов и столкновений.

Следующая проблема. Перенесемся в мир будущего, где человек может изменить себя, но не хочет. Тогда его социальная роль сильно меняется, ведь он уступает во многих аспектах людям, которые изменили себя. Например, работодателю выгоднее взять к себе секретаря, чей мозг способен выполнять сложнейшие математические операции за секунды, нежели обычного человека, следовательно, все обязаны стать «лучше». Этично ли вынуждать человека делать следующий шаг в эволюции?

Вывод. Я считаю, что процесс перехода человека на новую ступень эволюции уже начался и его уже не остановить. Желание человека изменить себя будет только расти, конечно, на пути будет множество жертв, но они все будут не напрасны. Сейчас важно понять, сможет ли человек принять такое будущее?

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брызгалина Е. В.* Технонаука и перспективы улучшения человека: «я уже вижу наш мир, который покрыт паутиной лабораторий» / Е. В. Брызгалина. // КиберЛенинка: науч. электрон. библ. – 2016. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnounauka-i-perspektivy-uluchsheniya-cheloveka-ya-uzhe-vidhu-nash-mir-kotoryy-pokryt-pautinoy-laboratoriy> (дата обращения: 06.04.2022).

2. *Ремизова Р.* Что такое геномная инженерия и зачем вмешиваться в природу организмов / Р. Ремизова // РБК тренды (обновлено 02.09.2021) – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/612f77ad9a7947ce386b68ba> (дата обращения: 07.04.2022).

3. *Sobol S.* Дизайнерские дети: ожидать ли нам ГМО поколение? / S. Sobol // Naked science (обновлено 09.08.2020) – URL: <https://naked-science.ru/article/biology/dizajnerskie-deti> (дата обращения: 07.04.2022).

ТРАНСГУМАНИЗМ

Юсупова Д.Р.

Казанский государственный энергетический университет
Научный руководитель: канд. техн. наук, доцент Султанова Р.

Аннотация. Данная статья о вопросах трансгуманизма и биоэтике. Рассматриваются такие темы как этика инженерии зародышевой линии и критерии личности, которые имеют непосредственное отношение к дискуссии между трансгуманистами и биоконсервантами.

Ключевые слова: трансгуманизм, постчеловек, биоэтика, технология.

Трансгуманизм – интеллектуальное и общественно-политическое движение, занимающееся комплексом вопросов биоэтики, в частности вопросами, связанными с использованием технологий для радикального преобразования человеческого организма. Ядром трансгуманизма является поощрение использования биотрансформационных технологий для «улучшения» человеческого организма с конечной целью изменить человеческий организм настолько радикально, чтобы «преодолеть фундаментальные человеческие ограничения». Другими словами, если использовать трансгуманистическую терминологию, их основная цель – стать «постчеловеком».

Трансгуманизм набирает обороты как культурное и интеллектуальное движение и все больше становится глобальной политической силой. Беспокойство о личности и моральном статусе занимает центральное место в вопросах постчеловеческого и искусственного интеллекта. Трансгуманисты выступают против любых критериев личности, которые включают принадлежность к виду, поскольку исходя из этого люди не будут судить постлюдей как личности, в то время как постлюди не будут судить людей как личности [1].

Когда дело доходит до технологий, которые могут радикально изменить человеческий организм и биологические виды, генная инженерия обычно находится рядом или в верхней части списка. С 2012 года

растущий успех метода генной инженерии, известного как CRISPR, привел к широко разделяемым опасениям по поводу того, что технологические возможности в этой области намного опережают этические размышления и политику регулирования. В 2015 году китайские ученые впервые использовали CRISPR для модификации человеческих эмбрионов, а в октябре 2016 года китайские онкологи впервые ввели человеку клетки, содержащие отредактированные с помощью CRISPR гены, в попытке бороться с агрессивным раком легкого пациента. В результате таких достижений в 2015 году группа ведущих биологов призвала к глобальному мораторию на использование CRISPR для внесения наследуемых изменений в геном человека [2].

Джеймс Хьюз, исполнительный директор технопрогрессивного аналитического центра ИЕЕТ (Институт этики и новых технологий), заявил о желательности и неизбежности использования зародышевой линии и улучшения генной терапии [3].

Иоана Петре в своих рассуждениях возражает против неконтролируемых наследственных манипуляций с зародышевой линией, используя филогенетические аргументы, связанные с «неизвестными отдаленными последствиями» таких процедур. Петре отмечает, что мы не можем знать, какие черты будут цениться будущими людьми, которые станут результатом манипуляций с зародышевой линией нынешних людей. Хотя мы можем сделать некоторые обоснованные предположения (например, «предположить, что хорошее состояние здоровья по-прежнему будет представлять собой благо» – хотя возникает вопрос, не будут ли критерии «здоровья» или «хорошего здоровья» у будущих людей, не говоря уже о будущих постлюдях, отличаться от преобладающих в настоящее время представлений), они не заходят очень далеко. Петре утверждает, что неоднородность генофонда человека ценна не только потому, что она может способствовать появлению гетерозиготных признаков, но и потому, что унификация человеческих геномов имеет важные последствия для репродукции. В частности, по мере того как генофонд теряет разнообразие, половое размножение человека будет приближаться к формам бесполого размножения, перетасовывая и рекомбинируя те же версии генов, что и при клонировании.

В конечном счете позиция Петре не является абсолютистской – она не выступает за запрет упрощенной инженерии зародышевой линии. Ее заботят не столько модификации зародышевой линии как таковые,

сколько модификации зародышевой линии, которые могут передаваться по наследству без разбора [4].

Таким образом, крайне важно, чтобы к трансгуманизму относились серьезно, а его заявления подвергались строгой оценке, философские и биоэтические вопросы, связанные с ним, тщательно были исследованы, пока не стало слишком поздно. Технологическое совершенствование человека кажется неизбежным, но безрассудно бросаться в дивный новый постчеловеческий мир конечно же не стоит. И если мы не хотим слепо войти в это будущее, готовые быть удивленными неожиданными и, возможно, даже антиутопическими результатами, а скорее хотим идти вперед, вооруженные предусмотрительностью и критическим осмыслением, сейчас самое время включиться в этот процесс.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бостром Н.* Трансгуманистические ценности. Этические проблемы XXI века / Н. Бостром // Изд. Адамс Ф., Шарлоттсвилль, Вирджиния : Центр философской документации. 2003. – С. 3–14.
2. *Кряноски Д.* Редактирование генов CRISPR впервые испытано на человеке / Д. Кряноски // Природа 539. – 2016. – С. 479.
3. *Айдын С.* Постчеловек как пустой идол: ницшеанская критика человеческого усовершенствования / С. Айдын // Журнал медицины и философии. – 2017. – № 304. – С. 27–31.
4. *Петре И.* Будущие поколения и оправданность инженерии зародышевой линии / И. Петре // Журнал медицины и философии. – 2017. – С. 328–341.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Виватенко Сергей Валентинович, канд. истор. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, г. Санкт-Петербург.

2. Вихман Виктория Викторовна, канд. техн. наук, канд. пед. наук, доцент кафедры философии НГТУ.

3. Городецкий Марат Викторович, доцент, кафедра философии и истории СибУПК.

4. Данилкова Марина Петровна, канд. филос. наук, доцент, кафедра философии НГТУ.

5. Дзукаева Тамара Султановна, студентка 2-го курса магистратуры, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова», г. Владикавказ.

6. Зайцева Татьяна Ивановна, канд. филос. наук, доцент, кафедра истории и политологии НГТУ.

7. Зима Анна Анатольевна, канд. филос. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова», г. Владикавказ.

8. Игнатъев Владимир Игоревич, д-р филос. наук, профессор, кафедра СиМК НГТУ.

9. Кущенко Сергей Владимирович, д-р филос. наук, канд. истор. наук, доцент, кафедра истории и политологии НГТУ.

10. Миндигулова Арина Александровна, старший преподаватель, кафедра философии НГТУ.

11. Моргунов Георгий Вадимович, канд. филос. наук, доцент, кафедра философии НГТУ.

12. Новоселов Виктор Геннадьевич, канд. филос. наук, доцент, кафедра философии НГТУ.

13. Прокаева Елена Геннадьевна, аспирант кафедры философии и гуманитарных наук НГУЭУ.

14. Пронер Нина Сергеевна, канд. филос. наук, доцент, кафедра философии НГТУ.

15. Ромм Марк Валериевич, д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии НГТУ.

16. Сиволап Татьяна Евгеньевна, канд. истор. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, г. Санкт-Петербург.

17. Сандакова Людмила Борисовна, канд. филос. наук, доцент, кафедра философии НГТУ.

18. Хандогин Руслан Викторович, ассистент, кафедра философии НГТУ.

19. Черепанов Игорь Владимирович, канд. филос. наук, доцент, кафедра философии НГТУ.

СОЦИАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ РОССИИ

Сборник научных статей по докладам XVI Всероссийских Копыловских чтений

Под редакцией М.В. Ромма, В.И. Игнатъева, В.Г. Новоселова, Л.Б. Сандаковой

Выпускающий редактор *И.П. Брованова*
Корректор *И.Е. Семенова*
Дизайн обложки *А.В. Ладыжская*
Компьютерная верстка *Н.В. Гаврилова*

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции
Издание соответствует коду 95 3000 ОК 005-93 (ОКП)

Подписано в печать 22.11.2022. Формат 60 × 84 1/16. Бумага офсетная
Тираж 30 экз. Уч.-изд. л. 11,85. Печ. л. 12,75. Изд. № 209. Заказ № 306
Цена договорная

Отпечатано в типографии
Новосибирского государственного технического университета
630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20